

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **Психологические
НАУКИ**

ОТНОШЕНИЕ К КРИПТОВАЛЮТАМ У МОЛОДЁЖИ
С РАЗНЫМ ОПЫТОМ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ, ИНТЕЛЛЕКТ
И ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СОТРУДНИКОВ
С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЛОЯЛЬНОСТИ К ОРГАНИЗАЦИИ

2021 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2021 / № 1

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки); 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки); 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки) (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialties: 19.00.01 – General psychology, psychology of personality, history of psychology (psychological sciences); 19.00.03 – Psychology of labour, engineering psychology, ergonomics (psychological sciences); 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences); 19.00.07 – Pedagogical psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8514 (print)

2021 / № 1

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. — д. псих. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Забродин Ю. М. — действительный член (академик) Академии космонавтики России им. К. Э. Циолковского, д. псих. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Иванников В. А. — академик Российской академии образования, д. псих. н., проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карри К. — д. псих. н., Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Митина Л. М. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д. псих. н., профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. — д. псих. н., координатор исследований, Хайфский университет (Государство Израиль)

Утлик Э. П. — д. псих. н., проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента социальной защиты населения г. Москвы

Шнейдер Л. Б. — д. псих. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Эрнер И. — д. псих. н., проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. — 2021. — № 1. — 132 с.

© МГОУ, 2021.

© ИИУ МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences»
Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Regional State University

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Members of Editorial Board:

Yu. M. Zabrodin – Full member (academician) of the Academy of Cosmonautics of Russia, named after K.E. Tsiolkovsky; Moscow State University of Psychology & Education

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

L. M. Mitina – Doctor in Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Doctor in Psychology, Professor, Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Doctor of Psychology, Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, State University of Management

M. V. Firsov – Doctor of History, Professor, Institute of Additional Professional Education for Social Workers of the Department of Social Protection of the Population of Moscow

L. B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in psychology, Professor, City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2021. – № 1. – 132 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Губанов А. В., Зотова Л. Э., Сидячева Н. В.** Сокращённая версия русскоязычной шкалы диспозиционной осознанности (самт) для подростков 6
- Зиренко М. С., Корнилова Т. В.** Толерантность к неопределённости, интеллект и личностные черты: кросс-культурное исследование российских и американских студентов 20
- Лаврова Н. А.** Взаимосвязь между типом привязанности и нарушением пищевого поведения.. 32
- Шестова М. А.** Экспериментальная эстетика и эстетические эмоции: обзор западных трендов 47

РАЗДЕЛ III. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Бажданова Ю. В., Овсяник О. А.** Психологические особенности восприятия лидерства 55
- Гребенников Ю. Л., Орлова Е. А.** Взаимосвязь эмоционального интеллекта и совладающего поведения у медицинских работников 63
- Дробышева Т. В.** Понятие «экономико-психологическая зрелость» личности и его операционализация..... 74
- Дробышева Т. В., Гагарина М. А., Нестик Т. А.** Отношение к криптовалютам у молодёжи с разным опытом финансового поведения..... 84
- Кузнецова Д. А., Касян М. М.** Психологическое благополучие сотрудников с различным уровнем лояльности к организации 97
- Трушина И. А., Честюнина Ю. В., Забелина Е. В., Телицына А. Ю.** Адаптация методики «Шкала аттитюдов ко времени» Ж. Нютенна для диагностики отношения ко времени у японских студентов 107

РАЗДЕЛ III. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЭРГОНОМИКА

- Хаидов С. К., Басин М. А.** Мотивация как детерминанта личностно-профессиональных качеств специалистов с педагогическим образованием, проходящих профессиональную переподготовку в дистанционной форме 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ташимова Ф. С., Ризулла А. Р.** Психологи в условиях пандемии 127

CONTENTS

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY

- A. Gubanov, L. Zotova, N. Sidyacheva.** Reduced Version of Dispositional Mindfulness Scale (CAMM) for Teenagers in Russia 6
- M. Zirenko, T. Kornilova.** Tolerance of Uncertainty, Intelligence, and Personality Traits: a Cross-Cultural Study on Russian and American Students 20
- N. Lavrova.** On Correlation Between Insecure Attachment and Eating Disorders 32
- M. Shestova.** Experimental Aesthetics and Aesthetic Emotions: Review of the Trends in the West .. 47

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

- Yu. Bazhdanova, O. Ovsyanik.** Psychological Peculiarities of Leadership Perception 55
- Yu. Grebennikov, E. Orlova.** Relationship Between Medical Professionals' Emotional Intelligence and Coping Behavior 63
- T. Drobysheva.** "Economic-Psychological Maturity of the Personality" Concept and Its Operationalization 74
- T. Drobysheva, M. Gagarina, T. Nestik.** Attitude to Crypto-Currencies Among Young People with Different Experiences of Financial Behavior 84
- D. Kuznetsova, M. Kasiyan.** Psychological Well-Being of Employees with Different Levels of Loyalty to the Organization 97
- I. Trushina, Yu. Chestyunina, E. Zabelina, A. Telitsyna.** Adaptation of J. Nuttin's Methodology "Scale of Attitudes Towards Time" for Determining Attitudes Towards Time Among Japanese Students 107

SECTION III. LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, ERGONOMIC

- S. Khaidov, M. Basin.** Motivation as a Determinant of Personal-Professional Qualities of Specialists with Pedagogical Education Undergoing Professional Retraining in a Remote Form 118

SCIENTIFIC LIFE

- F. Tashimova, A. Rizzullah.** PSYCHOLOGISTS IN THE CONDITIONS OF PANDEMIC 127

РАЗДЕЛ I.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.43

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-6-19

СОКРАЩЕННАЯ ВЕРСИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ШКАЛЫ ДИСПОЗИЦИОННОЙ ОСОЗНАННОСТИ (САММ) ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Губанов А. В., Зотова Л. Э., Сидячева Н. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Сокращение шкалы диспозиционной осознанности (САММ) для русскоязычной выборки подростков и приведение её к однофакторной структуре.

Процедура и методы. Для психометрической проверки изучались корреляционные связи пунктов шкалы с тестом и анализировались показатели их надёжности. Проверка факторной структуры проводилась при помощи конфирматорного факторного анализа, а критериальной валидности – при помощи корреляционного анализа.

Результаты. Исследование показало, что сокращённая до 7 пунктов шкала соответствует однофакторной модели по критерию хи-квадрат и имеет хорошие показатели по индексам RMSEA, Pclose, GFI и CFI. Показатель альфа Кронбаха указывает на приемлемость шкалы из 7 пунктов по её психометрической надёжности. Корреляционный анализ с релевантными конструктами подтверждает критериальную валидность сокращённой шкалы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сокращённая шкала диспозиционной осознанности может применяться в индивидуальной и групповой диагностике подростков.

Ключевые слова: диспозиционная осознанность, САММ, сокращение шкалы, русскоязычная шкала осознанности для подростков

REDUCED VERSION OF DISPOSITIONAL MINDFULNESS SCALE (CAMM) FOR TEENAGERS IN RUSSIA

A. Gubanov, L. Zotova, N. Sidyacheva

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. Reducing the scale of dispositional mindfulness (CAMM) for the Russian-speaking sample of adolescents and bringing it to a one-factor structure.

Methodology. For psychometric testing, the correlations between the items of the scale and the test were

studied and the indicators of their reliability were analyzed. The factor structure was checked using the confirmatory factor analysis, and the criterion validity was carried out using the correlation analysis.

Results. The study showed that the scale, reduced to 7 items, corresponds to the one-factor model according to the chi-square test and performs well on the RMSEA, Pclose, GFI and CFI indices. Cronbach's alpha index points at the acceptability of a 7-items scale for its psychometric reliability. The correlation analysis with relevant constructs confirms the criterion validity of the reduced scale.

Research Implications. The reduced scale of dispositional mindfulness can be used in individual and group diagnostics of adolescents

Keywords: dispositional mindfulness, CAMM, scale reduction, Russian-language mindfulness scale for adolescents

Введение

Осознанность как психологический феномен начала активно изучаться в зарубежной науке, когда вышли труды Д. Кабат-Зинна (J. Kabat-Zinn, 1994), М. Уильямса, З. Сигала и Д. Тисдейла (M. Williams, Z. Segal & J. Teasdale, 2002), направленные на популяризацию осознанности как медитативной практики снижения стресса [18; 23]. Практика осознанности «учит узнавать воспоминания и саморазрушительные мысли, как только они появляются», блокировать поток деструктивных эмоций, которые вызывают тревогу, стресс, депрессию, раздражительность и усталость [4, с. 23]. Обзор исследований по проблеме осознанности, проведенный Е. Томлинсоном и др., показал её связь с психологическим здоровьем личности [25].

В дальнейшем психологические исследования показали, что каждый человек изначально обладает в меньшей или большей степени тенденцией быть осознанным. Это свойство личности назвали диспозиционной осознанностью (Д. Кабат-Зинна, 2003; Э. Томлинсон, 2018; О. Юсаф, 2018; К. Гудолл, 2012; А. Тройновская, 2012; С. Дорогая, 2012).

Диспозиционная осознанность – это сложный конструкт, включающий в себя способность наблюдать и описывать свой опыт, осознанно действовать, фокусироваться на настоящем моменте, принимать свой опыт без осуждения и уметь отсрочивать эмоциональные реакции на жизненные события [4].

Единой операциональной дефиниции осознанности в психологической науке пока не существует, а структура изучаемого явления представлена от однофакторной у К. Браун и Р. Райан (2003) до восьмифакторной у С. Бергоми (2014), что диктует необходимость внимательного отношения исследователей к теоретическому описанию конструкта осознанности при разработке практических мер воздействия и создания измерительного инструментария [7; 11].

Необходимо отметить, что постепенно фокус интереса исследователей расширился и наряду со взрослой аудиторией начинает изучаться проявление осознанности у подростков и детей (Зоогман, 2015) [26]. Осознанность изучается не только в клиническом аспекте и практике медитации детей и подростков (Берк, 2010; Чемберс, 2015; Ремпель, 2012; Шонерт-Райхль, 2015; Ван Дам, 2018), но и как свойство личности. Диспозиционная осознанность связана с широким спектром эмоциональных, когнитивных и поведенческих характеристик тинэйджеров (Паллоцци, 2017) [19]. Отмечается, что диспозиционная осознанность является протективным фактором ментальных проблем в подростковом возрасте (Пеппинг, 2016) [20], значимой характеристикой, определяющей социальный климат подросткового коллектива [2; 24], имеет значимые отрицательные корреляционные связи с тревожностью, эмоциональными нарушениями, депрессивными симптомами, интернальными и экстер-

нальными поведенческими симптомами [15], положительные – с жизнеспособностью [24], психологическим благополучием [5; 8; 11; 13], самосостраданием, конструктивными когнитивными стратегиями эмоциональной регуляции, позитивными эмоциями и состояниями [9; 10; 15; 16].

При всей видимой полезности учёта феномена осознанности в структуре личности подростка, существует нехватка как теоретических, так и практических исследований, направленных на данную возрастную группу, в том числе отмечается недостаточное количество диагностического инструментария.

В зарубежной академической психологии отмечается, что одной из проблем, препятствующих активному использованию осознанности в теоретических и практических целях, во многих странах является то, что диагностический инструментарий осознанности представлен в основном на английском языке. Соответственно, требуется серьёзная работа по адаптации диагностических методик с учётом культурного контекста каждой страны [15].

В России существует та же проблема, что и во многих неанглоговорящих странах – недостаточная разработанность проблемы осознанности с учётом национальной культурной специфики. Только последние 10–15 лет отмечены вниманием отечественных учёных к изучаемому феномену. Труды А. С. Андреева, Е. В. Ветерок, А. М. Голубева, Н. В. Гришиной, А. В. Губанова, Л. Э. Зотовой, Н. В. Ланиной, О. Д. Пуговкиной, О. С. Прилепских, Д. С. Семёнова, Н. В. Сидячевой, А. И. Слоновой, Т. И. Шульги, Н. М. Юмартовой и др. посвящены качественному обзору зарубежных статей, теоретическому наполнению содержания конструкта осознанности и созданию диагностического инструментария. Необходимо отметить недостаточное количество работ, направленных на детский и подростковый возраст. И если можно констатировать появление

первых исследований, рассматривающих осознанность как качество личности подростков [6], то гораздо сложнее дело обстоит с разработкой диагностического инструментария для данной возрастной категории.

В зарубежной психологии в настоящее время широко распространены две шкалы для измерения диспозиционной осознанности: опросник внимательности и осознанности (Mindful Attention Awareness Scale for Adolescents – MAAS-A), разработанный К. Браун с коллегами [12], и Шкала осознанности для детей и подростков (Child and Adolescent Mindfulness Measure – CAMM), авторы Л. Греко, Р. Баер, Г. Смит [16]. Обе оригинальные шкалы были опубликованы в 2011 году.

Шкала MAAS-A является однофакторным конструктом, где осознанность представлена как свойство внимания и определяется как состояние сознания, при котором респондент открыт своему опыту и осведомлён о нём [11].

Шкала осознанности CAMM разработана для детей и подростков от 8 до 17 лет. Разработка оригинальной шкалы проходила в несколько этапов: изначально авторы предлагали шкалу из 25 пунктов, имеющую четырёхфакторную структуру, затем количество факторов сокращалось из-за того, что не все они применимы к детскому и подростковому возрасту и не имеют высокой психометрической нагрузки. В итоге шкала стала содержать 16 пунктов и была приведена к двухфакторной структуре. Поскольку в первый фактор (осознание текущей деятельности и неосуждающий ответ на свои чувства и мысли) вошло 13 утверждений, а во второй фактор – только три (они касались избегания неприятных мыслей и чувств), авторы сделали выбор в пользу однофакторной структуры и сократили количество высказываний до 10 пунктов [16, р. 609].

В дальнейшем исследования по валидации опросника CAMM, проведён-

ные в Италии, Испании, Португалии, Нидерландах, Чили и Франции продемонстрировали адекватность однофакторной модели опросника [14; 15; 17].

Русскоязычный вариант шкалы диспозиционной осознанности (ШДО), включающий в себя 10 пунктов, представлен в работе Л. Э. Зотовой, А. В. Губанова, Н. В. Сидячевой (2020) [1].

В основу разработанной шкалы был положен теоретический концепт Л. Греко, Р. Баер, Г. Смит, определяющий диспозиционную осознанность как осознание настоящего момента, а также неосуждающие и приемлемые реакции на мысли и чувства [16].

Целью данного исследования явилось сокращение шкалы диспозиционной осознанности (ШДО) для подростков в плане и приведение её к однофакторной структуре.

Задачи исследования:

1. Анализ шкалы ШДО из 10 пунктов, сокращение пунктов с низкими показателями надёжности.

2. Сравнение психометрических показателей ШДО из 7 и 8 пунктов, обоснование выбора наиболее приемлемого варианта шкалы.
3. Оценка критериальной валидности шкалы из 7 пунктов.
4. Разработка нормативных шкал для сокращённого варианта ШДО-7.

Программа исследования

При сокращении размеров опросника мы опирались на пример испанской, португальской и чилийской версий шкалы САММ. Эти версии являются сокращёнными вариантами САММ, включают в себя соответственно 5, 9 и 7 пунктов (в отличие от оригинальной шкалы из 10 пунктов), имеют однофакторную структуру и высокую степень согласованности утверждений (Я. Гуэрра и соавт., 2019; М. Кунья и соавт., 2012; Гарсия-Рубио и др., 2019). В таблице 1 представлена структура упомянутых выше шкал осознанности.

Таблица 1 / Table 1

Структура различных версий шкалы САММ / Structure of different versions of the CAMM scale

Оригинальная версия САММ-10 (Л. Греко и др.)	Русскоязычная версия ШДО-10 (Л. Э. Зотова, А. В. Губанов, Н. В. Сидячева)	Сокращённая испанская версия САММ-5 (Дж. Гуэрра и др.)	Сокращённая португальская версия САММ-9 (М. Кунья и др.)	Сокращённая чилийская версия САММ-7 (Гарсия-Рубио и др.)
1. I get upset with myself for having feelings that don't make sense	1. Я расстраиваюсь, когда у меня появляется чувство, которое я не могу объяснить.	+	+	+
2. At school, I walk from class to class without noticing what I'm doing.	2. В школе я хожу с урока на урок, не замечая то, что я делаю.		+	
3. I keep myself busy so I don't notice my thoughts or feelings	3. Я себе нахожу занятия, чтобы не замечать своих мыслей и чувств.		+	+
4. I tell myself that I shouldn't feel the way I'm feeling.	4. Я сам себя убеждаю, что я не должен чувствовать то, что я чувствую.	+	+	+

Окончание табл. 1

5. I push away thoughts that I don't like.	5. Я отгоняю от себя мысли, которые мне не нравятся.			
6. It's hard for me to pay attention to only one thing at a time	6. Мне тяжело концентрироваться на чём-то одном.		+	
7. I think about things that have happened in the past instead of thinking about things that are happening right now.	7. Я думаю о событиях, которые происходили в прошлом, вместо того, чтобы думать о том, что происходит сейчас.	+	+	+
8. I get upset with myself for having certain thoughts.	8. Меня расстраивают некоторые мои мысли.	+	+	+
9. I think that some of my feelings are bad and that I shouldn't have them.	9. Я думаю, что некоторые из моих чувств – плохие и что мне не следует их иметь.	+	+	+
10. I stop myself from having feelings that I don't like.	10. Я подавляю в себе чувства, которые мне не нравятся.		+	+

Источник: составлено авторами по: Гуэрра Дж., Кунья М., Гарсия-Рубио и др. [14; 15; 17].

Представленный анализ зарубежных версий шкалы САММ подтверждает наличие культурной специфики интерпретации респондентами пунктов опросника, а также возможность сокращения шкалы с сохранением её смыслового единства и адекватных психометрических показателей.

В более раннем нашем исследовании [1] было показано, что русскоязычная версия шкалы САММ, включающая 10 пунктов, имеет двухфакторную структуру с пересекающимися факторами и показатель надёжности Кронбаха $\alpha = 0,7121$. При этом во второй фактор входило только три пункта, один из которых соотносился одновременно с двумя факторами.

Опираясь на опыт зарубежных коллег, мы сочли необходимым провести процедуру сокращения шкалы диспозиционной осознанности.

В исследовании приняли участие подростки Москвы и Московской области в количестве 408 респондентов (52% девочек и 48% мальчиков). Возрастной диапазон от 13 до 15 лет.

Подростки данной возрастной группы характеризуются наличием психологических проблем, связанных с переживанием «большого кризиса» (Л. С. Выготский). Диспозиционная осознанность может являться характеристикой, позволяющей подросткам успешно справляться с эмоциональными и поведенческими проблемами, а также быть предметом внимания психологов при разработке программ психологической помощи школьникам.

Респондентам был предложен русскоязычный вариант опросника диспозиционной осознанности САММ (Child and Adolescent Mindfulness Measure, L. Greco at al. (Мера осознанности детей и подростков, Л. Греко и др.)) в адаптации Л. Э. Зотовой, А. В. Губанова, Н. В. Сидячевой [1].

Оценка критериальной валидности сокращённой шкалы проводилась на выборке из 79 школьников 13–15 лет, был использован следующий инструментарий:

1) шкала психологического благополучия (К. Рифф) в адаптации Л. В. Жуковской и Е. Г. Трошихиной;

2) опросник «Сильные стороны и трудности» – вариант для учителей (Гудман), апробация Е. Слободской, М. Розенбуша, Н. Бодягиной, С. Грачева, Г. Князева, В. Гафурова;

3) шкала самосострадания (Раес, Помье, Нефф, Ван Гухт) [21];

4) шкала жизнеспособности (Шумахер, Лепперт, Гюнцельман, Штраус, Брёхлер) [22].

Результаты исследования и их обсуждение

Для решения задачи 1 была проанализирована надёжность каждого из 10 пунктов, входящих в шкалу. Весь статистический анализ осуществлялся при помощи статистического пакета IBM SPSS Amos 19. Результаты анализа надёжности пунктов представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Корреляции пунктов с тестом и показатели их надёжности / Correlations of the test items and indicators of their reliability

	корреляция	альфа Кронбаха
пункт № 1	,4324	,6808
пункт № 2	,3670	,6909
пункт № 3	,4060	,6853
пункт № 4	,4716	,6736
пункт № 5	,2074	,7188
пункт № 6	,3431	,6949
пункт № 7	,3938	,6860
пункт № 8	,4017	,6845
пункт № 9	,4802	,6711
пункт № 10	,2535	,7112

В колонке «корреляция» представлена величина коэффициента корреляции пункта с результатом по шкале без учёта этого пункта в результате. В колонке «альфа Кронбаха» представлен показатель надёжности шкалы, если пункт из неё исключается. Из таблицы видно, что пункты 5 и 10 имеют наименьшую корреляцию с тестом. Если эти пункты убрать из шкалы, то её надёжность либо возрастёт (в случае с пунктом 5), либо практически не изменится (в случае с пунктом 10). Исключение этих пунктов из шкалы ведёт к повышению её надёжности по Кронбаху до $\alpha = 0,7323$.

Для решения задачи 2 проводилось сравнение психометрических показателей ШДО из 7 и 8 пунктов.

Факторная структура шкалы, включающей в себя 8 пунктов (без 5-ого и 10-ого), оценивалась при помощи конфирматор-

ного факторного анализа (КФА), исходя из предположения, что она является однофакторной. Результаты КФА представлены в таблице 3. Из этих результатов видно, что величина статистики χ^2 оказалась значимой ($p < 0,01$) для этой шкалы. Значимость статистики говорит о непригодности однофакторной модели для описания структуры шкалы из 8 пунктов.

Рассмотрение вычисленных индексов модификации и стандартизированных остаточных ковариаций показало, что исключение из модели четвёртого пункта (для него указанные характеристики оказались наибольшими) заметно улучшит возможности однофакторной модели для описания структуры шкалы, включающей в себя только 7 пунктов. Результаты КФА шкалы из 7 (а также 5, 9 и 10) пунктов для однофакторной модели представлены в той же таблице 3. Варианты

Таблица 3 / Table 3

Показатели согласованности однофакторной модели с исходными данными для различных вариантов шкалы CAMM / Indicators of consistency of the one-factor model with the initial data for various variants of the CAMM scale

	Варианты шкалы CAMM				
	10 пунктов	9 пунктов	8 пунктов	7 пунктов	5 пунктов
χ^2	89,694	63,459	40,487	17,398	17,692
df	35	27	20	14	5
p	0,000	0,000	0,004	0,236	0,003
RMSEA	0,062	0,058	0,050	0,024	0,079
Pclose	0,101	0,230	0,463	0,893	0,096
GFI	0,957	0,966	0,970	0,986	0,982
CFI	0,677	0,758	0,845	0,968	0,879

Примечание: χ^2 – значение статистики критерия хи-квадрат для модели;

df – число степеней свободы модели;

p – p-значение статистики критерия хи-квадрат для модели;

RMSEA – корень квадратный из среднего квадрата ошибки аппроксимации;

Pclose – вероятность того, что RMSEA < 0,05;

GFI – индекс качества подгонки;

CFI – сравнительный индекс согласия.

шкалы с пятью, девятью и десятью пунктами были включены в анализ, поскольку они, как уже отмечалось, предлагались другими авторами.

Из таблицы видно, что для всех вариантов шкалы CAMM, кроме варианта из 7 пунктов, величина статистики χ^2 оказалась значимой ($p < 0,01$). Значимость статистики говорит о том, что однофакторная модель является непригодной для описания структуры этих вариантов шкалы, и что только шкала, состоящая из 7 пунктов, удовлетворяет требованиям однофакторной модели.

Аналогичную картину можно наблюдать и по всем остальным показателям пригодности однофакторной модели для описания вариантов шкалы CAMM. По показателю RMSEA шкала удовлетворительно описывается однофакторной моделью, если данный показатель меньше 0,05. Этому требованию удовлетворяет лишь шкала из 7 пунктов. По показателю Pclose удовлетворительным считается вариант с оценкой больше 0,05. Причём, чем выше этот показатель, тем в большей степени шкала соответствует модели. Здесь

также лучший показатель у шкалы с 7-ю пунктами. Для показателей GFI и CFI приемлемыми считаются оценки больше 0,9. По этим показателям, как и раньше, лучшей оказывается шкала, включающая в себя 7 пунктов.

Таким образом, результаты, представленные в таблице 3, позволяют утверждать, что только шкала, включающая в себя 7 пунктов, может быть описана однофакторной моделью, тогда как другие варианты этой шкалы либо плохо, либо очень плохо отвечают ей. Меньше всех отвечает этой модели шкала из 10 пунктов (как отмечалось выше, она лучше всего описывается двухфакторной моделью), затем, по-видимому, идут шкалы из 5 или 9 пунктов (здесь трудно однозначно отдать первенство какой-нибудь из них), и замыкает эту четвёрку шкала из 8 пунктов.

Показатели надёжности по Кронбаху для перечисленных вариантов шкалы CAMM сведены в таблице 4. Приемлемыми по тесту показателями альфа Кронбаха считаются величины от 0,7 [3, с. 254], т. е. неудовлетворительным

Таблица 4 / Table 4

Показатели надежности различных вариантов шкалы CAMM / Reliability indicators of various variants of the CAMM scale

Варианты шкалы CAMM	альфа Кронбаха
10 пунктов	0,7121
9 пунктов	0,7188
8 пунктов	0,7323
7 пунктов	0,7028
5 пунктов	0,6855

по показателю надёжности является вариант шкалы CAMM с пятью пунктами. Все остальные варианты шкалы можно считать надёжными, причём наилучший показатель здесь демонстрирует вариант с восьмью пунктами.

Сравнение результатов анализа факторной структуры и показателей надёжности различных вариантов шкалы CAMM ставит вопрос о том, какой из двух вариантов шкалы – с 8-ю или 7-ю пунктами – следует выбрать. Вариант с 8-ю пунктами демонстрирует большую надёжность по Кронбаху, а вариант с 7-ю пунктами полностью соответствует однофакторной модели. Если рассматривать большее соответствие однофакторной структуре как показатель большей валидности пунктов и если исходить из задачи максимального сокращения размера опросника шкалы без ухудшения её психометрических характеристик, по видимому, надо предпочесть вариант из семи пунктов. Его несколько меньшую (но укладывающуюся в допустимые размеры) надёжность можно объяснить зависимостью альфа Кронбаха от размеров опросника. Чем больше пунктов в опроснике, тем альфа Кронбаха выше и наоборот при одинаковой средней скоррелированности пунктов между собой. Несмотря на то, что для варианта из 7 пунктов надёжность несколько снижается из-за уменьшения числа пунктов в опроснике, их общая скоррелированность между собой остаётся примерно та-

кой же, как и для варианта из 8 пунктов. Для варианта из 7 пунктов средняя корреляция между ними составляет 0,2538, а для варианта из 8 пунктов – 0,2566.

Таким образом, если исходить из задачи минимизации размеров шкалы CAMM при максимальном приближении её структуры к однофакторной с сохранением приемлемых показателей надёжности, наилучшим её решением будет вариант шкалы из 7 пунктов, включающей пункты 1, 2, 3, 6, 7, 8 и 9 из исходного списка опросника шкалы CAMM.

Для решения задачи 3 был проведён корреляционный анализ диспозиционной осознанности с релевантными конструктами с целью проверки критериальной валидности шкалы из 7 пунктов.

В таблице 5 представлены индексы корреляции осознанности с жизнеспособностью, самосостраданием, показателями психологического благополучия и нервно-психическими характеристиками подростков.

Выявлены: достоверно положительные связи диспозиционной осознанности с жизнеспособностью, самосостраданием, с такими характеристиками, как личностный рост и самопринятие; отрицательные – с гиперактивностью и эмоциональными расстройствами.

Для решения задачи 4 были описаны общие характеристики распределения сырого тестового балла варианта шкалы CAMM из 7 пунктов, представленные в таблице 6.

Таблица 5 / Table 5

Коэффициенты линейной корреляции диспозиционной осознанности с релевантными переменными (N = 79) / Coefficients of linear correlation of dispositional mindfulness with relevant variables (N = 79)

Переменная	Индекс корреляции	Индекс значимости
Жизнеспособность	0,35	≤0,01
Самосострадание	0,47	≤0,01
Психологическое благополучие		
Личностный рост	0,40	≤0,01
Самопринятие	0,31	≤0,01
Сильные стороны и трудности		
Гиперактивность	-0,26	≤0,05
Эмоциональные симптомы	-0,33	≤0,01

Источник: составлено авторами.

Таблица 6 / Table 6

Характеристики выборочного распределения сырого тестового балла варианта шкалы CAMM, включающей 7 пунктов / Characteristics of the sample distribution of the raw test score version of the CAMM scale, including 7 items

Размер выборки	408
Среднее	7,97
Стандартное отклонение	4,89
Асимметрия	,702
Стандартная ошибка асимметрии	,121
Экссесс	,291
Стандартная ошибка эксцесса	,241

Источник: составлено авторами.

Критерий Колмогорова-Смирнова показал значимое отличие выборочного распределения сырого тестового балла шкалы от нормального, поэтому, прежде чем строить нормативные шкалы, была проведена нормализация распределения сырого тестового балла.

Нормативные шкалы к тесту «Шкала диспозиционной осознанности подростков», включающему в себя 7 пунктов, построены в форме децильной шкалы и шкалы стенов. Эти нормативные шкалы представлены соответственно в таблице 7 и таблице 8.

Таблица 7 / Table 7

Децильная шкала теста «Шкала диспозиционной осознанности подростков» из семи пунктов (ШДОП-7) / The seven items decile scale of the “Scale of adolescents’ dispositional mindfulness”

Сырой тестовый балл	0–1	2–3	4	5	6	7–8	9	10–11	12–14	15–28
Дециль	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Таблица 8 / Table 8

Шкала стенов теста «Шкала диспозиционной осознанности подростков» из семи пунктов (ШДОП-7) / The seven items scale of the standard ten of the test «Scale of adolescents' dispositional mindfulness»

Сырой тестовый балл	0	1	2	3–4	5–6	7–9	10–12	13–15	16–18	19–28
Стен	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Выводы

Сокращённая шкала диспозиционной осознанности САММ (Л. Греко и др.) прошла апробацию на выборке 408 подростков 13–15 лет Москвы и Московской области.

Исключение из опросника пунктов, имеющих недостаточные статистические характеристики (пункты 4, 5 и 10), привело к тому, что шкала, включающая 7 пунктов, стала полностью удовлетворять однофакторной модели по критерию хи-квадрат, в отличие от других версий шкалы. Показатели этой шкалы по индексам RMSEA, Pclose, GFI и CFI превосходят аналогичные показатели других рассмотренных версий.

Показатель альфа Кронбаха для шкалы из 7 пунктов указывает (хотя и с некоторым снижением по сравнению с вариантом из 8 пунктов) на её приемлемую психометрическую надёжность.

Корреляционный анализ диспозиционной осознанности с релевантными

конструктами (жизнеспособностью, самосостраданием, психологическим благополучием, нервно-психическими характеристиками) подтверждает критериальную валидность сокращённой шкалы диспозиционной осознанности для подростков.

Несомненным достоинством сокращённой шкалы является уменьшение количества пунктов при её соответствии однофакторной структуре без ухудшения психометрических характеристик.

Всё вышесказанное позволяет рассматривать сокращённую шкалу диспозиционной осознанности как приемлемый диагностический инструмент для измерения осознанности подростков 13–15 лет.

Отметим, что в перспективе шкала диспозиционной осознанности нуждается в расширении возрастных границ респондентов с проведением необходимых психометрических процедур.

Статья поступила в редакцию 26.10.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Зотова Л. Э., Губанов А. В., Сидячева Н. В. Особенности применения русскоязычной версии шкалы диспозиционной осознанности (САММ) для подростков // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 72–90. DOI: 10.17759/psyedu.2020120205.
2. Зотова Л. Э., Сидячева Н. В. Взаимосвязь осознанности (mindfulness) подростков и характеристик социального климата в школьном классе // Социальная психология: вопросы теории и практики: материалы V Всероссийской научно-практической конференции памяти М. Ю. Кондратьева. М., 2020. С. 247–251.
3. Наследов А. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб., 2013. 416 с.
4. Уильямс М., Пенман Д. Осознанность: как обрести гармонию в нашем безумном мире / пер. с англ. Ю. Цыбышевой; науч. ред. Н. Никольской. М., 2016. 288 с.
5. Шульга Т. И. Осознанность подростков-сирот и подростков, оставшихся без попечения родителей, как фактор психологического благополучия // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 4. С. 36–50.
6. Шульга Т. И., Зотова Л. Э. Осознанность как особое качество современной молодежи // Социальная психология и общество: история и современность: материалы Всероссийской

- научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А. В. Петровского, 15–16 октября 2019 г. М., 2019. С. 204–208.
7. Using self-report assessment methods to explore facets of mindfulness / R. Baer, G. Smith, J. Hopkins, J. Krietemeyer, L. Toney // *Assessment*. 2006. Vol. 13 (1). P. 27–45. DOI: 10.1177/1073191105283504.
 8. Bajaj B., Gupta R., Pande N. Self-esteem mediates the relationship between mindfulness and well-being // *Personality and Individual Differences*. 2016. V. 94. P. 96–100.
 9. Bishop S. R. Mindfulness: A Proposed Operational Definition // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2004. Vol. 11 (3). P. 230–241. DOI: 10.1093/clipsy/bph077.
 10. When what one has is enough: Mindfulness, financial desire discrepancy, and subjective well-being / K. W. Brown, T. Kasser, R. M. Ryan, P. A. Linley, K. Orzech // *Journal of Research in Personality*. 2009. Vol. 43 (5). P. 727–736. DOI: 10.1016/j.jrp.2009.07.002.
 11. Brown K., Ryan R. The benefits of being present: mindfulness and its role in psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. P. 822–848.
 12. Assessing adolescent mindfulness: validation of an adapted mindful attention awareness scale in normative and psychiatric population / K. Brown, A. West, T. Loverich, G. Biegel // *Psychological Assessment*. 2011. Vol. 23 (4). P. 1023–1033. DOI: 10.1037/a0021338.
 13. Dispositional mindfulness moderates the effects of stress among adolescents: rumination as a mediator / J. Ciesla, L. Reilly, K. Dickson, A. Emanuel, J. Updegraff // *Clinical Child & Adolescent Psychology*. 2012. Vol. 41. P. 760–770.
 14. Cunha M., Galhardo A., Xavier A. Measuring mindfulness in children and adolescents: confirmatory factor analysis on the Portuguese version of child and adolescent mindfulness measure (CAMM) in a community sample. [2012]. URL: https://www.researchgate.net/publication/257185855_Measuring_mindfulness_in_children_and_adolescents_Confirmatory_Factor_Analysis_on_the_Portuguese_version_of_Child_and_Adolescent_Mindfulness_Measure_CAMM_in_a_community_sample (accessed: 20.11.2020).
 15. Validation of the Spanish version of the child and adolescent mindfulness measure (CAMM) with samples of spanish and chilean children and adolescents / C. García-Rubio, R. Rodríguez-Carvajal, A. Langer, D. Paniagua, P. Steinebach, C. Andreu, M. Vara, A. Cebolla // *Mindfulness*. 2019. Vol. 10 (8). P. 1502–1517. DOI: 10.1007/s12671-019-01108-8.
 16. Greco L. A., Baer R. A., Smith G. T. Assessing Mindfulness in Children and Adolescents: Development and Validation of the Child and Adolescent Mindfulness Measure (CAMM) // *Psychological Assessment*. 2011. Vol. 23. P. 606–614. URL: <https://doi.org/10.1037/a0022819>.
 17. Brief Spanish Version of the Child and Adolescent Mindfulness Measure (CAMM). A Dispositional Mindfulness Measure / J. Guerra, M. Garcia-Gomez, J. Turanzas, J. Cordon, C. Suarez-Jurado, J. Mestre // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. Vol. 16. № 8. P. 1355. DOI: 10.3390/ijerph16081355
 18. Kabat-Zinn J. *Wherever You Go, There You Are: Mindfulness Meditation in Everyday Life*. Hachette Books. 2009. 304 p.
 19. Trait mindfulness measure for use with adolescent: a systematic review / R. Pallozzi, E. Wertheim, S. Paxton, B. Ong // *Mindfulness*. 2017. Vol. 8 (1). P. 110–125. DOI: 10.1007/s12671-016-0567-z.
 20. Adolescent mindfulness and psychopathology: the role of emotion regulation / C. Pepping, M. Duvenage, T. Cronin, A. Lyons // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 99. P. 302–307. DOI: 10.1016/j.paid.2016.04.089.
 21. Construction and factorial validation of a short form of the self-compassion scale / F. Raes, E. Pommier, K. D. Neff, D. Van Gucht // *Clinical Psychology and Psychotherapy*. 2011. Vol. 18. P. 250–255. DOI: 10.1002/cpp.702.
 22. Die Resilienzskala – Ein Fragebogen zur Erfassung der psychischen Widerstandsfähigkeit als Personmerkmal / J. Schumacher, K. Leppert, T. Gunzelmann, B. Strauß, E. Brähler // *Klinische Psychologie, Psychiatrie und Psychotherapie*. [2005]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/215985005>
 23. Segal Z. V., Williams J. M. G., Teasdale J. D. *Mindfulness-based Cognitive Therapy for Depression: a new approach to preventing relapse*. Guilford Publications, New York, 2002. 348 p.
 24. Mindful peers: mindfulness-based and peer-related Interventions in positive environments / C. Steinebach, A. Langer, V. Schulte, L. Zotova // XVI European Congress of Psychology: Abstracts. Lomonosov Moscow State University (Publishing House). 2019. P. 417.

25. Dispositional Mindfulness and Psychological Health: a Systematic Review / E. Tomlinson, O. Yousaf, A. Vitterso, L. Jones // *Mindfulness*. 2018. Vol. 9. P. 23–43. DOI: 10.1007/s12671-017-0762-6.
26. Mindfulness interventions with youth: a meta-analysis / S. Zoogman, S. Goldberg, W. Hoyt, L. Miller // *Mindfulness*. 2015. Vol. 6 (2). P. 290–302. DOI: 10.1007/s12671-013-0260-4.

REFERENCES

1. Zotova L. E., Gubanov A. V., Sidyacheva N. V. [Features of the use of the Russian-language version of the scale of dispositional awareness (CAMM) for adolescents]. In: *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research], 2020, vol. 12, no. 2, pp. 72–90. DOI: 10.17759/psyedu.2020120205.
2. Zotova L. E., Sidyacheva N. V. [Relationship between the adolescents' mindfulness and the characteristics of the social climate in the classroom]. In: *Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki: materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati M. Yu. Kondrat'eva* [Social psychology: questions of theory and practice Materials of the V All-Russian scientific and practical memory of M. Yu. Kondratyev]. Moscow, 2020, pp. 247–251.
3. Nasledov A. *IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh* [IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: Professional Statistical Data Analysis]. St. Petersburg, 2013. 416 p.
4. Williams M., Penman D. Mindfulness: how to find harmony in our crazy world (Russ. ed.: Tsybyshevoi Yu., transl. *Osoznannost': kak obresti garmoniyu v nashem bezumnom mire*. Moscow, 2016. 288 p.).
5. Shul'ga T. I. [Awareness of adolescents-orphans and adolescents left without parental care as a factor of psychological well-being]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 36–50.
6. Shul'ga T. I., Zotova L. E. [Mindfulness as a special quality of modern youth]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo: istoriya i sovremennost': materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamyati akademika RAO A. V. Petrovskogo, 15–16 oktyabrya 2019 g.* [Social psychology and society: history and modernity: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation in Memory of Academician of the Russian Academy of Education A. V. Petrovsky, October 15–16, 2019)]. Moscow, 2019, pp. 204–208.
7. Baer R., Smith G., Hopkins J., Krietemeyer J., Toney L. Using self-report assessment methods to explore facets of mindfulness. In: *Assessment*, 2006, vol. 13 (1), pp. 27–45. DOI: 10.1177/1073191105283504.
8. Bajaj B., Gupta R., Pande N. Self-esteem mediates the relationship between mindfulness and well-being. In: *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 94, pp. 96–100.
9. Bishop S. R. Mindfulness: A Proposed Operational Definition. In: *Clinical Psychology: Science and Practice*, 2004, vol. 11 (3), pp. 230–241. DOI: 10.1093/clipsy/bph077.
10. Brown K. W., Kasser T., Ryan R. M., Linley P. A., Orzech K. When what one has is enough: Mindfulness, financial desire discrepancy, and subjective well-being. In: *Journal of Research in Personality*, 2009, vol. 43 (5), pp. 727–736. DOI: 10.1016/j.jrp.2009.07.002.
11. Brown K., Ryan R. The benefits of being present: mindfulness and its role in psychological well-being. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, vol. 84, pp. 822–848.
12. Brown K., West A., Loverich T., Biegel G. Assessing adolescent mindfulness: validation of an adapted mindful attention awareness scale in normative and psychiatric population. In: *Psychological Assessment*, 2011, vol. 23 (4), pp. 1023–1033. DOI: 10.1037/a0021338.
13. Ciesla J., Reilly L., Dickson K., Emanuel A., Updegraff J. Dispositional mindfulness moderates the effects of stress among adolescents: rumination as a mediator. In: *Clinical Child & Adolescent Psychology*, 2012, vol. 41, pp. 760–770.
14. Cunha M., Galhardo A., Xavier A. Measuring mindfulness in children and adolescents: confirmatory factor analysis on the Portuguese version of child and adolescent mindfulness measure (CAMM) in a community sample, 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/257185855_Measuring_mindfulness_in_children_and_adolescents_Confirmatory_Factor_Analysis_on_the_Portuguese_version_of_Child_and_Adolescent_Mindfulness_Measure_CAMM_in_a_community_sample (accessed: 20.11.2020).
15. García-Rubio C., Rodríguez-Carvajal R., Langer A., Paniagua D., Steinebach P., Andreu C., Vara M., Cebolla A. Validation of the Spanish version of the child and adolescent mindfulness measure (CAMM) with samples of spanish and chilean children and adolescents. In: *Mindfulness*, 2019, vol. 10 (8), pp. 1502–1517. DOI: 10.1007/s12671-019-01108-8.

16. Greco L. A., Baer R. A., Smith G. T. Assessing Mindfulness in Children and Adolescents: Development and Validation of the Child and Adolescent Mindfulness Measure (CAMM). In: *Psychological Assessment*, 2011, vol. 23, p. 606–614. URL: <https://doi.org/10.1037/a0022819>.
17. Guerra J., Garcia-Gomez M., Turanzas J., Cordon J., Suarez-Jurado C., Mestre J. Brief Spanish Version of the Child and Adolescent Mindfulness Measure (CAMM). A Dispositional Mindfulness Measure. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019, vol. 16, no. 8, p. 1355. DOI: 10.3390/ijerph16081355
18. Kabat-Zinn J. *Wherever You Go, There You Are: Mindfulness Meditation in Everyday Life*. Hachette Books, 2009. 304 p.
19. Pallozzi R., Wertheim E., Paxton S., Ong B. Trait mindfulness measure for use with adolescent: a systematic review. In: *Mindfulness*, 2017, vol. 8 (1), pp. 110–125. DOI: 10.1007/s12671-016-0567-z.
20. Pepping C., Duvenage M., Cronin T., Lyons A. Adolescent mindfulness and psychopathology: the role of emotion regulation. In: *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 99, pp. 302–307. DOI: 10.1016/j.paid.2016.04.089.
21. Raes F., Pommier E., Neff K. D., Van Gucht D. Construction and factorial validation of a short form of the self-compassion scale. In: *Clinical Psychology and Psychotherapy*, 2011, vol. 18, pp. 250–255. DOI: 10.1002/cpp.702.
22. Schumacher J., Leppert K., Gunzelmann T., Strauß B., Brähler E. Die Resilienzskala – Ein Fragebogen zur Erfassung der psychischen Widerstandsfähigkeit als Personmerkmal. In: *Klinische Psychologie, Psychiatrie und Psychotherapie*. 2005. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/215985005>
23. Segal Z. V., Williams J. M. G., & Teasdale J. D. *Mindfulness-based Cognitive Therapy for Depression: a new approach to preventing relapse*. Guilford Publications, New York, 2002. 348 p.
24. Steinebach C., Langer A., Schulte V., Zotova L. Mindful peers: mindfulness-based and peer-related Interventions in positive environments. In: *XVI European Congress of Psychology*. Lomonosov Moscow State University (Publishing House), 2019, p. 417.
25. Tomlinson E., Yousaf O., Vitterso A., Jones L. Dispositional Mindfulness and Psychological Health: a Systematic Review. In: *Mindfulness*, 2018, vol. 9, pp. 23–43. DOI: 10.1007/s12671-017-0762-6.
26. Zoogman S., Goldberg S., Hoyt W., Miller L. Mindfulness interventions with youth: a meta-analysis. In: *Mindfulness*, 2015, vol. 6 (2), pp. 290–302. DOI: 10.1007/s12671-013-0260-4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Губанов Андрей Валентинович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: anvagug@gmail.com

Зотова Лариса Эдуардовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: zolar@yandex.ru

Сидячева Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, заведующая кафедрой социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: sidna@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Gubanov – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of General and Pedagogical Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: anvagug@gmail.com

Larisa E. Zotova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: zolar@yandex.ru

Natalia V. Sidyacheva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: sidna@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Губанов А. В., Зотова Л. Э., Сидячева Н. В. Сокращённая версия русскоязычной шкалы диспозиционной осознанности (САММ) для подростков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 6–19.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-6-19

FOR CITATION

Gubanov A. V., Zotova L. E., Sidyacheva N. V. Reduced version of dispositional mindfulness scale (CAMM) for teenagers in Russia. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 6–19.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-6-19

УДК 159.9.072, 159.923

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-20-31

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ, ИНТЕЛЛЕКТ И ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ

Зиренко М. С., Корнилова Т. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Кросс-культурное сравнение связей интеллекта с другими компонентами интеллектуально-личностного потенциала (чертами Большой пятёрки и отношением к неопределённости) у российских и американских студентов.

Процедура и методы. Применялись интеллектуальный тест ICAR – International Cognitive Ability Resource, Краткий опросник Большой пятёрки – Ten Item Personality Inventory (TIPI), или КОБП, и опросник С. Баднера. Сопоставлялись интеркорреляции между измеренными переменными двух студенческих выборок – из России ($n = 364$) и США ($n = 209$).

Результаты. Толерантность к неопределённости как у российских, так и у американских студентов положительно связана с открытостью опыту; у американских студентов она повышается с более высоким флюидным интеллектом. Интолерантность к неопределённости в российской выборке отрицательно связана с открытостью опыту и положительно – с добросовестностью, а в американской – значимо отрицательно с согласием. У россиян согласие повышается со снижением вербального интеллекта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в раскрытие кросс-культурных сходств и различий между американскими и российскими студентами по связям интеллекта с личностными чертами и отношением учащихся к неопределённости.

Ключевые слова: кросс-культурные исследования, интеллект, Большая пятёрка, толерантность к неопределённости

TOLERANCE OF UNCERTAINTY, INTELLIGENCE, AND PERSONALITY TRAITS: A CROSS-CULTURAL STUDY ON RUSSIAN AND AMERICAN STUDENTS

M. Zirenko¹, T. Kornilova²

*Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology
11/9 Mokhovaya ul., Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract

Aim. The cross-cultural comparison of the relationships between intelligence and other components of intellectual-personal potential (Big Five traits and tolerance of uncertainty) in Russian and American students.

Methodology. The ICAR (International Cognitive Ability Resource) test was used, as well as Ten Item Personality Inventory (TIPI), and Bunder's Questionnaire. The intercorrelations between these measures in two student samples – Russian ($n = 364$) and American ($n = 209$) were compared.

Results. Tolerance of uncertainty showed positive correlations with openness to experience in both student samples; in the American sample it correlates positively with fluid intelligence. Intolerance of uncertainty showed negative correlation with openness to experience and positive correlation with conscientiousness in the Russian sample. In the American sample intolerance of uncertainty negatively correlated with accord. In the Russian sample accord correlates negatively with verbal intelligence.

Research implications. The findings contribute to the knowledge on cross-cultural similarities and differences between the American and Russian students on the relationships between intelligence, personality traits, and attitudes towards uncertainty.

Keywords: cross-cultural, intelligence, Big Five, tolerance of uncertainty

Введение

Обучение высококвалифицированных профессионалов в сфере интеллектуального труда является несомненным запросом общества, поэтому изучение факторов, которые могут влиять на процесс становления студента профессионалом в своей области, имеет крайне высокое прикладное значение. Проблема предикторов успешности учебной деятельности является междисциплинарной и активно разрабатывается специалистами из области педагогики, физиологии, психологии образования, дифференциальной психологии, психологии интеллекта, психологии личности и др. [12]. Разработка и апробация интеллектуальных батарей на российских выборках позволяют проводить кросс-культурные сравнения интеллектуально-личностного потенциала учащихся разных стран, в частности, России и США [1; 3; 11].

На студенческих российских выборках показано, что вклад различных интеллектуальных способностей в достижение академической успешности зависит от культуры (аналитические, практические и творческие способности) [1] и профиля обучения (вербальные, математические способности) [10].

Успешность обучения в вузе зависит от многих факторов – от демографических и социально-экономических показателей страны, района проживания, семьи, до индивидуально-психологических характеристик, таких как интеллект, креативность, личность, мотивация, академическая Я-концепция и т. д. [5; 12; 13; 16; 22 и др.].

Влияние общего интеллекта (как «академической» способности) на успешность обучения связывается с приобретением декларативного и процедурного знания, т. е. знания предметного и знания о том, как строить свой процесс обучения. Общий интеллект выражается в общей способности к вынесению суждений или в использовании общих познавательных схем для приобретения конкретных знаний и навыков.

Различия в интеллекте по полу стали популярным предметом исследований. Отдельные работы свидетельствуют о превосходстве женщин в вербальных способностях и превосходстве мужчин в пространственных способностях, трёхмерном вращении и об отсутствии гендерных различий в общем интеллекте [20; 21; 24]. Однако мета-анализы сводят эффект превосходства женщин в вербальных способностях к близкому к нулю [29].

В российском лонгитюдном исследовании было установлено, что динамика успеваемости студентов является неоднородной от года к году, а вербальный, практический интеллект и креативность вносят уникальные вклады в академическую успешность [3].

Хотя тесты интеллекта конструируются с намерением измерять «очищенные» от личностных черт интеллектуальные способности, в специальных исследованиях показано, что баллы IQ оказываются связанными с некоторыми личностными чертами. В частности, устанавливалась отрицательная корреляция интеллекта

с нейротизмом [14]. В другом исследовании эта связь обнаруживалась только через опосредствование высокой тревожностью, связанной с тестированием [23]. Неоднократно выявлялась положительная связь интеллекта с открытостью новому опыту [20; 27 и др.]. Влияние личностных черт на результаты теста интеллекта было установлено в исследовании П. Добсона, где высокий нейротизм предсказывал снижение тестовых баллов в ситуации стресса [18].

На российской студенческой выборке было показано, что общий, вербальный и математический интеллект положительно и примерно с одинаковой силой коррелировали с GPA (средний показатель успешности обучения за три семестра) (.27, .24, .24, $p < .01$, соответственно), но только общий и вербальный интеллект были связаны с результатами экзамена. Самооценка обучения положительно коррелировала с GPA (.60 при $p < .01$) и результатами экзаменов (.47 при $p < .01$) [22]. В иерархическом регрессионном анализе пол и возраст объясняли 1% дисперсии GPA, интеллект объяснил ещё 7%, самооценка интеллекта добавила 3%. Интеллект, оценённый сверстниками, и самооценка обучения объяснили, соответственно, 24% и 16% уникальной дисперсии в GPA.

Т. В. Корниловой и М. А. Новиковой был введён конструкт «Интеллектуальной Я-концепции», включающий прямую самооценку интеллекта, косвенную самооценку интеллекта в группе, самооценку обучения и самоэффективность. Эта латентная переменная, наряду с латентными переменными Интеллекта и Принятия неопределённости и риска, значимо предсказывает академические достижения российских студентов, объясняя в ней 39% дисперсии [7].

С увеличением образовательного уровня происходит выпадение из выборки людей с более низким уровнем интеллектуальных способностей, что приводит к снижению вариации в генеральном

факторе g и, следовательно, снижению корреляции g с академическими достижениями [19].

В исследованиях личностных свойств как предикторов успеваемости одним из наиболее установленных эмпирических фактов является значимость добросовестности, или сознательности, в успешности обучения, поскольку именно эта черта связывается с настойчивостью, дисциплинированностью и ориентацией на достижения [15; 16; 26; 28 и др.]. Добросовестность, или сознательность, как черта Большой пятёрки предсказывает GPA в университете, в том числе и после контроля GPA в старшей школе и SAT (Scholastic Aptitude Test, выпускные экзамены по окончании школы в США) [25].

Хотя вклад сознательности в вариативность академических достижений не зависит от интеллекта, отрицательная корреляция между сознательностью и флюидным интеллектом позволяет предполагать компенсаторную силу, которую сознательность имеет по отношению к более низким когнитивным способностям [15; 23].

Существуют также данные в пользу роли открытости новому опыту в академической сфере, что объяснимо, поскольку креативность, эстетические интересы и интеллектуальная любознательность являются манифестациями этой черты личности [26]. Открытость новому опыту наряду с сознательностью и согласием выступила значимым предиктором обучения в высших учебных заведениях в мета-анализе А. Ведель [28]. Эта черта положительно коррелирует с кристаллизованным интеллектом [14].

Учебную деятельность студента можно рассматривать как подразумевающую принятие ряда решений в отношении этой деятельности, от выполнения учебных заданий до решений по уровню самоорганизации в этой деятельности. Открытым остаётся вопрос о включённости тех или иных компонентов в регуляцию мышления в учебной деятельности.

В теории деятельности А. Н. Леонтьева личностная регуляция понимается как идущая по направлениям и мотивации, и самосознания личности [9]. При этом не только сами способности и личностные свойства выступают в качестве опосредствующих звеньев, но также их самооценки и готовность их использовать.

Взаимосвязи личностных свойств и интеллекта в прилагаемых в учебе усилий зависят также от переменных культуры. По данным всемирного проекта сравнения ценностей «World Values Survey», ведущегося по методологии социолога Р. Инглхарта, США отнесены к кластеру стран с высокими индексами традиционных ценностей и ценности самовыражения, в то время как Россия – к кластеру стран с выраженностью противоположных индексов – секулярно-рациональных ценностей и ценностей выживания¹. В результате опросов в 2017–2020 гг. россияне в меньшей степени, чем американцы, были согласны с утверждением, что усилия приводят человека к успеху. При необходимости выбрать между ценностями свободы и безопасности свободу выбирали меньшинство россиян и большинство американцев, в то время как безопасность, наоборот, выбирали большинство россиян и меньшее количество американцев.

Мы поставили задачу проведения исследования не только на российских выборках, но и на выборке американских студентов – в культуре, отличающейся от культуры России, согласно исследованиям культур, выполненным в разных методологиях.

Целью исследования стало проведение кросс-культурного сравнения связей переменных интеллекта с другими компонентами интеллектуально-личностного потенциала на выборках российских и американских студентов.

Кроме традиционно измеряемых свойств Большой пятёрки, мы в каче-

стве важного личностного свойства выделили толерантность-интолерантность к неопределённости (ТН и ИТН). Ранее для российских студентов было выявлено, что ТН и ИТН выступают в связях с интеллектом, и если ТН отрицательно связана с практическим интеллектом, то ИТН отрицательно связана с вербальным интеллектом [4].

Из поля проверяемых *гипотез* укажем следующие: 1) о положительных связях позитивного отношения к неопределённости с более высоким интеллектом, открытостью опыту и добросовестностью; 2) о связях негативного отношения к неопределённости с более высоким согласием; 3) о возможных кросс-культурных различиях, связанных с тем, что американские студенты более ориентированы на результат в обучении и могут проявлять связи интолерантности к неопределённости с понижением интеллекта, открытостью новому и повышением согласия.

Метод

Схема исследования. Сопоставлялись интеркорреляции между измерениями личностных свойств и интеллекта на двух группах участников – студенческих выборках из России и США.

Участники исследования. Выборки представляли студентов ведущих университетов стран.

Российская выборка включила 364 человека – студентов и аспирантов разных факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова в возрасте от 17 до 37 лет ($M = 21,43$, $SD = 4,07$; 73% женщины). Количество участников по разным методикам представлено в таблицах интеркорреляций (табл. 1).

Американскую выборку составили 209 студентов (из них 155 женщин и 42 мужчины, 15 человек не сообщили своего пола) университета в г. Бостон, США. Возраст участников составил от 18 до 22 лет ($M = 19,0$, $SD = 1,05$).

Проект исследования на американской выборке был одобрен комитетом по этической оценке исследований (Institutional

¹ World Values Survey [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 26.07.2020).

Review Board) в университете США, на базе которого оно проводилось.

Мы учитывали ранее полученные результаты о том, что если толерантность к неопределённости не помогает эффективности студентов в учении, то интолерантность мешает [5], что открытость новому на зарубежных выборках проявляла положительные связи с уровнем интеллекта, и о ряде других закономерностей, описанных во введении. Однако пока не проводилось прямого сравнения связей переменных интеллекта, отношения к неопределённости и личностных черт Большой пятёрки у американских и российских студентов.

Методики

Опросники и инструкции применялись на русском и английском языках – в зависимости от выборки (страны).

1. Академический интеллект тестировался с помощью апробированного при нашем участии расширенного теста International Cognitive Ability Resource – ICAR, включившего 4 субтеста в русскоязычной апробации [11]:

а) *Вербальный (кристаллизованный) интеллект* тестировался на российской выборке с помощью двух субтестов теста ROADS, апробированного ранее [1; 2]. Первый субтест разработан С. А. Корниловым и является аналогом теста Милл-Хилла; он включает 34 задачи на определение среди шести предложенных слова наиболее близкого по значению к заданному слову. Второй разработанный им субтест включает 30 задач на установление отношений синонимы / антонимы между парами слов. Балл по вербальному интеллекту получается в результате суммирования баллов по этим двум субтестам.

Нами на американской выборке *вербальный интеллект* не измерялся, поскольку ограничено было выделенное для тестирования общее время.

б) *Флюидный интеллект* на обеих выборках измерялся с помощью двух суб-

тестов из методики ICAR [17]. Субтесты содержат 24 трёхмерные фигуры на вращение и 11 матриц. Трёхмерные фигуры на вращение представляют собой кубы, и участники просят определить, какой из шести предложенных вариантов ответа является возможным вращением представленного куба. Задание с матрицами является аналогичным прогрессивным матрицам Равена. Стимулами являются геометрические фигуры 3 x 3 элемента, в которых один из девяти элементов отсутствует. Участники должны идентифицировать, какой из шести предложенных элементов наилучшим образом завершит фигуру. Тестовый балл по *флюидному интеллекту* получается суммированием результатов по двум субтестам.

2. Личностные черты диагностировались с помощью Краткого опросника Большой пятёрки – Ten Item Personality Inventory (TIPI), или КОБП в русскоязычной апробации Т. В. Корниловой и М. А. Чумаковой [7]. По 10 самооценочным пунктам им тестируются переменные *экстраверсии, согласия, добросовестности, эмоциональной стабильности и открытости новому опыту*.

3. Отношение к неопределённости диагностировалось с помощью опросника С. Баднера в апробации Т. В. Корниловой и М. А. Чумаковой [8]. В русскоязычной апробации методика включает две шкалы: *толерантность к неопределённости*, отражающую поведение, направленное на принятие новых, сложных и противоречивых ситуаций, и *интолерантность к неопределённости* – как избегание подобных ситуаций и стремление к ясности.

Для возможности сопоставления результатов американской и российской выборок мы проверили, правомерно ли полученное на российской выборке двухфакторное решение для этой методики на американской выборке. Применение конфирматорного факторного анализа для данных американских студентов установило, что показатели для двухфакторного решения удовлетворительны и луч-

ше, чем для однофакторного: $CFI = .897$, $RMSEA = .038$, $df = 102$, $\chi^2 = 126,36$, – поэтому далее нами применялась двухфакторная версия опросника (на двух языках).

Результаты

1. Сравнение выраженности переменных в двух культурных выборках

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики по измеренным характеристикам на американской и российской выборках / Descriptive statistics for the measures on American and Russian samples

Показатель	Американские студенты			Российские студенты			Значимость различий по U-критерию Манна-Уитни
	N	M	SD	N	M	SD	
Экстраверсия	183	8,8	2,86	67	8,1	3,12	.107
Согласие	183	10,6	2,22	67	8,5	2,40	.001**
Добросовестность	183	10,9	2,33	67	8,7	3,23	.001**
Эмоциональная стабильность	183	8,1	2,78	67	7,6	2,77	.222
Открытость новому опыту	183	10,3	2,22	67	10,5	2,20	.479
Толерантность к неопределённости	183	31,4	3,84	58	29,7	4,89	.009**
Интолерантность к неопределённости	183	28,2	4,59	58	28,7	6,15	.807
Флюидный интеллект	122	4,21	2,06	62	5,2	1,87	.001**

Примечание: 1) ** $p < .01$, * $p < .05$.

Как видно из таблицы 1, в американской выборке значимо более высокие показатели личностных переменных *толерантность к неопределённости*, *согласие* и *добросовестность*, а в российской выше *флюидный интеллект*.

2. Связи компонентов интеллектуально-личностного потенциала на российской выборке

Для обработки результатов использован непараметрический статистический критерий (коэффициент корреляции Спирмена).

Таблица 2 / Table 2

Интеркорреляции личностных свойств с интеллектом у российских студентов / Inter-correlations between the personality characteristics and intelligence in Russian students

Переменная	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	14.
6. Экстраверсия	1							
7. Согласие	.07	1						
8. Добросовестность	-.01	.01	1					
9. Эмоциональная стабильность	.03	.14*	.22**	1				
10. Открытость опыту	.33**	.14*	-.12*	-.09	1			
11. Толерантность к неопределённости	.22**	.01	-.22**	-.11	.18*	1		
12. Интолерантность к неопределённости	-.35**	.14	.16*	-.05	-.38**	-.07	1	
14. Флюидный интеллект	.05	-.09	-.18*	.17	-.07	-.04	-.01	1
15. Вербальный интеллект	.02	-.25**	-.04	.03	-.10	-.02	-.02	.18**

Примечание: 1) ** $p < .01$, * $p < .05$.

Источник: составлено авторами.

Как видно из таблицы 2, толерантность к неопределённости (ТН) и интолерантность к неопределённости (ИТН) не связаны между собой и не являются реципрокными свойствами у российских студентов. ТН положительно связана с личностными чертами – *экстраверсией*, *открытостью новому опыту*, по которым выборки значимо не различаются, но не с *интеллектом*. ИТН, напротив, отрицательно связана с *экстраверсией* и *открытостью новому опыту* и положительно – с *добросовестностью* (более

низкой, чем у американских студентов). ТН при этом значимо ниже у более *добросовестных*, т. е. принимающие новое и неопределённое студенты менее сознательны (добросовестны), но более открыты общению и сложностям мира.

При этом *флюидный интеллект* также отрицательно связан с *добросовестностью*, а *вербальный интеллект* – с *соглашением*.

3. Связи компонентов интеллектуально-личностного потенциала на американской выборке (табл. 3)

Таблица 3 / Table 3

Интеркорреляции личностных свойств с интеллектом у американских студентов / Intercorrelations between the personality characteristics and intelligence in Russian students

	6.	7.	8.	9.	10.	12.	13.	11
6. Экстраверсия	1							
7. Согласие	-.05	1						
8. Добросовестность	-.04	.21**	1					
9. Эмоциональная стабильность	.05	.02	.15*	1				
10. Открытость новому опыту	.21**	.07	-.06	.10	1			
12. ТН	.02	.10	-.06	.06	.18**	1		
13. ИТН	-.08	-.18*	-.12	-.09	-.12	-.14*	1	
11. Флюидный интеллект	-.24**	-.07	-.18*	-.03	-.07	.20*	.01	1

Примечание: 1) ** $p < .01$, * $p < .05$.

Источник: составлено авторами.

Как и в российской выборке, ТН у американских студентов (более выраженная по высоте, чем у российских) положительно связана с *открытостью опыту*, и это характеризует американских студентов с более высоким *флюидным интеллектом*. ИТН, отрицательно связанная у американских студентов с ТН, проявила также значимую отрицательную связь с *соглашением*, т. е. негативно воспринимающие неопределённость американские студенты (по ИТН) являются менее покладистыми и доброжелательными, чем студенты с низкой ИТН.

Как и в российской выборке, в американской *добросовестность* положительно связана с *эмоциональной стабильностью*. Но в отличие от российской выборки, в американской *открытость опыту* не связана с *добросовестностью*.

Особенностью выступило снижение интеллекта при повышении *экстраверсии* у американских студентов.

Обсуждение результатов

Мы не выдвигали гипотез о различиях в высоте переменных, сосредоточившись на их взаимосвязях в обследованных сту-

денческих выборках, поскольку именно взаимосвязи характеризуют целостность функционирования интеллектуально-личностного потенциала студентов. Однако должны отметить более высокий показатель флюидного интеллекта у российских студентов, возможно, в силу того, что МГУ имени М. В. Ломоносова является одним из лучших вузов страны и обеспечивает селективный отбор. Более высокие *толерантность к неопределённости*, *согласие* (конформность) и *добросовестность* (сознательность) у американских студентов можно связывать с влиянием переменных культуры.

У российских студентов более высокая *экстраверсия* также сопутствует снижению *интолерантности к неопределённости*. Это позволяет нам частично принять гипотезу 1 – о роли позитивного отношения к неопределённости в системе свойств интеллектуально-личностного потенциала человека, способствующих когнитивному освоению мира, личностному принятию его изменений и открытости человека в общении.

Но при этом мы должны отвергнуть ту часть гипотезы, которая предполагала положительную связь ТН с интеллектом. Для российских студентов связей отношения к неопределённости с интеллектом (вербальным и флюидным) не выявлено. Однако данные на выборке американских студентов позволяют принять гипотезы о связи *открытости опыту* с *положительным отношением к неопределённости* и с более высоким интеллектом (флюидным). Полученные нами данные в этих аспектах соответствуют зарубежным литературным источникам [14; 27 и др.].

В литературе описывается негативный эффект нейротизма на прохождении теста интеллекта, если тест проводился в ситуации стресса [18]. В нашем исследовании выборки не различались по уровню нейротизма / эмоциональной стабильности; и российские студенты показали более высокие баллы по *флюидному интеллекту*, хотя измерения IQ

более привычны для американских студентов.

Общим для обеих выборок выступило снижение *флюидного интеллекта*, предполагающего невербальный компонент и ориентировку на выявление закономерностей, у более *добросовестных* студентов, т. е. это свойство Большой пятёрки, не раз называвшееся предпосылкой сознательности учения, отражает большую включённость личностных усилий в деятельность именно студентов со снижением уровня интеллекта.

Фасетки интеллекта, измеренного с помощью батареи ICAR, используемой в нашем исследовании, на американских выборках и черты Большой пятёрки практически не коррелировали между собой в возрастном диапазоне от 14 до 90 лет [17]. Но наиболее сильные связи с общим уровнем интеллекта и отдельными его фасетками (от 0,2 до 0,3) демонстрировала черта *открытость новому опыту* (интерпретируемая как интеллект в приводимом исследовании). В наших обеих выборках связи интеллекта с открытостью опыту не выявлены.

Тот факт, что для *добросовестности* отрицательная связь с *флюидным интеллектом* установлена на обеих выборках, свидетельствует об отсутствии (или незначительности) влияния на неё фактора культурной принадлежности студентов. Для *добросовестности* этот факт может быть объяснён тем, что она может выполнять «компенсирующую функцию» в тех случаях, когда интеллектуального ресурса недостаточно для решения стоящих задач [16; 23]. В то же время кросс-культурное различие проявляется в том факте, что более высокий *флюидный интеллект* положительно связан с *толерантностью к неопределённости* в американской выборке (при более высоких значениях ТН у американцев); это говорит о взаимосвязи у американских студентов принятия неопределённости с более высокими интеллектуальными способностями.

Гипотеза 2 – о связях негативного отношения к неопределённости с более высоким согласием – принимается для выборки американских студентов. На российской выборке *согласие* (значимо более низкое, чем в американской выборке) проявило значимую связь с более низким вербальным интеллектом (в американской выборке не измерялся). В целом это свидетельствует о попадании этого свойства Большой пятёрки, отражающей конформизм, покладистость и дружелюбие, в интеграцию черт интолерантной личности, но кросс-культурное различие здесь наблюдается в положительных связях *согласия с эмоциональной стабильностью и открытостью опыту* у российских студентов.

Таким образом, и гипотеза 3 о предполагаемых кросс-культурных различиях нами также принимается. Личностные черты Большой пятёрки у американских студентов менее интегрированы между собой и с отношением к неопределённости, чем у российских студентов, но больше наблюдается связей личностных свойств с измеренным интеллектом.

Заключение

Мы не приводим в данном исследовании результатов академической успеваемости студентов, поскольку его целью

было установление места и роли отношения к неопределённости в системе связей с интеллектом и стабильными личностными чертами. Полученные данные позволяют нам указать на толерантность и интолерантность к неопределённости как на существенный и упускаемый пока компонент личностной регуляции деятельности молодых людей в условиях обучения в университете.

Общими для выборок российских и американских студентов выступили положительные связи *толерантности к неопределённости с открытостью* новому опыту и *открытости опыту* – с *экстраверсией*. Эти связи следует рассматривать скорее как культурно-независимые, отражающие не случайные интеграции компонентов интеллектуально-личностного потенциала человека, положительно принимающего новое, изменчивое, неопределённое.

Учебная деятельность в высшей школе требует от студента самостоятельности и совершается в системе заданной культурной специфики требований к личности. Новизной наших данных мы считаем прояснение психологических профилей российских и американских студентов в прямом сопоставлении связей их интеллектуальных и личностных свойств.

Статья поступила в редакцию 14.01.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилов С. А. Кросс-культурная инвариантность аналитических, творческих и практических способностей российских, английских и американских учащихся: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 34 с.
2. Корнилов С. А., Григоренко Е. Л. Методический комплекс для оценки академических, творческих и практических способностей студентов // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 90–103.
3. Корнилов С. А., Григоренко Е. Л., Смирнов С. Д. Лонгитюдное исследование академических, творческих и практических способностей как предпосылок успешности обучения // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 138–149.
4. Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределённости и риска. СПб., 2016. 334 с.
5. Корнилова Т. В. Толерантность к неопределённости и интеллект как предпосылки креативности // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 3–12.
6. Корнилова Т. В., Новикова М. А. Самооценка в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 25–35.
7. Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Апробация краткого опросника Большой пятёрки (TIPI, КОБТ) // Психологические исследования: [сайт]. 2016. Т. 9. № 46. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.08.2020).

8. Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // *Экспериментальная психология*. 2014. Т. 7. № 1. С. 92–110.
9. Леонтьев А. Н. К вопросу о сознательности учения // *Психологическая наука и образование*. 1997. № 1. С. 11–14.
10. Малахова С. И. Связь психометрического интеллекта с личностной саморегуляцией студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 32 с.
11. Психометрические свойства модифицированной батареи Интернационального Ресурса Когнитивных Способностей (ICAR) / Т. В. Корнилова, С. А. Корнилов, М. С. Зиренко, М. А. Чумакова // *Национальный психологический журнал*. 2019. Т. 35. № 3. С. 32–45.
12. Смирнов С. Д. Показатели интеллектуального потенциала студентов как предикторы успешности обучения в вузе // *Известия международной академии наук высшей школы*. 2012. Т. 59. № 1. С. 206–226.
13. Ушаков Д. В. Психология интеллекта и одарённости. М., 2011. 464 с.
14. Ackerman P. L., Heggstad E. D. Intelligence, personality, and interests: evidence for overlapping traits // *Psychological bulletin*. 1997. Vol. 121. № 2. P. 219–245.
15. Chamorro Premuzic T., Furnham A. A possible model for understanding the personality intelligence interface // *British Journal of Psychology*. 2004. Vol. 95. № 2. P. 249–264.
16. Chamorro-Premuzic T., Furnham A. Intellectual competence and the intelligent personality: A third way in differential psychology // *Review of General Psychology*. 2006. V. 10. № 3. P. 251–267.
17. Condon D. M., Wilt J., Cohen C. A., Revelle W., Hegarty M., Uttal D. H. Sense of direction: General factor saturation and associations with the Big-Five traits // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 86. P. 38–43.
18. Dobson P. An investigation into the relationship between neuroticism, extraversion and cognitive test performance in selection // *International Journal of Selection and Assessment*. 2000. Vol. 8. № 3. P. 99–109.
19. Furnham A., Monsen J. Personality traits and intelligence predict academic school grades // *Learning and Individual Differences*. 2009. V. 19. № 1. P. 28–33.
20. Furnham A., Moutafi J., Chamorro Premuzic T. Personality and intelligence: Gender, the Big Five, self estimated and psychometric intelligence // *International Journal of Selection and Assessment*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 11–24.
21. Johnson W., Bouchard Jr. T. J. Sex differences in mental abilities: g masks the dimensions on which they lie // *Intelligence*. 2007. Vol. 35. № 1. P. 23–39.
22. Kornilova T. V., Kornilov S. A., Chumakova M. A. Subjective evaluations of intelligence and academic self-concept predict academic achievement: Evidence from a selective student population // *Learning and Individual Differences*. 2009. Vol. 19. № 4. P. 596–608.
23. Moutafi J., Furnham A., Tsaousis I. Is the relationship between intelligence and trait Neuroticism mediated by test anxiety? // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 40. № 3. P. 587–597.
24. Mullis I. V. S., Martin M. O., Gonzalez E. J., Kennedy A. M. PIRLS 2001 international report: IEA's study of reading literacy achievement in primary school in 35 countries: [Электронный ресурс]. [2003]. URL: https://timss.bc.edu/pirls2001i/pdf/p1_IR_book.pdf (дата обращения: 26.07.2020).
25. Noffle E. E., Robins R. W. Personality predictors of academic outcomes: big five correlates of GPA and SAT scores // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. Vol. 93. № 1. P. 116–130.
26. O'Connor M. C., Paunonen S. V. Big Five personality predictors of post-secondary academic performance // *Personality and Individual Differences*. 2007. Vol. 43. № 5. P. 971–990.
27. Silvia P. J., Sanders C. E. Why are smart people curious? Fluid intelligence, openness to experience, and interest // *Learning and Individual Differences*. 2010. Vol. 20. № 3. P. 242–245.
28. Vedel A. The Big Five and tertiary academic performance: A systematic review and meta-analysis // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 71. P. 66–76.
29. Wallentin M. Putative sex differences in verbal abilities and language cortex: A critical review // *Brain and Language*. 2009. Vol. 108. № 3. P. 175–183.
30. World Values Survey [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 26.07.2020).

REFERENCES

1. Kornilov S. A. *Kross-kul'turnaya invariantnost' analiticheskikh, tvorcheskikh i prakticheskikh sposobnostei rossiiskikh, angliiskikh i amerikanskikh uchashchikhsya: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Cross-cultural invariance of analytical, creative and practical abilities of Russian, English and American students: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2012. 34 p.
2. Kornilov S. A., Grigorenko E. L. [Methodological complex for assessing the academic, creative and practical abilities of students]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2010, vol. 31, no. 2, pp. 90–103.
3. Kornilov S. A., Grigorenko E. L., Smirnov S. D. [Longitudinal study of academic, creative and practical abilities as prerequisites for learning success]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2009, no. 5, pp. 138–149.
4. Kornilova T. V. *Intellektual'no-lichnostnyi potentsial cheloveka v usloviyakh neopredelennosti i riska* [Intellectual-personal potential of the person in conditions of uncertainty and risk]. St. Petersburg, 2016. 334 p.
5. Kornilova T. V. [Tolerance of uncertainty and intelligence as a prerequisite for creativity]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2010, no. 5, pp. 3–12.
6. Kornilova T. V., Novikova M. A. [Self-esteem in the structure of a person]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2011, vol. 32, no. 2, pp. 25–35.
7. Kornilova T. V., Chumakova M. A. [Testing the Big Five Short Questionnaire (TIPI, COBT)]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2016, vol. 9, no. 46. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 02.08.2020).
8. Kornilova T. V., Chumakova M. A. [The scales of tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of the S. Badnera questionnaire]. In: *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology], 2014, vol. 7, no. 1, pp. 92–110.
9. Leont'ev A. N. [On the question of the consciousness of teaching]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 1997, no. 1, pp. 11–14.
10. Malakhova S. I. *Svyaz' psikhometricheskogo intellekta s lichnostnoi samoregulyatsiei studentov: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [The relationship of psychometric intelligence with personal self-regulation of students: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2013. 32 p.
11. Kornilova T. V., Kornilov S. A., Zirenko M. S., Chumakova M. A. [Psychometric properties of the modified battery of the International Cognitive Ability Resource (ICAR)]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2019, vol. 35, no. 3, pp. 32–45.
12. Smirnov S. D. [Indicators of students' intellectual potential as predictors for successful study at university]. In: *Izvestiya mezhdunarodnoi akademii nauk vysshei shkoly* [Proceedings of the international academy of sciences of higher education], 2012, vol. 59, no. 1, pp. 206–226.
13. Ushakov D. V. *Psikhologiya intellekta i odarennosti* [Psychology of intelligence and giftedness]. Moscow, 2011. 464 p.
14. Ackerman P. L., Heggstad E. D. Intelligence, personality, and interests: evidence for overlapping traits. In: *Psychological bulletin*, 1997, vol. 121, no. 2, pp. 219–245.
15. Chamorro Premuzic T., Furnham A. A possible model for understanding the personality intelligence interface. In: *British Journal of Psychology*, 2004, vol. 95, no 2, pp. 249–264.
16. Chamorro-Premuzic T., Furnham A. Intellectual competence and the intelligent personality: A third way in differential psychology. In: *Review of General Psychology*, 2006, vol. 10, no. 3, pp. 251–267.
17. Condon D. M., Wilt J., Cohen C. A., Revelle W., Hegarty M., Uttal D. H. Sense of direction: General factor saturation and associations with the Big-Five traits. In: *Personality and Individual Differences*, 2015, vol. 86, pp. 38–43.
18. Dobson P. An investigation into the relationship between neuroticism, extraversion and cognitive test performance in selection. In: *International Journal of Selection and Assessment*, 2000, vol. 8, no. 3, pp. 99–109.
19. Furnham A., Mosen J. Personality traits and intelligence predict academic school grades. In: *Learning and Individual Differences*, 2009, vol. 19, no. 1, pp. 28–33.
20. Furnham A., Moutafi J., Chamorro Premuzic T. Personality and intelligence: Gender, the Big Five, self estimated and psychometric intelligence. In: *International Journal of Selection and Assessment*, 2005, vol. 13, no. 1, pp. 11–24.

21. Johnson W., Bouchard Jr. T. J. Sex differences in mental abilities: g masks the dimensions on which they lie. In: *Intelligence*, 2007, vol. 35, no. 1, pp. 23–39.
22. Kornilova T. V., Kornilov S. A., Chumakova M. A. Subjective evaluations of intelligence and academic self-concept predict academic achievement: Evidence from a selective student population. In: *Learning and Individual Differences*, 2009, vol. 19, no. 4, pp. 596–608.
23. Moutafi J., Furnham A., Tsaousis I. Is the relationship between intelligence and trait Neuroticism mediated by test anxiety? In: *Personality and Individual Differences*, 2006, vol. 40, no. 3, pp. 587–597.
24. Mullis I. V. S., Martin M. O., Gonzalez E. J., Kennedy A. M. PIRLS 2001 international report: IEA's study of reading literacy achievement in primary school in 35 countries, 2003. Available at: https://timss.bc.edu/pirls2001i/pdf/p1_IR_book.pdf (accessed: 26.07.2020).
25. Nettle E. E., Robins R. W. Personality predictors of academic outcomes: big five correlates of GPA and SAT scores. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 2007, vol. 93, no. 1, pp. 116–130.
26. O'Connor M. C., Paunonen S. V. Big Five personality predictors of post-secondary academic performance. In: *Personality and Individual Differences*, 2007, vol. 43, no. 5, pp. 971–990.
27. Silvia P. J., Sanders C. E. Why are smart people curious? Fluid intelligence, openness to experience, and interest. In: *Learning and Individual Differences*, 2010, vol. 20, no. 3, pp. 242–245.
28. Vedel A. The Big Five and tertiary academic performance: A systematic review and meta-analysis. In: *Personality and Individual Differences*, 2014, vol. 71, pp. 66–76.
29. Wallentin M. Putative sex differences in verbal abilities and language cortex: A critical review. In: *Brain and Language*, 2009, vol. 108, no. 3, pp. 175–183.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зиренко Мария Сергеевна – инженер кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: mziренко@inbox.ru

Корнилова Татьяна Васильевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: tvkornilova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Zirenko – Technician, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: mziренко@inbox.ru

Tatiana V. Kornilova – Cand. Sci. (Psychology), Professor of the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: tvkornilova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зиренко М. С., Корнилова Т. В. Толерантность к неопределённости, интеллект и личностные черты: кросс-культурное исследование российских и американских студентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 20–31.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-20-31

FOR CITATION

Zirenko M. S., Kornilova T. V. Tolerance of uncertainty, intelligence, and personality traits: a cross-cultural study on Russian and American students. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 20–31.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-20-31

УДК 159.96

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-32-46

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ТИПОМ ПРИВЯЗАННОСТИ И НАРУШЕНИЕМ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Лаврова Н. А.

*Московский педагогический государственный университет
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установить статистическую корреляцию между типом привязанности и некоторыми видами нарушения пищевого поведения.

Процедура и методы. В статье приведён анализ взглядов исследователей как на проблему привязанности, так и на различные формы нарушения пищевого поведения. Сбор эмпирических данных осуществлялся путём выборки «снежный ком» и последующего опроса информантов с помощью опросника, устанавливающего тип привязанности в близких отношениях у взрослых (ECR-R); обработка полученных данных и установление статистической корреляции проводились с помощью программы статистической обработки данных SPSS.

Результаты. По итогам исследования автором сделан вывод о наличии взаимосвязи между небезопасной привязанностью и различными видами нарушения пищевого поведения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию привязанности и в теорию нарушения пищевого поведения, а также могут быть использованы в практике психологического консультирования индивидов с нарушениями пищевого поведения.

Ключевые слова: теория привязанности, нарушения пищевого поведения, нервная булимия, нервная анорексия, компульсивное переедание

ON CORRELATION BETWEEN INSECURE ATTACHMENT AND EATING DISORDERS

N. Lavrova

*Moscow Pedagogical State University
88, Vernadskogo pr., Moscow 119571, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To establish a statistically significant correlation between insecure attachment and some eating disorders.

Methodology. The article analyses both the views on the problem of attachment and on various eating disorders. Empirical data were collected with the use of the “snowball” sample and the following questioning of the informants on the basis of the questionnaire, stating the type of grown-up’s attitudes in close relations (ECR-R). Data processing and stating the statistical correlation were performed with the help of the SPSS software.

Results. The results of the study show a statistically significant correlation between eating disorders and insecure attachment.

Research implications. The research results contribute to the attachment theory and to the theory of deviant eating behavior. The data can also be used in the practice of psychological counseling of individuals who have eating disorders.

Keywords: attachment theory, eating disorders, bulimia nervosa, anorexia nervosa, compulsive eating

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор выражает признательность некоммерческой организации Not Skinny Enuf за помощь в сборе данных и в организации исследования.

ACKNOWLEDGMENT

The author is grateful to the non-profit organization Not Skinny Enuf for its assistance in collecting data and organizing the study.

Введение

В современном постиндустриальном обществе проблемы различных видов психологических дезадаптаций становятся всё более актуальными [11; 23]. Не последнее место среди таких проблем занимают нарушения пищевого поведения (далее – НПП), разновидностью которых выступают нервная булимия, нервная анорексия (далее – НБ и НА), компульсивное переедание и др. [16; 22]. Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена активизацией различного рода пищевых расстройств в результате повышенной стрессогенности современного общества.

Теория привязанности, её разновидности и типы, а также вопросы нарушения пищевого поведения не раз становились предметом исследования учёных из различных областей знаний – психологии, педагогики, философии и т. д. [26; 28]. Однако вопрос о связи между нарушением пищевого поведения и некоторыми типами привязанности не освещался достаточно глубоко российскими исследователями. Между тем травматичность и драматичность ранних семейных отношений характерна как для индивидов с нарушением пищевого поведения, так и для индивидов с небезопасным типом привязанности [30; 31; 32], поэтому, на наш взгляд, данная проблема заслуживает научного обсуждения и освещения.

Таким образом, **научная новизна** исследования обусловлена его целью – попыткой установления статистической зависимости между небезопасным типом привязанности и некоторыми видами нарушения пищевого поведения. **Гипотеза** исследования заключается в том, что у индивидов с различными нарушениями пищевого поведения преобладает небезопасный тип привязанности.

Теория привязанности

Теория привязанности представляет собой психологическую модель, описывающую динамику межличностных отношений, начиная с младенчества и заканчивая зрелым возрастом [1]. Привязанность представляет собой мотивационно-поведенческую модель [3], направленную на поиск близости со значимым взрослым, преимущественно в стрессовой ситуации в ожидании защиты и эмоциональной поддержки [13].

Основным постулатом теории привязанности является положение о том, что для оптимального психологического развития ребёнок должен развивать близкие, доверительные отношения как минимум с одним значимым взрослым [18]. Долгое время считалось, что таким значимым взрослым должна быть исключительно мать, однако в последнее время всё чаще высказывается мысль о том, что отцы, а также другие близкие родственники – ба-

бушки и дедушки – также могут выступать в этой роли [29]. Тем не менее некоторые исследователи [20] настаивают на том, что самая близкая и важная психологическая связь может быть установлена исключительно между матерью и ребёнком и что прочность этой связи оказывает непосредственное воздействие на психологическое и психическое здоровье ребёнка.

Дж. Боулби выдвигает гипотезу, что ребёнок должен испытывать тёплые, близкие и непрерывные отношения с матерью, в которых оба находят удовлетворение и удовольствие. Недостаток таких отношений может иметь серьёзные и необратимые последствия для психического здоровья. Физическое присутствие, эмоциональное реагирование, совместная деятельность, уверенность взрослого делает ребёнка уверенным, а его систему привязанностей адаптивной, в результате чего у ребёнка высвобождается достаточно эмоциональной и физической энергии для активно-познавательного, творческого исследования мира [19].

Исследования М. Эйнсворт [17], последовательницы и ученицы Дж. Боулби, на основе проекта «Незнакомой ситуации» в 1960-е и в 1970-е гг. обнаружили, что у детей формируются различные типы привязанности в зависимости от того, каким был ранний опыт взаимодействия со значимым взрослым: надёжный, избегающий, тревожно-амбивалентный, дезорганизованный.

В конце 1980-х гг. С. Хейзан и Ф. Шейвер [26] применили данные, полученные М. Эйнсворт и М. Мейн [34], к взрослым, состоящим в романтических отношениях. Было обнаружено, что взаимодействие между людьми в романтических отношениях сходно с отношениями между ребёнком и значимым взрослым, а возможно, является аналогом этих отношений [15]. Эти сходства привели С. Хейзан и Ф. Шейвера к попытке расширить теорию привязанности и применить её к взрослым индивидам, состоящим в романтических отношениях.

В основе разработанного учёными теста лежит как представление индивида о другом, т. е. представление об объекте привязанности, так и представление о себе, как о достойном или недостойном интереса других. Наиболее важным в предлагаемом авторами тесте является анализ чувств, которые испытывает индивид, состоящий в близких, романтических отношениях. Изначально тест был разработан на английском языке, однако впоследствии он был переведён на разные языки мира и использовался как в первоначальном виде, так и в различных модификациях. Принятыми русскими переводными эквивалентами типов привязанности являются следующие (в скобках приводится английский оригинал):

- Надёжный (secure)
- Тревожный (preoccupied)
- Избегающе-отвергающий (dismissive)
- Тревожно-избегающий (fearful avoidant)

Надёжный тип привязанности у взрослых соответствует одноимённому типу, выделенному классиками теории привязанности у детей. Тревожный тип выступает аналогом амбивалентного типа у детей, тревожно-избегающий тип привязанности – аналог избегающего типа у детей, а избегающе-отвергающий тип, близкий по своему значению к тревожно-избегающему, не находит однозначного эквивалента в детстве.

Современные исследования нарушений пищевого поведения

Классической работой, посвящённой исследованию нервной анорексии, стала монография Х. Брух [21], в которой подробно описывается модель взаимоотношений между девочкой, склонной к анорексии, и её родителями. Термин «нервная булимия» не упоминается автором, поскольку в тот период он не был официальным, однако многие признаки атипичной анорексии, описанной Х. Брух, напоминают классическую булимию. Автор отмечает, что ригидность и

отчуждённость в отношениях характерны для семьи типичного индивида с анорексией, тогда как атипичная (компенсаторная) анорексия чаще развивается в семьях с повышенной конфликтогенностью. Таким образом, проблемы травмирующих, дисгармоничных семейных отношений впервые затрагиваются Х. Брух применительно к индивидам с нарушениями пищевого поведения.

Исследуя распространённость нервной анорексии в сопоставительном аспекте, Л. И. Захарова [7] отмечает, что официальные статистические данные не дают полной картины, поскольку только сравнительно небольшая часть девочек, страдающих анорексией, получают официальный диагноз. В то же время автор отмечает, что по сравнению с булимией долгосрочные перспективы выздоровления от анорексии лучше, поскольку индивиды с НА примерно в три раза чаще, чем индивиды с НБ, обращаются за профессиональной помощью (как правило, под давлением родственников). Поведение индивидов с НБ носит более скрытный характер и долгое время остаётся незамеченным родственниками и врачами, к которым индивиды с НБ, как правило, обращаются с иными психосоматическими расстройствами.

О. В. Орлова [12] анализирует комплексный, междисциплинарный характер проблемы неэкологичного пищевого поведения, отмечая, что причины нарушений пищевого поведения носят мультифакторный характер и требуют разных подходов со стороны разных наук и парадигм научного знания.

Д. В. Иванов и А. А. Хохрина [8] детально изучают проблему неадекватного восприятия собственного тела индивидами с НА и НБ, выдвигая гипотезу, что причиной дисморфофобии и дисморфомании являются ранние психологические и физические конфликты, а также триангуляция внутрисемейных отношений. В результате собственное тело воспринимается как «арена борьбы» за неза-

висимость и автономию, а манипуляции с телом позволяют некоторым образом управлять взаимоотношениями с родителями.

В. В. Грачев и Н. А. Косенко [4] исследуют атипичные формы нервной булимии и анорексии, отмечая, что атипичные формы НПП обнаруживают много перекрёстных черт, а потому можно предположить, что за развитие неэкологичного пищевого поведения отвечает общий ген, который в зависимости от фенотипа может выражаться спектром заболеваний, многие из которых носят характер аддитивных.

Анализируя факторы риска нарушения пищевого поведения, Р. В. Александрова и Т. А. Мешкова [2] используют как классический тест ЕАТ-26, так и собственный опросник. Не упоминая типы и теории привязанности, авторы выделяют ряд поведенческих и аффективно-когнитивных черт личностей с НА и НБ, многие из которых также характерны для людей с небезопасной привязанностью.

В. В. Путятин и др. [14] отмечает перфекционизм как сопутствующую черту всех типов нарушений пищевого поведения. Известно, что перфекционизм также нередко является установкой индивида с небезопасным типом привязанности, поскольку неуверенность в себе и заниженная самооценка побуждают его прилагать максимум усилий для достижения цели. Однако анализ мотивации к деятельности показывает, что как индивиды с НПП, так и индивиды с небезопасным типом привязанности руководствуются **мотивом избегания неудач** [20], а не мотивом достижения успеха, в который ни те, ни другие, как правило, не верят, руководствуясь страхом поражения и осуждения со стороны микро- или макро-социума.

А. Н. Кононов и А. С. Комиссарова [10] подчёркивают, что «интернет, гляцевые журналы, рекламные буклеты создают атмосферу, в которой подросток вынужденно делает вывод, что именно строй-

ное тело, а в ряде случаев откровенная худоба являются залогом успеха в профессиональной карьере и личной жизни» [10, с. 7]. Особое внимание авторы уделяют исследованию корреляции между тревожностью и нарушением пищевого поведения: «личностная тревожность и ситуативная тревога являются факторами, провоцирующими возникновение и развитие нарушений пищевого поведения в подростковом возрасте» [10, с. 7]. Дети, «находящиеся в состоянии стресса длительное время, испытывая тревогу, зачастую уже в раннем возрасте узнают, что приём пищи, особенно определённых её видов, приводит к снижению уровня тревоги и внутреннего напряжения» [10, с. 8]. Важным фактором, по данным А. Н. Кононова и А. С. Комиссаровой, оказывается продолжительность переживания состояния тревоги, которое может возникать в результате холодно-отчуждённого или плохо предсказуемого поведения значимых близких.

Постоянная тревожность как личностная черта создаёт импульс к потреблению пищи, обусловленный «не столько физическим чувством голода, сколько эмоциональным дискомфортом, который переживает подросток ситуативно, в конкретный момент времени. В связи с тем, что данный способ снижения тревоги доступен для подростка и не требует усилий с его стороны, происходит его быстрое закрепление как типовой модели поведения в ответ на рост уровня тревоги» [10, с. 12]. Хотя исследования авторов и не затрагивают вопроса непосредственной связи между небезопасной привязанностью и нарушением пищевого поведения, возникает резонный вопрос: откуда возникает тревожность как личностный радикал и постоянное, мобилизующее состояние тревоги? Не является ли тревожность предтечей различного рода дезадаптивных форм поведения, в том числе нарушения пищевого поведения?

Словно отвечая на данный вопрос, О. А. Ильчик отмечает, что отсутствие

тепла и взаимопонимания между подростком и родителями является триггером, запускающим развитие пищевых расстройств [9].

В своём исследовании А. С. Дубинина [6] пытается связать расстройства пищевого поведения и различные типы субоптимального социального поведения подростков, среди которых клептомания, лживость, холодность и замкнутость, а также минимализация социальных контактов, за исключением одного-двух людей, являющихся, как правило, близкими друзьями подростков, при этом родители не входят в круг близких людей, которым подростки с НПП могут доверять. Выводы, к которым приходит автор, сводятся к тому, что психологическая травма (нередко в сочетании с физической агрессией) может приводить к спектру социально неадаптивного поведения. Несмотря на то, что вывода о наличии непосредственной связи между небезопасным типом привязанности и нервной булимией и анорексией автор не делает, логика работы позволяет поставить этот вопрос в качестве перспектив исследования.

Р. Карен [29] приводит данные о том, что стиль привязанности может коррелировать с различного рода дезадаптациями. Представители амбивалентного типа фокусируются на межличностных отношениях, обнаруживая различного рода нездоровые привязанности к людям: вступают в садомазохистские отношения, заключают браки с алкоголизированными или наркозависимыми индивидами, впадают в депрессию при потере близких друзей, требуют от друзей и близких постоянного внимания, преданности, заботы и т. д. Представители избегающего типа обнаруживают аддикции к предметам или какой-либо деятельности, становясь трудоголиками, стремясь к власти, достижениям, богатству, или приобретают признаки обсессивно-компульсивного расстройства.

По мнению Р. Карен, отказ от еды служит символическим выражением отка-

за от нездоровой психологической зависимости, сформировавшейся между матерью и дочерью, когда мать либо навязывает свою систему ценностей, не считаясь с особенностями психологии и физиологии своей дочери, либо, напротив, не предоставляет желаемой заботы, уважения, любви, проявляя физическую или вербальную агрессию.

Существует мнение, что, не имея возможности физически избавиться от нездоровой ситуации, девочка-подросток пытается избавиться от нездоровых отношений символически, наказывая не столько себя, сколько своих родителей, причём разница между наказанием себя и других перестаёт ощущаться [5].

Согласно исследованию Дж. Таска [36], теоретические модели НПП фокусируются на когнитивно-поведенческих аспектах, часто игнорируя важные периоды развития личности, связанные с внутрисемейными отношениями, в том числе с отношениями со значимыми близкими. По данным учёного, более высокий уровень тревожности коррелирует с более отчётливо выраженными симптомами нарушения пищевого поведения. Факторами-посредниками выступают низкая способность к саморегуляции и перфекционизм. Сложность установления причинно-следственной связи между типом привязанности и расстройством пищевого поведения заключается в многофакторности и необходимости отграничения факторов-медиаторов, факторов-триггеров и непосредственных причин НПП.

Авторы исследования «Анорексия и привязанность: дисрегуляторная защита и патологический траур» [24] изучают роль так называемого «защитного отторжения» в ранних отношениях между девочкой с НА и её родителями. По мнению авторов, небезопасный тип привязанности представляет собой фактор риска для развития нервной анорексии. Так называемый период «скорби» (ср. англ. *mourning*), через который про-

ходит большинство индивидов с НА и НБ, предполагает перестройку образа себя и значимых фигур привязанности, приведение представлений о них в соответствие с реальностью. В случае, если период скорби оказывается незавершённым, модель себя и фигуры привязанности остаётся ригидной и постоянной, наделяясь отрицательным аксиологическим зарядом. В результате нередко активизируются примитивные защитные механизмы в целях изменения дистресса привязанности и предотвращения психологического срыва. Нездоровая, дезапативная зависимость от примитивных механизмов защиты приводит к нарушению психологического равновесия. По мнению Э. Дельвечи и др. [24], наиболее распространённым защитным механизмом индивида с расстройством пищевого поведения является **деактивация**. Деактивация предполагает негативную оценку себя и других как незаслуживающих внимания, уважения и заботы, а также отказ от потребности в привязанности. Развиваясь в условиях небезопасного типа привязанности, деактивация коррелирует со средними и тяжёлыми формами нарушений пищевого поведения. В рамках своего исследования авторы выдвигают 4 гипотезы, каждая из которых получает полное или частичное эмпирическое обоснование. Наиболее значимой и научно обоснованной представляется гипотеза авторов о высоком проценте среди женщин с нарушением пищевого поведения индивидов с непроработанным, неразрешённым горем и скорбью. Материалом исследования послужил вариант проективно-апперцептивного теста, в котором участникам предлагается 8 рисунков, на семи из которых представлены различные сцены сепарации со значимым близким. Предлагаемые для интерпретации иллюстрации варьируются на шкале травматичности сепарации, от лёгкой до тяжёлой. В результате исследования обнаружено, что абсолютное большинство участников имеют от-

вергающий (dismissing), или избегающий, тип привязанности, который, по мнению авторов, напоминает избегание и отторжение пищи индивидом с НА.

В работе Р. Ошонсси и Р. Даллос [35] отмечается противоречивый характер полученных ранее данных относительно связи между различными типами нарушения пищевого поведения и типом привязанности. В частности, авторы отмечают, что прежде всего наблюдается бóльшая зависимость между степенью и силой заболевания и небезопасным типом привязанности, нежели между каким-то конкретным типом нарушения пищевого поведения и конкретной разновидностью типа привязанности. Кроме того, исследователи отмечают страх сепарации и непроработанное горе и травму как дополнительные факторы-медиаторы, запускающие механизм нарушений пищевого поведения.

Исследование Г. Атили и др. [18] посвящено изучению не только связи между типом привязанности и нарушениями пищевого поведения, но также и связи между типом привязанности основных участников внутрисемейных отношений

– дочери, матери и отца. В результате исследования обнаружено, что: амбивалентный и избегающий типы привязанности среди индивидов с анорексией и их матерей являются ведущими; среди отцов индивидов с НПП преобладает избегающий тип привязанности. В случае рестриктивной анорексии наблюдается наибольшее статистическое расхождение между типами привязанности у матери и отца. В таблице 1, адаптированной из статьи Г. Атили, приводятся статистические данные относительно типа привязанности у пациентов с различными типами нарушений пищевого поведения и у их родителей, а также данные по контрольным группам. Из таблицы видно, что в целом безопасный тип привязанности преобладает среди контрольной группы испытуемых и их родителей, небезопасный тип преобладает среди пациентов с нарушениями пищевого поведения и их родителей. Из таблицы также видно, что амбивалентный тип привязанности наиболее характерен для индивидов с нарушением пищевого поведения по принципу пищевого кутежа, а также для их родителей.

Таблица 1 / Table 1

Дистрибуция типов привязанности среди пациентов с нарушением пищевого поведения и контрольных групп / Distribution of attachment types among patients with eating disorders and control groups

Участники	Тип привязанности				
	Безопасный	Амбивалентный	Избегающий	Дезорганизованный	Всего
Контрольная группа	50	35	15	2	80
Пациенты с нарушением пищевого поведения	9	38	31	22	55
Рестриктивная анорексия	13	21	41	25	24
Анорексия очистительно-компенсаторного типа	0	37,5	50	12,5	8
Булимия	9	18	27	46	11
Расстройство по типу пищевого кутежа	8	92	0	0	12

Окончание табл. 1

Матери (контрольная группа)	49	38	10	3	79
Матери пациентов	10	46	33	11	52
Рестриктивная анорексия	17	39	31	13	23
Анорексия очистительно-компенсаторного типа	0	17	50	33	6
Булимия	18	9	46	27	11
Расстройство по типу пищевого кутежа	8	67	25	0	12
Отцы (контрольная группа)	52	39	8	1	80
Отцы пациентов	10	30	38	22	50
Рестриктивная анорексия	10	37	32	21	19
Анорексия очистительно-компенсаторного типа	0	25	50	25	8
Булимия	18	9	46	27	11
Расстройство по типу пищевого кутежа	8	42	33	17	12

Источник: Аттили Г., Пентима Л. Д., Тони А., Роацци А. Стили привязанности и расстройства пищевого поведения: комбинированное влияние психических состояний матерей и отцов [18]

Как и другие исследователи, авторы используют полупроективную методику, предлагая участникам интерпретировать 6 рисунков, на которых представлена ситуация сепарации с родителями, варьирующаяся по шкале от лёгкой до сильно травмирующей. В эксперименте приняли участие 405 человек (55 пациентов с НПП и 80 участников контрольной группы, остальные участники – отцы и матери пациентов и контрольной группы). При описании картинки испытуемых просили ответить на следующие вопросы: «Как вы думаете, что чувствует ребёнок, когда его родители уходят?», «Что он будет делать, когда родители уйдут?», «Что будет чувствовать ребёнок, когда родители вернуться»? Ответы участников были классифицированы на 17 эмоциональных категорий, как, например, одиночество, грусть, гнев, уход в себя, отторжение и т. д. Результаты эксперимента показали, что около 90% пациентов и их родителей имеют небезопасный тип привязанности, в отличие от 50% контрольной группы. В целом наблюдается большая корреляция между типом привязанности пациента и его матери, нежели между типом привязанности пациента и его отца, что косвенно свидетельствует о более важной роли матери в формировании типа привязанности ребёнка. Данная корреляция оказывается устойчивой даже и в том случае,

если отец играет ведущую роль в воспитании ребёнка. Пациенты с НБ в большей степени, чем пациенты с рестриктивной анорексией и расстройством по типу пищевого кутежа, обнаруживают тип привязанности, отличный от типа привязанности обоих родителей (64%). Отцы и матери пациентов с пищевыми нарушениями чаще обнаруживают разные типы привязанности (73%), в отличие от контрольной группы (39%). Уязвимость для развития нервной анорексии выше в случае, если у родителей наблюдается расхождение по типу привязанности. В целом у личностей с булимией преобладает дезорганизованный тип привязанности, а у индивидов с анорексией – избегающий.

Таким образом, обзор теоретической литературы, посвящённой как теории привязанности, так и нарушениям пищевого поведения, в частности – нервной булимии и нервной анорексии, позволяет поставить вопрос о наличии статистически значимой корреляции между некоторыми видами НПП и небезопасным типом привязанности.

Методология и сбор данных

Для установления предполагаемой корреляции между некоторыми разновидностями НПП и небезопасным типом привязанности использовался метод

опроса информантов с помощью модифицированного опросника Р. К. Фрэйли, Н. Г. Уоллера, К. А. Бреннана [25], разработанного для установления типа привязанности у взрослых. В опросе приняли участие 50 человек женского пола, в возрасте от 20 до 35 лет. При отборе информантов использовалась выборка «снежный ком», в соответствии с которой несколько информантов, страдающих НПП и имеющих круг знакомых с различными типами нарушений пищевого поведения, обеспечивают доступ к остальным информантам. Треть информантов состоит в благотворительной организации Not Skinny Enuf, занимающейся изучением нарушений пищевого поведения. 2% информантов проходят лечение у психолога или психотерапевта; 4% участников находятся в ремиссии. Таким образом, большинство участников эксперимента не имеют официального диагноза и не проходят лечения в специализированной клинике или у психолога.

Среди участников распределение по типу НПП оказалось следующим: нервная булимия – 52%, компульсивное переедание – 24%, булимия и компульсивное переедание – 12%, нервная анорексия – 12%.

Отнесение информантов не проходящих лечения в медицинском учреждении и не имеющих соответствующего диагноза, основывалось на самоотчётах. Несмотря на то, что у этих участников нет официального диагноза, считаем не только возможным, но и необходимым исследовать отобранную нами группу по следующим причинам. Как известно, женщины с НПП крайне редко получают диагноз в принципе. По данным Г. Хоека [27], не более 40% женщин с НА получают официальный диагноз и только около 10% женщин с НБ. Как и в случае других видов дезапативного поведения (наркомании, алкоголизма и т.д.), данная группа индивидов крайне редко по своей воле обращается за медицинской помощью. В опросе принимали участие только пред-

ставители женского пола, поскольку по статистике [24] нарушения пищевого поведения примерно в 10 раз чаще встречаются среди женщин, чем среди мужчин. Все участники проходили опрос на сайте, на котором размещён тест на определение типа привязанности у взрослых¹.

Преимущество модифицированного опросника Р. К. Фрэйли, Н. Г. Уоллера и К. Г. Бреннана (ECR-R) в том, что он позволяет оценить тип привязанности по нескольким шкалам, в частности, в случае небезопасной привязанности оценить уровень тревожности и уровень избегания. Тест содержит 36 утверждений с вариантами ответа и измеряет как шкалу тревожности в отношениях привязанности (уровень уверенности / неуверенности в надёжности и отзывчивости значимого близкого), так и шкалу избегания в отношениях привязанности (степень дискомфорта, испытываемого при сепарации со значимым близким, и формирование зависимости от него).

Результаты и выводы. Зависимость между нарушением пищевого поведения и небезопасным типом привязанности

Проведённое исследование обнаружило, что в изучаемой выборке большинство (70%) индивидов с НПП проявляют признаки небезопасного типа привязанности. Безопасная привязанность характерна для тех участников опроса, которые находятся в ремиссии или имеют атипичную НА (например, без прекращения менструации). Таким образом, гипотеза о преобладании небезопасного типа привязанности у индивидов с НПП в целом подтверждается. В таблице 2 представлены статистические данные по связи между типом привязанности и типом нарушения пищевого поведения.

¹ Стили привязанности и близких отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://web-research-design.net/cgi-bin/crq/r-crq.pl>; англоязычная версия теста: URL: <http://www.web-research-design.net/cgi-bin/crq/crq.pl>.

Таблица 2 / Table 2

Данные по информантам с разными типами нарушений пищевого поведения (средние показатели) / Data on informants with different types of eating disorders (average indicators)

Тип НПП (всего)	Тип привязанности (%)	Уровень тревожности (на шкале от 1 до 7)	Уровень избегания (на шкале от 1 до 7)
Нервная булимия 52%	Небезопасный 72% Безопасный 28%	Небезопасный 4,63 Безопасный 3	Небезопасный 3,63 Безопасный 3
Компульсивное переедание 24%	Небезопасный 65% Безопасный 35%	Небезопасный 6 Безопасный 3,5	Небезопасный 4,5 Безопасный 3,2
Нервная булимия + компульсивное переедание 12%	Небезопасный 50% Безопасный 50%	Небезопасный 4,83 Безопасный 2,56	Небезопасный 3,72 Безопасный 2,11
Нервная анорексия 12%	Небезопасный 87% Безопасный 15%	Небезопасный 5,42 Безопасный 2,78	Небезопасный 3,68 Безопасный 2,56

Полученные данные в целом соответствуют данным зарубежных исследователей. Однако имеются и некоторые отличия. Наибольший показатель небезопасной привязанности обнаружен в группе «нервная анорексия». Наиболее высокие показатели тревожности и избегания в группе «компульсивное переедание»; на втором месте по уровню тревожности – группа индивидов с нервной анорексией, а по уровню избегания – группа «нервная булимия + компульсивное переедание». Уровень тревожности индивидов с НПП во всех группах выше, чем уровень избегания. Наибольший процент безопасного типа привязанности обнаружен в группе «нервная булимия + компульсивное переедание». Можно предположить, что это обусловлено постепенным «переключением» женщин с НБ на более адаптивный тип пищевого поведения, при котором количество потребляемой пищи всё ещё превышает среднюю норму, но уже не сопровождается компенсаторным поведением.

Неструктурированное интервью с участниками после прохождения теста обнаружило, что для индивидов с тревожной привязанностью характерны резкие переходы от глубокого желания быть рядом со значимым близким, проявившие, таким образом, нездоровую психологи-

ческую или физическую зависимость от него, до отторжения значимого близкого по причине ощущения ненадёжности, недоступности и непостоянства последнего. В случае избегающего типа привязанности индивид с НПП научается внешнему контролированию сдерживанию своих чувств, желаний и потребностей во избежание гнева или раздражения значимого близкого. Женщины с НПП и избегающим типом привязанности склонны вытеснять из сознания факт отторжения значимой фигурой. При восстановлении ретроспективной информации большинство женщин с НПП и избегающим типом привязанности отрицают наличие каких-либо травмирующих факторов из детства, так что даже при упоминании таких обстоятельств, как алкоголизм, наркомания, вербальная или физическая агрессия и т. д. значимых фигур, утверждают, что «в каждой семье есть свои сложности» и что в целом у них «было благополучное детство и они благодарны своим родителям, хотя бы за то, что они сделали их уверенными, целеустремлёнными, сильными, независимыми» и т. д. Таким образом, избегающий тип женщин с НПП интерпретирует травмирующие обстоятельства как положительно сформировавшие их характер. Многие женщины с НА и с из-

бегающим типом привязанности в качестве компенсации «с головой» уходят в какое-то дело, достигая в какой-то определенной области впечатляюще высоких результатов.

Индивиды с тревожным типом привязанности и НПП в меньшей степени склонны к диссоциации, часто осознают свою неспособность, констатируя факт отсутствия любви, понимания, жизненных сил. В процессе интервьюирования они охотно рассказывают о детских страданиях и несчастьях, не скрывая негативного аффекта в отношении значимых близких, степень которого может быть так высока, что они открыто желают смерти тем фигурам, которые когда-то глубоко ранили их чувства. Такой тип жаждет близких, доверительных отношений с другими людьми, однако постоянно разочаровывается в них, поскольку недостатки других людей слишком «явно бросаются в глаза». Хроническая усталость и постоянная физическая слабость тревожного и тревожно-избегающего типов приводят к неспособности сконцентрироваться на работе, к потере интереса к любимому делу, погружению в глубокую депрессию.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют постулировать наличие статистической зависимости между ос-

новными типами нарушения пищевого поведения и небезопасной привязанностью.

Нарушение пищевого поведения возникает либо как следствие преждевременного требования автономии со стороны значимой фигуры, либо как следствие равнодушно-пренебрежительного отношения к ребёнку, в результате чего последний развивает такие черты личности, как тревожность, социофобия, низкая самооценка, неуверенность в себе, постоянное ощущение беспомощности и страха перед будущим. Перечисленные черты личности также характерны для небезопасного типа привязанности.

Результаты исследования имеют как теоретическую, так и практическую значимость: полученные данные вносят вклад в теорию нарушения пищевого поведения и могут использоваться при психологическом консультировании индивидов с нервной булимией и анорексией. Перспективным представляется 1) установление статистической зависимости между небезопасной привязанностью и другими типами нарушения пищевого поведения, а также 2) исследование связи между нарушениями пищевого поведения с учётом пола и типом привязанности, формируемым в раннем детстве.

Статья поступила в редакцию 02.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Н. Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 7–14. DOI: 10.17759/jmfr.2017060201
2. Александрова Р. В., Мешкова Т. А. Анализ факторов риска нарушений пищевого поведения у девочек-подростков с использованием теста ЕАТ-26 и авторского исследовательского опросника // Сухаревские чтения. Расстройства пищевого поведения у детей и подростков: II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 11–12 декабря 2018 г.: сб. ст. / под общ. ред. М. А. Бебчук. М., 2018. С. 27–30.
3. Волкова Е. Е., Капустина Т. В., Черемискина И. И. Развитие модели привязанности в контексте различных теоретических подходов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 1. С. 45–53.
4. Грачев В. В., Косенко Н. А. Атипичные формы нервной анорексии и нервной булимии в подростковом возрасте // Социальная и клиническая психиатрия. 2015. Т. 25. № 2. С. 87–93.
5. Диагностика и терапия расстройств пищевого поведения: мультидисциплинарный подход / Ю. Б. Барыльник, Н. В. Филиппова, А. А. Антонова, Е. В. Бачило, М. А. Деева, С. В. Сизов, М. А. Гусева // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. № 1. С. 50–57.

6. Дубинина А. С. Связь эмоциональной привязанности к матери и социального поведения подростков // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 3. С. 1–11.
7. Захарова Л. И. Нервная анорексия: распространенность, критерии диагностики и психосоматические соотношения (обзор) // Научные результаты биомедицинских исследований. 2019. Т. 5. № 1. С. 108–121. DOI: 10.18413/2313-8955-2019-5-1-0-8
8. Иванов Д. В., Хохрина А. А. Образ тела у подростков с нарушениями пищевого поведения // Вестник университета. 2019. № 6. С. 198–204.
9. Ильчик О. А. Межличностное взаимодействие в родительских и прародительских семьях девушек с нарушениями пищевого поведения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Минск, 2015. 24 с.
10. Кононов А. Н., Комиссарова А. С. Особенности поведения тревожных подростков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 6–16. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-6-16
11. Малкина-Пых И. Г. Терапия пищевого поведения. М., 2007. 1040 с.
12. Орлова О. В. Расстройства пищевого поведения как интегративная научная проблема // Акмеология. 2015. № 3. С. 214–215.
13. Падун М. А. Тип привязанности и угрозы безопасности в супружеских отношениях // Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3. С. 96–115.
14. Роль перфекционизма в динамике расстройств пищевого поведения (нервной анорексии и нервной булимии) / В. В. Путятин, Т. Ю. Линева, А. Е. Брюхин, Е. В. Оконишникова // Сухаревские чтения. Расстройства пищевого поведения у детей и подростков: II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 11–12 декабря 2018 г.: сб. ст. / под общ. ред. М. А. Бебчук. М., 2018. С. 115–119.
15. Сабельникова Н. В., Каширский Д. В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97.
16. Abraham S. Eating disorders. Oxford: Oxford University Press, 2008. 272 p.
17. Ainsworth M. Infancy in Uganda: Infant Care and the Growth of Love. Baltimore, 1967. 441 p.
18. Attachment styles and eating disorders: the combined effect of mothers' and fathers' mental states / G. Attili, L. D. Pentima, A. Toni, A. Roazzi // Attachment and complex systems. 2015. Vol. 2 (2). P. 53–66. DOI: <https://bit.ly/2P71hI0>
19. Bowlby J. Critical Phases in the Development of Social Responses in Man and Other Animals // New Biology. 1953. Vol. 14. P. 2–32.
20. Bowlby J. Separation: Anger and Anxiety. Attachment and loss. Vol. 2. London, 1973. 430 p.
21. Bruch H. The golden cage. The enigma of anorexia nervosa. New York, 1979. 159 p.
22. Bulik C. M. Anxiety, depression, and eating disorders / In Eating disorders and obesity: A comprehensive handbook / ed. Ch. G. Fairburn, K. D. Brownell. New York, London, 2002. P. 193–198.
23. Costin C. The eating disorder sourcebook: A comprehensive guide to the causes, treatments, and prevention of eating disorders. New York, Chicago, London: McGrawHill, 2007. 352 p.
24. Anorexia and attachment: dysregulated defense and pathological mourning / E. Delvecchio, D. Di Riso, S. Salcuni, C. George // Frontiers in psychology. Psychology for cultural settings. 2014. Vol. 5. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01218>
25. Fraley R. C., Waller N. G., Brennan K. A. An item-response theory analysis of self-report measures of adult attachment // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. № 78. P. 350–365.
26. Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 52 (3). P. 511–524.
27. Hoek H. W. Distribution of eating disorders // Eating disorders and obesity: A comprehensive handbook / ed. Ch. G. Fairburn, K. D. Brownell. New York, London, 2002. Loc. 5268–5360
28. Howe D. Attachment across the life course. London: Palgrave, 2011. 272 p.
29. Karen R. Becoming attached. New York, Oxford: Oxford university press, 1998. 512 p.
30. Kobak R., Madsen S. Disruption in Attachment Bonds // Handbook of Attachment: Theory, Research and Clinical Applications / ed. J. Cassidy, P. R. Shaver. New York, London: Guilford Press, 2008. P. 23–47.
31. Landa S., Duschinsky R. Crittenden's dynamic-maturational model of attachment and adaptation // Review of general psychology. 2013. № 17 (3). P. 326–338.

32. Landers M. S., Sullivan R. M. The development and neurobiology of infant attachment and fear // *Developmental neuroscience*. 2012. Vol. 34. P. 101–114.
33. Lewis Th., Amiri F., Lannon R. A general theory of love. New York, 2001. 274 p.
34. Main M. Epilogue: Attachment Theory: Eighteen Points with Suggestions for Future Studies // *Handbook of Attachment: Theory, Research and Clinical Applications* / ed. J. Cassidy, P. R. Shaver. New York: Guilford Press, 1999. P. 845–887.
35. O'Shaughnessy R., Dallos R. Attachment research and eating disorders: a review of the literature // *Clinical child psychology and psychiatry*. 2009. Vol. 14 (4). P. 559–574. DOI: 10.1177/1359104509339082
36. Tasca G. A. Attachment and eating disorders: a research update // *Current opinion in psychology*. 2019. Vol. 25. P. 59–64. DOI: 10.1016/j.copsyc.2018.03.003

REFERENCES

1. Avdeeva N. N. [Attachment theory: current research and perspectives]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Contemporary foreign psychology], 2017, vol. 6, no. 2, pp. 7–14. DOI: 10.17759/jmfp.2017060201
2. Aleksandrova R. V., Meshkova T. A. [Analysis of risk factors for eating disorders in adolescent girls using the EAT-26 test and the author]. In: *Bebchuk M. A., ed. Sukharevskie chteniya. Rasstroistva pishchevogo povedeniya u detei i podrostkov: II Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem, 11–12 dekabrya 2018 g.* [Bebchuk M. A., ed. Sukharev Readings. Eating Disorders in Children and Adolescents: II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, December 11–12, 2018]. Moscow, 2018, pp. 27–30.
3. Volkova E. E., Kapustina T. V., Cheremiskina I. I. [Developing an attachment model in the context of various theoretical approaches]. In: *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and contemporary research], 2017, vol. 6, no. 1, pp. 45–53.
4. Grachev V. V., Kosenko N. A. [Atypical forms of anorexia nervosa and bulimia nervosa in adolescence]. In: *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya* [Social and Clinical Psychiatry], 2015, vol. 25, no. 2, pp. 87–93.
5. Barylnik Yu. B., Filippova N. V., Antonova A. A., Bachilo E. V., Deeva M. A., Sizov S. V., Guseva M. A. [Diagnosis and therapy of eating disorders: a multidisciplinary approach]. In: *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya* [Social and Clinical Psychiatry], 2018, no. 1, pp. 50–57.
6. Dubinina A. S. [Relationship between emotional attachment to mother and social behavior of adolescents]. In: *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [The world of science. pedagogy and psychology], 2019, no. 3, pp. 1–11.
7. Zakharova L. I. [Anorexia nervosa: prevalence, diagnostic criteria and psychosomatic relationships (review)]. In: *Nauchnye rezul'taty biomeditsinskikh issledovaniy* [Scientific results of biomedical research], 2019, vol. 5, no. 1, pp. 108–121. DOI: 10.18413/2313-8955-2019-5-1-0-8
8. Ivanov D. V., Khokhrina A. A. [Body Image in Adolescents with Eating Disorders]. In: *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 2019, no. 6, pp. 198–204.
9. Il'chik O. A. *Mezhlichnostnoe vzaimodeistvie v roditel'skikh i praroditel'skikh sem'yakh devushek s narusheniyami pishchevogo povedeniya: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Interpersonal interaction in parental and grandparent families of girls with eating disorders: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Minsk, 2015. 24 p.
10. Kononov A. N., Komissarova A. S. [Features of anxious adolescents' behavior]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2019, no. 1, pp. 6–16. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-6-16
11. Malkina-Pykh I. G. *Terapiya pishchevogo povedeniya* [Eating therapy]. Moscow, 2007. 1040 p.
12. Orlova O. V. [Eating Disorders as an Integrative Scientific Problem]. In: *Akmeologiya* [Acmeology], 2015, no. 3, pp. 214–215.
13. Padun M. A. [Attachment type and security threats in marital relationships]. In: *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Social and Economic Psychology], 2017, vol. 2, no. 3, pp. 96–115.
14. Putyatin V. V., Lineva T. Yu., Bryukhin A. E., Okonishnikova E. V. [The role of perfectionism in the dynamics of eating disorders (anorexia nervosa and bulimia nervosa)]. In: *Bebchuk M. A., ed. Sukharevskie chteniya. Rasstroistva pishchevogo povedeniya u detei i podrostkov: II Vserossiiskaya*

- nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem, 11–12 dekabrya 2018 g.* [Bebchuk M. A., ed. Sukharev Readings. Eating Disorders in Children and Adolescents: II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, December 11–12, 2018]. Moscow, 2018, pp. 115–119.
15. Sabel'nikova N. V., Kashirsky D. V. [Loved One Attachment Questionnaire]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2015, vol. 36, no. 4, pp. 84–97.
 16. Abraham S. Eating disorders. Oxford, 2008. 272 p.
 17. Ainsworth M. Infancy in Uganda: Infant Care and the Growth of Love. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1967. 441 p.
 18. Attili G., Pentima L. D., Toni A., Roazzi A. Attachment styles and eating disorders: the combined effect of mothers' and fathers' mental states. In: *Attachment and complex systems*, 2015, vol. 2 (2), pp. 53–66. DOI: <https://bit.ly/2P71hI0>
 19. Bowlby J. Critical Phases in the Development of Social Responses in Man and Other Animals. In: *New Biology*, 1953, vol. 14, pp. 2–32.
 20. Bowlby J. Separation: Anger and Anxiety. Attachment and loss. Vol. 2. London, 1973. 430 p.
 21. Bruch H. The golden cage. The enigma of anorexia nervosa, New York, 1979. 159 p.
 22. Bulik C. M. Anxiety, depression, and eating disorders. In: Ch. G. Fairburn, K. D. Brownell, eds. *Eating disorders and obesity: A comprehensive handbook*. New York, London, 2002, pp. 193–198.
 23. Costin C. The eating disorder sourcebook: A comprehensive guide to the causes, treatments, and prevention of eating disorders. New York, Chicago, London, 2007. 352 p.
 24. Delvecchio E., Di Riso D., Salcuni S., George C. Anorexia and attachment: dysregulated defense and pathological mourning. In: *Frontiers in psychology. Psychology for cultural settings*, 2014, vol. 5, pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01218>
 25. Fraley R. C., Waller N. G., Brennan K. A. An item-response theory analysis of self-report measures of adult attachment. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, no. 78, pp. 350–365.
 26. Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, no. 52 (3), pp. 511–524.
 27. Hoek H.W. Distribution of eating disorders. In: Ch. G. Fairburn, K. D. Brownell, eds. *Eating disorders and obesity: A comprehensive handbook*. New York, London, 2002. Loc. 5268–5360.
 28. Howe D. Attachment across the life course. London, 2011. 272 p.
 29. Karen R. Becoming attached. New York, Oxford, 1998. 512 p.
 30. Kobak R., Madsen S. Disruption in Attachment Bonds. In: Cassidy J., Shaver P. R. eds. *Handbook of Attachment: Theory, Research and Clinical Applications*. New York, London, 2008, pp. 23–47.
 31. Landa S., Duschinsky R. Crittenden's dynamic-maturational model of attachment and adaptation. In: *Review of general psychology*, 2013, no. 17 (3), pp. 326–338.
 32. Landers M. S., Sullivan R. M. The development and neurobiology of infant attachment and fear. In: *Developmental neuroscience*, 2012, vol. 34, pp. 101–114.
 33. Lewis Th., Amiri F., Lannon R. A general theory of love. New York, 2001. 274 p.
 34. Main M. Epilogue: Attachment Theory: Eighteen Points with Suggestions for Future Studies. In: Cassidy J., Shaver P. R. eds. *Handbook of Attachment: Theory, Research and Clinical Applications*. New York, 1999, pp. 845–887.
 35. O'Shaughnessy R., Dallos R. Attachment research and eating disorders: a review of the literature. In: *Clinical child psychology and psychiatry*, 2009, vol. 14 (4), pp. 559–574. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359104509339082>
 36. Tasca G. A. Attachment and eating disorders: a research update. In: *Current opinion in psychology*, 2019, vol. 25, pp. 59–64. DOI: 10.1016/j.copsyc.2018.03.003

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лаврова Наталия Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры фонетики и лексики английского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: lavruscha@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya A. Lavrova – Dr. Sci. (Philology), Prof. of the Department of English Phonetics and Lexicology, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: lavruscha@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лаврова Н. А. Взаимосвязь между типом привязанности и нарушением пищевого поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 32–46.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-32-46

FOR CITATION

Lavrova N. A. On correlation between insecure attachment and eating disorders. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 32–46.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-32-46

УДК: 159.942

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-47-54

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЭСТЕТИКА И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ: ОБЗОР ЗАПАДНЫХ ТРЕНДОВ

Шестова М. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить современные тренды в области экспериментальной эстетики на основе обзора западных источников и провести анализ теорий эстетического опыта и эмоций.

Процедура и методы. Применены метод критического анализа литературы, методы сравнения и обобщения.

Результат. В статье представлены интерпретации предмета психологии искусства, или экспериментальной эстетики. Выделены основные направления исследования в данной области за рубежом. Анализ теорий эстетического опыта и эмоций показал механизмы их возникновения, характеристику эстетических эмоций и их функций, их отличие от «эмоций» как более общего термина.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в отечественную психологию искусства.

Ключевые слова: экспериментальная эстетика, психология искусства и эстетики, эмоции, эстетические эмоции, эстетический опыт

EXPERIMENTAL AESTHETICS AND AESTHETIC EMOTIONS: REVIEW OF THE TRENDS IN THE WEST

M. Shestova*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
11, str. 9, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify current trends in the field of experimental aesthetics based on the review of Western sources and to analyze the theories of aesthetic experience and emotions.

Methodology. The method of critical analysis of the literature, methods of comparison and generalization is applied.

Results. Interpretations of the subject of experimental aesthetics or psychology of Aesthetics and the Arts are presented in this paper. The main trends in the West are shown. The analysis of the theories of an aesthetic experience and emotions showed the mechanisms of their occurrence, the characteristic of aesthetic emotions, their functions is presented and its main difference from emotions as a more general term is shown.

Research implications. The results of the research contribute to the Russian psychology of art.

Keywords: experimental aesthetics, psychology of aesthetics and the arts, emotions, aesthetic emotions, aesthetic experience

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ, проект № 19-29-07069 «Эмоционально-мнемические составляющие человеческого капитала».

ACKNOWLEDGMENT

The article was prepared within the framework of the RFBR grant, project No. 19-29-07069 "Emotional-mnemonic components of human capital".

Введение

Экспериментальная эстетика, или психология искусства, занимается изучением взаимодействия человека с различными произведениями искусства. «Изучением реакций человека на живопись, фильмы, литературные произведения, музыку, поэзию, театральные представления; изучением эстетического опыта, например: чувства прекрасного и ужасного, симпатии и антипатии; а также изучением ежедневного восприятия предметов окружающей среды, дизайнерских объектов, потребительских товаров и людей» [25, р. 3]. Экспериментальная эстетика, как направление психологической науки была основана в XIX в. Густавом Фехнером. Слово «экспериментальная» Г. Фехнер включил, чтобы подчеркнуть своё стремление использовать строгую научную методологию и раскрыть взаимосвязь между свойствами объективного стимула и эстетическими реакциями. Экспериментальная эстетика особенно интенсивно развивается в последнее десятилетие, и в её развитии можно выделить два основных периода: ранний и современный. В ранних теориях: психофизиологической теории Г. Фехнера (1876); гештальт-теории Арнхейма (1969); психофизиологической модели Берлина (1971); прототипической модели Мартиндейла (1988) отсутствуют объяснения возникновения негативных эмоций. Современные теории, напротив, объясняют происхождение как позитивных, так и негативных эстетических эмоций. В частности, модель обработки информации эстетического опыта Х. Лидера показывает, что если финальная стадия «когнитивного мастерства» была прой-

дена неудачно и произведение искусства было интерпретировано как «пустышка», то это событие будет сопровождаться негативной эстетической эмоцией [12, р. 503]. Концепция ошибки предсказания Ван де Крайса и Дж. Вагеманса постулирует, что негативные эмоции возникают, когда индивидам не удаётся восстановить предсказуемость (устранить ошибку предсказания) [7, р. 1038].

Беглый взгляд на историческое развитие теорий эстетического опыта (ЭО) показывает, что для отечественной психологии в меньшей степени характерны исследования эстетического опыта, в том числе эстетических эмоций. Обзор современных направлений исследований, а также критический анализ существующих зарубежных теоретических подходов к изучению экспериментальной эстетики позволят расширить накопленные отечественной психологией искусства данные и наметить новые направления исследований.

Для лучшего понимания ЭО приведём несколько дополнительных интерпретаций конструкта. Прожить эстетический опыт можно при посещении музея и галереи, архитектурных памятников, религиозных центров и т. д. ЭО по определению С. Марковича представляет собой исключительное состояние сознания, которое качественно отличается от «нормального» ежедневного состояния сознания [13, р. 12]. Интерес и то возбуждение, которое вызывает объект, играют ключевые роли в порождении эстетического опыта. Таким образом, согласно С. Марковичу, ЭО имеет три ключевых характеристики: 1) сосредоточенное внимание; 2) когнитивный или семантический аспект эсте-

тического опыта; 3) аффективный – чувство единения с арт-объектом [13, р. 3]. Эстетические эмоции, такие как восхищение, очарование, восторг и т. п., порождаются оценкой символической структуры и композиционных правил произведения искусства, и в основном они положительны. С другой стороны, эмоции, порождённые оценкой содержания произведения искусства, могут быть как приятные, так и нет. С. Маркович сравнивает ЭО с потоком М. Чиксентмихайи, с вершинными переживаниями Маслоу, с концептом «поглощения», предложенным А. Теллегеном и Г. Аткинсон [13, р. 2].

Западные тренды и направления исследований

Результат анализа литературы показывает, что можно выделить несколько основных трендов. Во-первых, учёные интересуются связи эстетического опыта с личностными чертами и предпочтениями и их стабильностью. Такая черта, как осознанность (mindfulness), предсказывает более частое переживание ЭО [10, р. 976]. Черты большой пятёрки «открытость новому опыту» и «экстраверсия» являются предикторами визуальных искусств в целом [4, р. 199–200], а музыка определённого жанра способствует регуляции эмоций [6, р. 151]. Эти связи хорошо объясняет пятифакторная теория Р. МакКрае и П. Коста, которая рассматривает черты личности как внутренние базовые тенденции, взаимодействующие с внешними влияниями для возможности формирования специфических (для конкретной личности) адаптаций – [15]. Отличительной (и спорной) особенностью данной теории является предпосылка, что личностные черты формируются не жизненным опытом, а только биологическими факторами. Согласно этой модели ЭО является фасеткой фактора «открытость новому опыту». Дж. Джонсон отметил, что лучше всего фактор «открытости / интеллекта» раскрывают фасетки «идеи» и «эстетического опыта».

Фасетки были изящно охарактеризованы Дж. Джонсоном как представляющие интересы в истине и красоте соответственно и способные начать улавливать концептуальное различие между интеллектом и открытостью [11, р. 328–329]. В недавнем исследовании Фейна и коллег был поднят вопрос о том, как личности, обладающие разной степенью «открытости / интеллекта», различаются по эстетическому опыту, оказалось, что те, кто набирают более высокие баллы по «открытости / интеллекту», реагируют на новизну в своих переживаниях с интересом. В заключение авторы приходят к выводу, что именно «открытость» объясняет эстетическую вовлечённость [8]. Было показано, что эстетические предпочтения людей не являются стабильными и меняются в течение двух недель даже у самых стабильных возрастных групп: ранний и средний возраст [17].

Во-вторых, сравниваются условия, в которых человек может испытать эстетический опыт. Людям больше нравится искусство в музее, и они находят его более интересным, возбуждающим и позитивным, и хотят проводить с ним больше времени, чем когда они сталкиваются с ним в лаборатории [3, р. 100–101]. Кроме того, полученные результаты показывают, что эффекты представления информации в определённом порядке (от низшего к высшему) зависят от контекста презентации: посетители музея лучше запоминали информацию об искусстве, чем участники лаборатории [24, р. 265].

В-третьих, исследуются связи ЭО, здоровья и благополучия. Используя психофизиологические методы, исследователи обнаружили, что посещение музеев снижает стресс, что может способствовать укреплению здоровья и благополучия [5, р. 31]. Аналогично воздействие образительного искусства снижает артериальное давление, что может оказывать расслабляющий эффект [14, р. 127].

В-четвёртых, учёные активно разрабатывают проблематику методических

средств оценки эстетического опыта. Д. Ванцер с коллегами разработал опросник эстетического опыта [26, р. 113], Д. Яден – «Шкалу переживания трепета и благоговения» [27, р. 479].

В завершение раздела отметим, что П. Сильвия и Э. Нусбаум выделяют три направления исследований, предлагая в качестве основания классификации психические и физиологические проявления эстетического опыта. Первое направление изучает чувства симпатии, предпочтения, удовольствия и красоты. Второе берёт своё начало в психологии эмоций и изучает эмоциональные состояния, такие как удовольствие, интерес, гнев и отвращение. Третья нить изучает необычные состояния: «эстетический озноб», потерю счёта времени, отрешённости от окружающего и т. п. [23, р. 208].

Эстетические эмоции

Большинство теорий эмоций сосредоточено на их адаптивных функциях, которые связаны с выживанием и благополучием индивида. С этой точки зрения эмоции считаются утилитарными, поскольку они помогают индивиду адаптироваться к определённым стимулам или событиям. К характеристикам эстетических эмоций можно отнести их *неутилитарность*, т. е. они не преследуют никакой цели. К. Шерер полагает, что эстетические эмоции не связаны с планами и целями индивида, его биологическими потребностями (например, пищей и водой) [18, р. 706]. В контексте эстетических эмоций поднимается вопрос об их возможных телесных проявлениях. К. Шерер и М. Зентер показали, что предметы искусства могут вызывать физиологические и поведенческие изменения [19, р. 366, 384]. Наиболее распространёнными телесными симптомами интенсивных эстетических переживаний являются мурашки по коже и слезящиеся глаза [18, р. 707, 710]. К эстетическим эмоциям традиционно относят озноб или дрожание [21; 23, р. 209], а благоговение

и плач относят к необычным эстетическим состояниям [23, р. 209]. И. Шиндлер с соавторами предложили прототип эстетических эмоций: 1) обычно они возникают, когда *объект или событие оцениваются как чрезвычайно сложные и новые* и создают ощущение присутствия чего-то большего, чем вы сами; 2) это те *эмоции, которые индивиды реально чувствовали* в момент встречи с объектом искусства; 3) вызываются зрением, слухом и когнитивной обработкой полученного стимула; 4) переплетаются с эстетическим суждением [20].

В сфере экспериментальной эстетики наряду с теориями эстетического опыта есть теории и модели, посвящённые объяснению процесса возникновения эстетических эмоций: *оценочная теория эстетических эмоций* Пола Сильвии. Три оценочных компонента являются центральными для интереса: 1) «проверка новизны» – является ли событие новым, результатом такой оценки становится субъективное ощущение нарушенной обработки и возникшее чувство неопределённости; 2) «копинг-потенциал», который в широком смысле относится к оценкам ресурсов, способностей и контроля в отношении некоторого события. Для эмоции интереса потенциал совладания относится к оценке людьми того, могут ли они понять неоднозначное событие. Оценивая что-то как незнакомое, сложное и неоднозначное, люди оценивают вероятность того, что плохо понятное событие станет связным и ясным; 3) относительная важность объекта / ситуации для человека. Эмоция гнева сочетает оценку события как нового (низкая конгруэнтность схем) с низким потенциалом совладания и тесно связана с важностью цели [22, р. 121].

Модель эстетической симпатии: «удовольствие – интерес» Л. Графа и Дж. Ландвера описывает, как в результате беглости и иерархических процессов появляются эстетические предпочтения. Определяющая роль в формировании

эстетических предпочтений отдаётся эмоциям и мотивации субъекта. Когда человек сталкивается с эстетическим стимулом, он немедленно обрабатывается автоматически. Однако если стимул получает достаточное внимание со стороны воспринимающего, то впоследствии может быть активирована контролируемая обработка. Воспринимающие чувствуют беглость своей автоматической обработки только в том случае, если она отличается от их ожидаемой беглости. Это расхождение в беглости может быть положительным или отрицательным, и авторы полагают, что направление этого расхождения отражается в положительном или отрицательном аффекте [9, р. 400]. Положительное расхождение в беглости вызывает положительный аффект, а отрицательное расхождение – негативный. Отсутствие дельты в беглости во время контролируемой обработки может быть отражено в скуке, а в случае наличия мотивации к познанию стимула и стремления вложить когнитивные усилия, а также отсутствия нового знания возникает разочарование.

В. Минненгхаус предлагает уникальную *мультикомпонентную модель эстетических эмоций* [16, р. 173]. Модель состоит из нескольких компонентов: 1) событий, которые могут вызывать эстетические эмоции; 2) субъективных чувств; 3) экспрессии эмоций; 4) физиологии; 5) мотивационных тенденций; 6) функций: формирования эстетических предпочтений, принятия решений, повышения благополучия и здоровья. В модели учитывается влияние на эстетические эмоции личностных переменных и социально-исторического контекста. В. Минненгхаус отмечает, что произведения искусства, которые включают в себя как положительные, так и отрицательные эмоции, часто характеризуются как более интенсивные, интересные, эмоционально затрагивающие, более глубокие, реже вызывают скуку, а иногда оцениваются как более красивые, чем произведения искус-

ства, которые вызывают исключительно положительные эмоции. Авторы приводят перечень основных характеристик эстетических эмоций, к которым в том числе относятся: охват всего спектра аффективного возбуждения; эмоциональные реакции на одни и те же события, но в разное время различающиеся; интенсивность эмоциональной вовлечённости, которая сама по себе является главным фактором эстетического наслаждения и симпатии; эстетические эмоции, способные вызывать сильные физиологические реакции.

Заключение

Проведённый обзор позволил глубже понять предмет экспериментальной эстетики и выявить современные направления исследований в этой области. Анализ основных теорий эстетического опыта показал механизмы возникновения эстетического опыта и эмоций. Нам удалось проследить различия между «эмоциями» как более широким термином и эстетическими эмоциями и выявить их основные характеристики. И хотя эстетические эмоции не утилитарны по своей природе, тем не менее они имеют свои собственные функции и смысловую нагрузку. Идея, что эмоции сигнализируют о порождении смысловых новообразований в мыслительной деятельности, осуществляют её регуляцию, не нова для отечественной психологии. В школе О. К. Тихомирова активно разрабатывали проблематику роли эмоций в преодолении субъективной неопределённости [2, с. 13]. В частности, теорию регулятивных динамических систем, предполагающая единство интеллектуальной и эмоционально-личностной регуляции принятия решений как преодоления неопределённости [1, с. 3]. Несмотря на то, что эстетические эмоции и неопределённость имеют весьма неочевидные связи, некоторые авторы предлагают их теоретические обоснования [7, р. 1038]. Приведённые современные зарубежные исследования эсте-

тического опыта и эстетических эмоций заложили прочный фундамент и открывают широкую перспективу дальнейшей проработки этой темы, но уже в рамках

отечественной психологии и с опорой на культурно-исторический подход.

Статья поступила в редакцию 15.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб., 2016. 343 с.
2. О вкладе О. К. Тихомирова в методологию, теорию и экспериментальную практику психологической науки / Ю. Д. Бабаева, Н. Б. Березанская, И. А. Васильев, А. Е. Войсунский, Т. В. Корнилова // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. № 4. С. 9–27.
3. Brieber D., Leder H., Nadal M. The experience of art in museums: An attempt to dissociate the role of physical context and genuineness // Empirical Studies of the Arts. 2015. Vol. 1 (33). P. 95–105.
4. Personality predictors of artistic preferences as a function of the emotional valence and perceived complexity of paintings / T. Chamorro-Premuzic et al. // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2010. Vol. 4 (4). P. 196–204.
5. Clow A., Fredhoi C. Normalisation of salivary cortisol levels and self-report stress by a brief lunch-time visit to an art gallery by London City workers // Journal of Holistic Healthcare. 2006. Vol. 2 (3). P. 29–32.
6. Cook T., Roy A. R. K., Welker K. M. Music as an emotion regulation strategy: An examination of genres of music and their roles in emotion regulation // Psychology of Music. 2019. Vol. 1 (47). P. 144–154.
7. Cruys S. van de, Wagemans J. Putting reward in art: a tentative prediction error account of visual art // i-Perception. 2011. Vol. 9 (2). P. 1035–1062.
8. Aesthetic Emotions and Aesthetic People: Openness Predicts Sensitivity to Novelty in the Experiences of Interest and Pleasure [Электронный ресурс] / K. Fayn et al. // Frontiers in Psychology. 2015. Vol. (6). URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.01877/full> (дата обращения: 10.12.2020).
9. Graf L. K. M., Landwehr J. R. A dual-process perspective on fluency-based aesthetics: The pleasure-interest model of aesthetic liking // Personality and Social Psychology Review. 2015. Vol. 4 (19). P. 395–410.
10. Harrison N. R., Clark D. P. A. The observing facet of trait mindfulness predicts frequency of aesthetic experiences evoked by the arts // Mindfulness. 2016. Vol. 4 (7). P. 971–978.
11. Johnson J. A. Clarification of factor five with the help of the AB5C model // European Journal of Personality. 1994. Vol. 4 (8). P. 311–334.
12. A model of aesthetic appreciation and aesthetic judgments / H. Leder et al. // British journal of psychology. 2004. Vol. 4 (95). P. 489–508.
13. Marković S. Components of aesthetic experience: aesthetic fascination, aesthetic appraisal, and aesthetic emotion // i-Perception. 2012. Vol. 1 (3). P. 1–17.
14. Visits to figurative art museums may lower blood pressure and stress / S. Mastandrea et al. // Arts & health. 2019. Vol. 2 (11). P. 123–132.
15. McCrae R. R., Costa P. T. Understanding persons: From Stern's personalistics to Five-Factor Theory [Электронный ресурс] // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 169. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886920300064> (дата обращения: 01.12.2020).
16. What are aesthetic emotions? / Menninghaus W. et al. // Psychological review. 2019. Vol. 2 (126). P. 171–195.
17. Pugach C., Leder H., Graham D. J. How stable are human aesthetic preferences across the lifespan? [Электронный ресурс] // Frontiers in human neuroscience. 2017. Vol. 11. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2017.00289/full> (дата обращения: 25.11.2020).
18. Scherer K. R. What are emotions? And how can they be measured? // Social science information. 2005. Vol. 4 (44). P. 695–729.
19. Scherer K. R., Zentner M. R. Emotional effects of music: Production rules. Series in affective science. Oxford, 2001. 972 p.
20. Measuring aesthetic emotions: A review of the literature and a new assessment tool [Электронный ресурс] / I. Schindler et al. // PLoS ONE. 2017. Vol. 6 (12). URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0178899> (дата обращения: 15.12.2020).

21. Schoeller F., Perlovsky L. Aesthetic chills: knowledge-acquisition, meaning-making, and aesthetic emotions [Электронный ресурс] // *Frontiers in psychology*. 2016. Vol. 7. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01093/full> (дата обращения: 10.11.2020).
22. Silvia P. J. Cognitive Appraisals and Interest in Visual Art: Exploring an Appraisal Theory of Aesthetic Emotions // *Empirical Studies of the Arts*. 2005. Vol. 2 (23). P. 119–133.
23. Silvia P. J., Nusbaum E. C. On personality and piloerection: Individual differences in aesthetic chills and other unusual aesthetic experiences // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2011. Vol. 3 (5). P. 208–214.
24. Specker E., Tinio P. P. L., Elk M. van. Do you see what I see? An investigation of the aesthetic experience in the laboratory and museum // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2017. Vol. 3 (11). P. 265–275.
25. Tinio P. P. L., Smith J. K. *The Cambridge handbook of the psychology of aesthetics and the arts*. Cambridge, 2014. 620 p.
26. Experiencing flow while viewing art: Development of the Aesthetic Experience Questionnaire / Wanzer D. L. et al. // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2020. Vol. 1 (14). P. 113–124.
27. The development of the Awe Experience Scale (AWE-S): A multifactorial measure for a complex emotion / Yaden D. B. et al. // *The journal of positive psychology*. 2019. Vol. 4 (14). P. 474–488.

REFERENCES

1. Kornilova T. V. *Intellectual'no-lichnostnyi potentsial cheloveka v usloviyakh neopredelennosti i riska* [Intellectual-personal potential of the person in conditions of uncertainty and risk]. St. Petersburg, 2016. 343 p.
2. Babaeva Yu. D., Berezanskaya N. B., Vasiliev I. A., Voisunsky A. E., Kornilova T. V. [On the contribution of O. K. Tikhomirov to the methodology, theory and experimental practice of psychological science]. In: *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and history of psychology], 2009, vol. 4, no. 4, pp. 9–27.
3. Brieber D., Leder H., Nadal M. The experience of art in museums: An attempt to dissociate the role of physical context and genuineness. In: *Empirical Studies of the Arts*, 2015, vol. 1 (33), pp. 95–105.
4. Chamorro-Premuzic T. et al. Personality predictors of artistic preferences as a function of the emotional valence and perceived complexity of paintings. In: *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2010, vol. 4 (4), pp. 196–204.
5. Clow A., Fredhoi C. Normalisation of salivary cortisol levels and self-report stress by a brief lunch-time visit to an art gallery by London City workers. In: *Journal of Holistic Healthcare*, 2006, vol. 2 (3), pp. 29–32.
6. Cook T., Roy A. R. K., Welker K. M. Music as an emotion regulation strategy: An examination of genres of music and their roles in emotion regulation. In: *Psychology of Music*, 2019, vol. 1 (47), pp. 144–154.
7. Cruys S. van de, Wagemans J. Putting reward in art: a tentative prediction error account of visual art. In: *i-Perception*, 2011, vol. 9 (2), pp. 1035–1062.
8. Fayn K. et al. Aesthetic Emotions and Aesthetic People: Openness Predicts Sensitivity to Novelty in the Experiences of Interest and Pleasure. In: *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. (6). Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2015.01877/full> (accessed: 10.12.2020).
9. Graf L. K. M., Landwehr J. R. A dual-process perspective on fluency-based aesthetics: The pleasure-interest model of aesthetic liking. In: *Personality and Social Psychology Review*, 2015, vol. 4 (19), pp. 395–410.
10. Harrison N. R., Clark D. P. A. The observing facet of trait mindfulness predicts frequency of aesthetic experiences evoked by the arts. In: *Mindfulness*, 2016, vol. 4 (7), pp. 971–978.
11. Johnson J. A. Clarification of factor five with the help of the AB5C model. In: *European Journal of Personality*, 1994, vol. 4 (8), pp. 311–334.
12. Leder H. et al. A model of aesthetic appreciation and aesthetic judgments. In: *British journal of psychology*, 2004, vol. 4 (95), pp. 489–508.
13. Marković S. Components of aesthetic experience: aesthetic fascination, aesthetic appraisal, and aesthetic emotion. In: *i-Perception*, 2012, vol. 1 (3), pp. 1–17.
14. Mastandrea S. et al. Visits to figurative art museums may lower blood pressure and stress. In: *Arts & health*, 2019, vol. 2 (11), pp. 123–132.

15. McCrae R. R., Costa P. T. Understanding persons: From Stern's personalistics to Five-Factor Theory. In: *Personality and Individual Differences*, 2020, vol. 169. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0191886920300064> (accessed: 01.12.2020).
16. Menninghaus W. et al. What are aesthetic emotions? In: *Psychological review*, 2019, vol. 2 (126), pp. 171–195.
17. Pugach C., Leder H., Graham D. J. How stable are human aesthetic preferences across the lifespan? In: *Frontiers in human neuroscience*, 2017, vol. 11. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2017.00289/full> (accessed: 25.11.2020).
18. Scherer K. R. What are emotions? And how can they be measured? In: *Social science information*, 2005, vol. 4 (44), pp. 695–729.
19. Scherer K. R., Zentner M. R. *Emotional effects of music: Production rules*. Oxford, 2001. 972 p.
20. Schindler I. et al. Measuring aesthetic emotions: A review of the literature and a new assessment tool. In: *PLoS ONE*, 2017, vol. 6 (12). Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0178899> (accessed: 15.12.2020).
21. Schoeller F., Perlovsky L. Aesthetic chills: knowledge-acquisition, meaning-making, and aesthetic emotions. In: *Frontiers in psychology*, 2016, vol. 7. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01093/full> (accessed: 10.11.2020).
22. Silvia P. J. Cognitive Appraisals and Interest in Visual Art: Exploring an Appraisal Theory of Aesthetic Emotions. In: *Empirical Studies of the Arts*, 2005, vol. 2 (23), pp. 119–133.
23. Silvia P. J., Nusbaum E. C. On personality and piloerection: Individual differences in aesthetic chills and other unusual aesthetic experiences. In: *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2011, vol. 3 (5), p. 208–214.
24. Specker E., Tinio P. P. L., Elk M. van Do you see what I see? An investigation of the aesthetic experience in the laboratory and museum. In: *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2017, vol. 3 (11), pp. 265–275.
25. Tinio P. P. L., Smith J. K. *The Cambridge handbook of the psychology of aesthetics and the arts* / P. P. L. Tinio J. K. Smith, Cambridge, 2014, 620 p.
26. Wanzer D. L. et al. Experiencing flow while viewing art: Development of the Aesthetic Experience Questionnaire. In: *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2020, vol. 1 (14), pp. 113–124.
27. Yaden D. B. et al. The development of the Awe Experience Scale (AWE-S): A multifactorial measure for a complex emotion. In: *The journal of positive psychology*, 2019, vol. 4 (14), pp. 474–488.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шестова Мария Александровна – аспирант кафедры общей психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: shestovamariya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Shestova – Post-graduate student of the Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: shestovamariya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шестова М. А. Экспериментальная эстетика и эстетические эмоции: обзор западных трендов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 47–54.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-47-54

FOR CITATION

Shestova M. A. Experimental aesthetics and aesthetic emotions: review of the trends in the West. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 47–54.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-47-54

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-55-62

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛИДЕРСТВА

Бажданова Ю. В.¹, Овсяник О. А.²

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
117997, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация

Цель. Выявить особенности восприятия лидерства.

Процедура и методы. В статье рассмотрен конкретный пример выявления имплицитной информации в восприятии лидера. При проведении исследования применены методы наблюдения, тестирования, обобщения, статистический анализ и интерпретация результатов.

Результаты. В ходе работы было выявлено наличие взаимосвязи между качествами личности испытуемого и в структуре образа лидера.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию и практику при работе с лидерским потенциалом.

Ключевые слова: лидер, лидерство, феномен, образ, черты, качества, ценности, студенты, исследования, организация

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF LEADERSHIP PERCEPTION

Yu. Bazhdanova¹, O. Ovsyanik²

¹ Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny per., Moscow, 117997, Russian Federation

² Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, Moscow region 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the features of leadership perception.

Methodology. The article considers a specific example of identifying implicit information in perceiving a leader. The research uses methods of observation, testing, generalization, statistical analysis and interpretation of results.

Results. In the course of the work, it was revealed that there is a relationship between the qualities of the subject's personality and the structure of the leader's image.

Research implications. The research results contribute to the theory and practice of working with leadership potential.

Keywords: leader, leadership, phenomenon, image, traits, qualities, values, students, research, organization.

Введение

Понятие лидера и того, каким должен быть человек, чтобы стать лидером, для многих является одним из актуальных вопросов последних нескольких десятилетий. Человека с точки зрения лидерского потенциала изучают в разрезе разных наук: социологии, психологии, философии, политологии и т. д. Очень часто по итогам исследований получают противоречащие и разнонаправленные результаты. Всё это показывает значимость дальнейших исследований в данном направлении.

Исследование лидерства – это достаточно обширная тема. Здесь учитывается очень много переменных: сфера, возраст, развитие, становление и т. д. Обозначим специфику и проблематику нашего исследования.

Статья является продолжением научных изысканий в изучении восприятия образа лидера студенческой молодёжью. Исследования в данном направлении уже освещались в научных работах отечественных учёных [2; 3; 4; 10; 11]. В них рассматривались качества и особенности поведения в образе лидера с точки зрения студентов. По итогам исследования студенты выделили качества и ценности лидера, которые получили максимальное количество высших баллов, а также и те, которые получили максимальное количество минимальных баллов [2]. Причины и особенности присвоения студентами определённых баллов качествам и чертам лидера могут быть обоснованы определёнными факторами. Изложенные ниже результаты являются продолжением исследований в данном направлении.

Постановка проблемы

Исследование лидерства с точки зрения изучения качеств личности человека

интересует и учёных, и бизнесменов уже достаточно давно. В первой половине прошлого столетия к исследованию черт лидера было повышенное внимание. В дальнейшем был интерес и к другим направлениям изучения феномена лидерства, но и сейчас изучение качеств и черт личности лидера остаётся актуальным. Ниже приведём краткий обзор результатов исследований в данном направлении.

Личность, занимающая лидирующую позицию, должна сочетать в себе неординарный набор профессиональных и личностных особенностей. А. Н. Занковский по результатам исследований выявил следующие качества и принципы лидера в организации: эффективность, знания, инициативность, справедливость, честность, активную позицию, лояльность, ответственность, креативность, законность, профессионализм и т. д. [9]. Данный список достаточно подробный, разносторонний и аргументированный. Качества и принципы из данного перечня составили вторую часть опросника, в которой студенты оценивали наличие и значимость в разных образах лидеров.

Нет универсального списка, нет универсального качества. Не все могут успешно пользоваться своими способностями и достоинствами в полной мере. Например, Д. Гоулман, Р. Бояцис и Э. Макки пишут следующее: «...Эти отличительные признаки служат внутренним источником, из которого лидер может черпать свои возможности. Например, Херб Келлехер, много лет проработавший генеральным директором, обладал прекрасным чувством юмора. Он сам любил посмеяться и других умел развеселить. Это своё умение он использовал в более широком масштабе, добившись новых результатов: чувство юмора стало достоинством всей организации, которое

позволило ей выделиться на фоне конкурентов» [7, с. 150–151]. Чувство юмора встречается достаточно часто в исследованиях разных авторов.

Д. Гоулман и коллеги выделили следующий перечень лидерских качеств и способностей: точная самооценка, уверенность в себе, открытость, адаптивность, инициативность, оптимизм, сопереживание, содействие изменениям, командная работа и т. д. [7]. Каждую способность они раскрывают и описывают. Описывают, какими преимуществами будет обладать лидер, если у него эти способности и качества развиты в достаточном объёме.

Марвин Бауэр представляет своё видение лидерства в современном мире. Изучая феномен лидерства, он выбрал наиболее важные, с его точки зрения, качества и черты лидера. Среди них он приводит следующие: способность вызывать доверие (честность в действии), справедливость, скромность, умение слушать, восприимчивость к новому, способность чувствовать людей, умение чувствовать ситуации, инициативность, здравый смысл, широту взглядов, гибкость, адаптивность, способность принимать качественные и своевременные решения, способность мотивировать, оперативность [5]. Автор считает, что, только обладая этими чертами и качествами, человек может стать эффективным лидером.

Интересную точку зрения о качествах хорошего лидера представляет нам И. К. Адизес. Среди значимых качеств он называет следующие: способен действовать осознанно, знает свои сильные и слабые стороны и свою уникальность, способен оценить сильные и слабые стороны других людей, признаёт и ценит отличительные особенности других людей, умеет сбавить темп и расслабиться в сложной ситуации и т. д. [1].

На современном этапе говорят о кризисе в восприятии лидерства в традиционном поведенческом контексте и ставят во главу личностные характеристики лидера, прежде всего, его нравственно-

ценностные характеристики, культурно-ценностное измерение, определяющее этическую направленность его поведения и мотивационно-ценностные параметры [8].

Для построения личностной и поведенческой модели лидерства учитывается большое количество факторов: гендерный аспект [6], социальный и культурный аспект [12; 13], лидерские роли, стереотипы [15], формален или неформален лидер, конкретная среда [14] и т. д.

Для определения особенностей восприятия лидерства современной студенческой молодёжью нами было проведено эмпирическое исследование.

Программа исследования

Цель исследования: выявить психологические особенности восприятия образа лидера. Эти особенности можно изучить, определив наличие взаимосвязи между качествами, которые максимально выражены в образах лидера, и теми качествами, которыми обладают сами студенты.

Гипотезой нашего исследования стало предположение, что существует взаимосвязь между качествами в образах лидеров и у студентов.

Методы исследования составили: заочный опрос респондентов, анкетирование, тестирование, сравнительный анализ данных, статистическая обработка данных (корреляционный и дисперсионный анализ), анализ результатов исследования.

Для исследования были взяты следующие методики: методика на диагностику «Типа личности Дж. Холланда», «Социальная смелость» (фрагмент методики многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (фактор Н)), результаты исследования по авторскому опроснику [2; 3; 4].

Выборка составила 362 респондента. Из них 202 девушки и 160 мужчин. В выборку вошли студенты нескольких столичных вузов разных направлений с первого по четвёртый курс.

Гипотеза исследования возникла на основе того, что люди склонны видеть в других людях то, что есть у них или значимо и интересно для них. Студенты работали с двумя образами лидера: реальным, который является лидером в данный момент, и идеальным, который они себе представляют. Результаты исследования показали, что есть среди лидерских принципов и качеств те, которые набрали максимальное количество высоких баллов. В реальном образе это те качества, которые, с точки зрения студентов, точно есть у лидера. В идеальном образе это те качества, которые обязательно должны быть у лидера. Далее постараемся выяснить, есть ли взаимосвязь между личностными особенностями испытуемых, которые ставят этим качествам высокие оценки. Данное исследование важно тем, что нас интересуют больше те качества, которые либо у нас есть, либо они нам важны по каким-либо причинам, либо, наоборот, мы отрицаем их значимость или наличие у нас, либо значимость качества может быть требованием современного общества. Выбор качеств может проходить с разной степенью осознанности, но может быть связан с непосредственными личностными особенностями испытуемого

и его восприятием конкретного социального образа или явления.

Для исследования мы взяли 5 лидерских ценностей и качеств с высокими баллами в образах лидера [2]. Тест на диагностику типа личности был выбран по причине получения описательной характеристики каждого типа. Тест на социальную смелость показывает то, что личность с развитой данной характеристикой обладает активностью в социальных контактах и адекватно воспринимает социальные ситуации.

Результаты исследования и их интерпретация

Анализ результатов образов лидера позволил выявить следующее. В таблице 1 представим результаты корреляционного анализа (коэффициент корреляции Спирмена) качеств и ценностей реального лидера и характеристик студентов. По результатам выявлено, что определённые корреляционные взаимосвязи значимы при $p \leq 0,01$.

По результатам анализа полученных данных мы видим, что три типа личности и социальная смелость не коррелируют ни с одним из качеств. Это такие типы, как интеллектуальный, конвенциональный и ар-

Таблица 1 / Table 1

Взаимосвязь личностных характеристик студентов с качествами лидера в реальном образе / Correlation of students' personal characteristics with the qualities of a leader in a real image

Качества	Реалистический тип	Интеллектуальный тип	Социальный тип	Конвенциональный тип	Предпринимательский тип	Артистический тип	Социальная смелость
успех	-0,00245	0,05978	0,31400*	-0,00327	-0,27473*	0,02584	0,09351
ответственность	0,00864	-0,04068	0,04682	0,02735	-0,27774*	0,01060	0,03059
лидерство	-0,35753*	0,08403	-0,01527	0,03513	0,03513	-0,05272	0,02994
репутация	-0,04769	0,04768	0,33616*	0,02179	-0,03573	-0,01395	-0,02829
профессионализм	-0,00803	0,03536	0,02221	-0,02643	-0,30683*	0,00980	0,09094

тистический. Можем предположить следующие причины отсутствия взаимосвязи. Например, у артистического типа наиболее ярко проявляются эмоциональная сторона, независимость суждений и сложный взгляд на жизнь – это, как правило, творческие люди, которые могут отрицать устоявшиеся стандарты общества, поэтому с приведёнными качествами отсутствует взаимосвязь. Интеллектуальный тип обладает такими характеристиками, как аналитичность, рациональность, независимость и оригинальность, что может служить объяснением восприятия данных качеств под другим углом, нежели общественное мнение.

При анализе полученных данных по реальному образу лидера у трёх типов выявлена взаимосвязь с качествами: реалистический тип – с лидерством ($r = -0,35753$, при $p \leq 0,01$), социальный тип – с успехом ($r = 0,314$, при $p \leq 0,01$) и репутацией ($r = 0,33616$, при $p \leq 0,01$), пред-

принимательский тип – с успехом ($r = -0,27473$, при $p \leq 0,01$), ответственностью ($r = -0,27774$, при $p \leq 0,01$), профессионализмом ($r = -0,30683$, при $p \leq 0,01$). Люди данных типов более ориентированы на общество, эмоционально стабильны, ориентированы на настоящее, поэтому наблюдается взаимосвязь с ценными качествами для общества. У реалистического и предпринимательского типов взаимосвязь носит обратный характер, что говорит о том, что, чем более ярко представлены черты данных типов личностей, тем ниже балл присваивался данным качествам, т. е. люди данных типов считают, что такие качества, как лидерство, успех, ответственность и профессионализм, в незначительной степени проявляются у реальных лидеров.

В таблице 2 представим результаты корреляционного анализа качеств и ценностей идеального лидера и характеристик студентов.

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь личностных характеристик студентов с качествами лидера в идеальном образе / Correlation of students' personal characteristics with the qualities of a leader in an ideal image

Качества	Реалистический тип	Интеллектуальный тип	Социальный тип	Конвенциональный тип	Предпринимательский тип	Артистический тип	Социальная смелость
эффективность	0,01062	0,25657*	0,03099	-0,03101	-0,07362	-0,00667	0,02762
качество	0,03505	0,02745	0,01519	0,00944	-0,07651	-0,03008	0,03217
надёжность	0,01726	0,08503	0,02627	0,04533	-0,37088*	-0,01935	0,02314
ответственность	0,36013*	0,05762	0,33216*	0,03179	-0,28371*	-0,00919	0,06454
профессионализм	0,38914*	0,03626	0,01223	-0,01646	-0,41043*	-0,29025*	0,01945

По данным таблицы 2 мы видим, что конвенциональный тип и социальная смелость не коррелируют ни с одним из качеств. У трёх типов наблюдается прямая взаимосвязь, у двух – обратная. Разберём каждый тип. Реалистический тип считает, что для идеального лидера

важны такие качества, как ответственность ($r = 0,36013$, при $p \leq 0,01$) и профессионализм ($r = 0,38914$, при $p \leq 0,01$). Интеллектуальный тип считает важным качеством эффективность ($r = 0,25657$, при $p \leq 0,01$). Социальный тип – ответственность ($r = 0,33216$, при $p \leq 0,01$). У

предпринимательского типа наблюдается обратная взаимосвязь с такими качествами, как надёжность ($r = -0,37088$, при $p \leq 0,01$), ответственность ($r = -0,28371$, при $p \leq 0,01$) и профессионализм ($r = -0,41043$, при $p \leq 0,01$), что говорит о незначимости, с их точки зрения, этих качеств для идеального лидера. Это может быть обосновано приключенческой направленностью личности данного типа. У артистического типа наблюдается обратная взаимосвязь с таким качеством, как профессионализм ($r = -0,29025$, при $p \leq 0,01$), что может объясняться их некоторой несоциальностью или отрицанием общественных требований к данному понятию.

Выводы

На основе теоретического анализа научной проблемы по исследованию качеств и черт лидера можно сделать следующие выводы: данный вопрос остаётся актуальным уже не одно десятилетие, качества и черты лидера в разных исследованиях совпадают частично, количество значимых качеств для лидера у разных учёных неодинаково, значимость качеств зависит от задач, сферы деятельности и социального слоя лидера.

По результатам эмпирического исследования можем сделать следующее заключение: при обработке данных по качествам и ценностям реального и идеального лидера и личностным особен-

ностям студентов выявлено наличие взаимосвязи. В образе реального лидера выявлена взаимосвязь реалистического типа с лидерством, социальный тип с успехом и репутацией, предпринимательский тип с успехом, ответственностью и профессионализмом. В образе идеального лидера выявлена взаимосвязь реалистического типа с ответственностью и профессионализмом, интеллектуальный тип с эффективностью, социального типа с ответственностью, предпринимательского типа с надёжностью, ответственностью и профессионализмом, артистического типа с профессионализмом.

По данным исследования мы можем наблюдать, что в идеальном образе лидера наблюдается большее количество корреляционных взаимосвязей с личностными характеристиками студентов, чем в реальном образе.

Проведённый анализ взаимосвязи качеств в образах лидера и личностных особенностей студентов позволяет сделать вывод, что поставленная цель достигнута. Полученные данные могут быть использованы в организациях при работе с развитием лидерского потенциала персонала. Результаты работы могут применяться в учебном процессе, так как позволяют лучше понять восприятие студентами содержательной стороны такого феномена, как лидерство.

Статья поступила в редакцию 19.10.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Адизес И. Идеальный руководитель: почему им нельзя стать и что из этого следует / пер. с англ. Т. Гутман. 11-е изд. М., 2018. 264 с.
2. Бажданова Ю. В. Исследование особенностей восприятия лидера в студенческой среде // Научное мнение. 2018. № 11. С. 117–124.
3. Бажданова Ю. В. Особенности формирования образа лидера в профессиональной деятельности в представлении студентов // Молодой учёный. 2017. № 13 (147). С. 193–200.
4. Бажданова Ю. В. Социально-психологические особенности восприятия образа лидера учащейся молодежью // Психолог. 2018. № 4. С. 8–18.
5. Бауэр М. Курс на лидерство: Альтернатива иерархической системе управления компанией / пер. с англ. 5-е изд. М., 2018. 198 с.
6. Бендас Т. В. Гендерный аспект психологии лидерства в конкретных эмпирических исследованиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2017. № 12–2 (74–75). С. 27–31.
7. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управлять людьми на основе эмоционального интеллекта / пер. с англ. А. Лисицына. 10-е изд. М., 2017. 301 с.

8. Занковский А. Н. Организационное лидерство // Разработка понятий в современной психологии: сборник статей / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М., 2019. С. 615–645.
9. Занковский А. Н. Психология организационного лидерства: в поисках корпоративной синергии. М., 2015. 360 с.
10. Исследование профессиональных иллюзий в отношении образа реального и идеального лидера у студентов / Л. В. Шукшина, И. А. Корецкая, Ю. В. Бажданова, В. А. Ермаков // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 11–2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27517973> (дата обращения: 01.02.2021).
11. Проявление агрессивного поведения в процессе социально-психологической адаптации личности / О. А. Овсяник, Л. Э. Зотова, Т. И. Шульга, Н. В. Сидячева // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23094557> (дата обращения: 01.02.2021).
12. Aksenovskaya L., Zankovsky A. Corporate culture as the vector of the organizational development // XVI European congress of psychology. 2019. P. 1911a.
13. Lupano P. M. L., Castro S. A. Intergroup anxiety, cultural sensitivity and socio-cultural diverse leaders' effectiveness // International Journal of Psychological Research. 2015. Vol. 8. № 1. P. 36–45.
14. Rettikh A. A., Lyutaeva P. S. Characteristics of formal and informal leadership in the student group // Urgent problems of modern society. Language, culture, and technology in the changing world: сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции молодых учёных / под ред. И. А. Казачихиной. Новосибирск, 2020. С. 302–308.
15. Thoroughgood C. N., Sawyer K. B., Hunter S. T. Real men don't make mistakes: investigating the effects of leader gender, error type, and the occupational context on leader error perceptions // Journal of Business and Psychology. 2013. Vol. 28. P. 31–48.

REFERENCES

1. Adizes I. The ideal leader: why you can't become one and what results from it (Russ. ed.: Gutman T., trans. *Ideal'nyi rukovoditel': pochemu im nel'zya stat' i chto iz etogo sleduet*. Moscow, 2018. 264 p.).
2. Bazhdanova Yu. V. [Study of the characteristics of the leader]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 2018, no. 11, pp. 117–124.
3. Bazhdanova Yu. V. [Features of the formation of the image of a leader in professional activity as seen by students]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2017, no. 13 (147), pp. 193–200.
4. Bazhdanova Yu. V. [Socio-psychological characteristics of the perception of the image of a leader by student youth]. In: *Psikholog* [Psychologist], 2018, no. 4, pp. 8–18.
5. Bauer M. *Kurs na liderstvo: Alternativa ierarkhicheskoi sisteme upravleniya kompaniei* [Heading on to leadership: An alternative to the hierarchical company management system]. Moscow, 2018. 198 p.
6. Bendas T. V. [The gender aspect of leadership psychology in specific empirical research]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: topical problems of theory and practice. Series: Cognition], 2017, no. 12–2 (74–75), pp. 27–31.
7. Goulman D., Boyatsis R., McKee E. Emotional Leadership: The Art of Managing People Based on Emotional Intelligence (Russ. ed.: Lisitsyna A., transl. *Emotsional'noe liderstvo: Iskustvo upravlyat' lyud'mi na osnove emotsional'nogo intellekta*. Moscow, 2017. 301 p.).
8. Zankovsky A. N. [Organizational leadership]. In: Zhuravlev A. L., Sergienko E. A., Vilenskaya G. A., eds. *Razrabotka ponyatii v sovremennoi psikhologii* [Development of concepts in modern psychology]. Moscow, 2019, pp. 615–645.
9. Zankovsky A. N. *Psikhologiya organizatsionnogo liderstva: v poiskakh korporativnoi sinergii* [The Psychology of Organizational Leadership: In Search of Corporate Synergy]. Moscow, 2015. 360 p.
10. Shukshina L. V., Koretskaya I. A., Bazhdanova Yu. V., Ermakov V. A. [Study of professional illusions in relation to the image of a real and ideal leader among students]. In: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern research of social problems (electronic scientific journal)], 2016, no. 11–2, pp. 197–206. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27517973> (accessed: 01.02.2021).
11. Ovsyanik O. A., Zotova L. E., Shulga T. I., Sidiacheva N. V. [Manifestation of aggressive behavior in the process of social and psychological adaptation of the personality]. In: *Sovremennye issledovaniya*

- sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern research of social problems (electronic scientific journal)], 2015, no. 1, pp. 36–47. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23094557> (accessed: 01.02.2021).
12. Aksenovskaya L., Zankovsky A. Corporate culture as the vector of the organizational development. In: *XVI European congress of psychology*. 2019, p. 1911a.
 13. Lupano P. M. L., Castro S. A. Intergroup anxiety, cultural sensitivity and socio-cultural diverse leaders' effectiveness. In: *International Journal of Psychological Research*, 2015, vol. 8, no. 1, pp. 36–45.
 14. Rettikh A. A., Lyutaeva P. S. [Characteristics of formal and informal leadership in the student group]. In: Kazachikhina I. A., ed. *Urgent problems of modern society. Language, culture, and technology in the changing world: sbornik materialov XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh* [Urgent problems of modern society. Language, culture, and technology in the changing world: Collection of materials of the XVII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. Novosibirsk, 2020, pp. 302–308.
 15. Thoroughgood C. N., Sawyer K. B., Hunter S. T. Real men don't make mistakes: investigating the effects of leader gender, error type, and the occupational context on leader error perceptions. In: *Journal of Business and Psychology*, 2013, vol. 28, pp. 31–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бажданова Юлия Викторовна – старший преподаватель кафедры психологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;
e-mail: asa2006@yandex.ru

Овсяник Ольга Александровна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ovsiyanik@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuliya V. Bazhdanova – Senior lecturer, the Department of Psychology, Plekhanov Russian University of Economics,
e-mail: asa2006@yandex.ru

Olga A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Professor of the Department of Social psychology. Moscow Region State University,
e-mail: ovsiyanik@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бажданова Ю. В., Овсяник О. А. Психологические особенности восприятия лидерства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 55–62.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-55-62

FOR CITATION

Bazhdanova Y. V., Ovsyanik O. A. Psychological peculiarities of leadership perception. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 55–62.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-55-62

УДК 15.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-63-73

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Гребенников Ю. Л.¹, Орлова Е. А.^{1,2}

¹ Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Цель исследования состояла в изучении характера взаимосвязи эмоционального интеллекта и преодолевающего поведения медицинских работников.

Процедура и методы. В исследовании применялись: опросник ЭИИ Д. В. Люсина для измерения эмоционального интеллекта (ЭИ); опросник «Способы совладающего поведения»; тест диагностики копинг-поведения в стрессовых ситуациях CISS; тест жизнестойкости С. Мадди.

Результаты. Полученные данные показали, что у врачей с высоким общим эмоциональным интеллектом более выражены копинг-стратегии самоконтроля и принятия ответственности, следовательно, будут более высокие показатели уровня жизнестойкости, а у врачей с низким общим эмоциональным интеллектом выражены копинг-стратегии дистанцирования, поиска социальной поддержки, бегства-избегания и низкие показатели жизнестойкости.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть положены в основу разработки рекомендаций по оптимизации стратегий преодолевающего поведения у медицинских работников.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, совладающее поведение, копинг, жизнестойкость, личность, профессиональная деятельность

RELATIONSHIP BETWEEN MEDICAL PROFESSIONALS' EMOTIONAL INTELLIGENCE AND COPING BEHAVIOR

Yu. Grebennikov¹, E. Orlova^{1,2}

¹ Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, Moscow region 141014, Russian Federation

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82-1, Vernadsky pr., Moscow 119571, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the nature of relationship between emotional intelligence and overcoming behavior of medical professionals.

Methodology. The EmIn questionnaire by D.V. Lucin was used in the research to measure the emotional intelligence (EI), as well as the "Methods of Coping Behaviour" questionnaire, the CISS test for stress coping-behaviour diagnostics and the viability test by S. Maddy.

Results. The research results showed that doctors with rather high emotional general intelligence

have more distinctly marked coping-strategies of self-control and accepting responsibility. Thus, they will have higher level of viability. And doctors with rather low emotional general intelligence have distinctly marked coping-strategies of distancing, search of social support and escapism. Their viability level is low.

Research implications. The research results can be used as the basis for developing recommendations on making medical workers' coping-strategies more optimal.

Keywords: emotional intelligence, coping behavior, coping, viability, personality, professional activities

Введение

В отечественных и зарубежных исследованиях эмоциональный интеллект изучается в связи с развитием личностного потенциала, особенностями эмоциональной саморегуляции и решением жизненных задач аффективного типа. Общепризнанной считается позиция, согласно которой люди с высоким эмоциональным интеллектом имеют больше шансов стать успешными в жизни [9], при этом критерии, факторы, технологии развития эмоционального интеллекта требуют подробного изучения, как и особенности его влияния на разные возрастные и профессиональные группы людей в разных видах осуществляемой ими деятельности [13; 14; 15].

Эмоциональный интеллект является одним из значимых жизненных ресурсов саморегуляции и «предиктором субъективного экономического благополучия, уровня саморегуляции поведения и выраженности стратегий совладания в проблемных ситуациях» [7, с. 25]. Эмоциональный интеллект работников разных сфер деятельности связан с преодолевающим поведением, в качестве психологических единиц изучения которого выделяются механизмы психологической защиты, копинг-стратегии, личностные особенности совладающего поведения, различные факторы и условия рабочей ситуации [5; 6; 8]. Эмоциональный интеллект, особенности эмоциональной саморегуляции в стрессовых ситуациях, позитивное самоотношение, выбор конструктивных копинг-стратегий изучаются в логике исследования профессиональной деятельности и развития

профессионального здоровья медицинских работников.

Профессиональная деятельность врачей и медперсонала связана с процессами, средствами, условиями и процедурами излечения человека, поэтому содержание врачебной практики наравне с её структурой влияет на изменение состояния больного, систему его отношений с родственниками, самого врача и ситуацию их контакта. В современных психологических исследованиях профессиональной деятельности врачей и медперсонала изучены объективные и субъективные факторы развития преодолевающего поведения, делается акцент на изучении его личностных особенностей у врачей и медперсонала [1; 2; 4].

Тем не менее изучение взаимосвязи способов преодолевающего поведения и индивидуально-психологических характеристик субъектов труда продолжает оставаться весьма актуальным [3; 10; 11].

Процедура исследования

Целью исследования было изучение характера взаимосвязи эмоционального интеллекта и преодолевающего поведения медицинских работников.

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что существует взаимосвязь эмоционального интеллекта и преодолевающего поведения медицинских работников: у врачей с высоким общим эмоциональным интеллектом будут более выражены копинг-стратегии самоконтроля и принятия ответственности и будут более высокие показатели уровня жизнестойкости, а у врачей с низким общим эмоциональным интеллектом будут

выражены копинг-стратегии дистанцирования, поиска социальной поддержки, бегства-избегания и низкие показатели жизнестойкости.

Теоретико-методологическую базу исследования составили современные теоретические подходы к изучению эмоционального интеллекта и преодолевающего поведения, сформулированные в работах Я. Плампера, Л. Анолли, Д. Винникотта, Р. Лазаруса, С. Фолкмана, С. Мадди, Д. В. Люсина, Н. Н. Улановой, Т. Л. Крюковой, Е. И. Рассказовой, Д. А. Леонтьева и др.

Методики исследования:

1. Опросник ЭМИн Д. В. Люсина для измерения эмоционального интеллекта (ЭИ).

2. Опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой).

3. Тест диагностики копинг-поведения в стрессовых ситуациях CISS (С. Норман, Д. Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс, М. И. Паркер; адаптированный вариант Т. А. Крюковой).

4. Тест жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой).

Для выявления статистически достоверных различий между психологическими показателями использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Эмпирическое исследование было организовано и проведено на базе ГБУЗ МО «Балашихинская областная больница» (Россия, Московская область, г. Балашиха); выборка состояла из 61-го медицинского сотрудника (30 женщин и 31 мужчина) в возрасте от 28 до 54 лет следующих профилей работы: врач-терапевт, врач-физиотерапевт, врач-отоларинголог, врач-гематолог, врач-невролог, врач-хирург, врач-эпидемиолог, врач-онколог, детский эндокринолог, массажист, медицинская сестра, старшая медицинская сестра, фельдшер-лаборант, инструктор по лечебной физкультуре.

Результаты исследования

Результаты изучения эмоционального интеллекта медицинских работников по опроснику ЭМИн Д. В. Люсина показали, что 75% врачей имеют очень низкий, а 15% – низкий уровни общего эмоционального интеллекта, что характеризуется низким развитием у них способностей к пониманию и управлению своими и чужими эмоциями, а значит, возникновением существенных трудностей при решении сложных жизненных задач, предполагающих не только рефлексивное, но и активное эмоциональное участие личности. Это означает реальную невозможность владеть собой и адекватно реагировать в стрессовых ситуациях, меняя своё поведение в зависимости от складывающихся обстоятельств, поэтому в ситуациях повышенной сложности у них выражена склонность к эмоциональному выгоранию. Заметим, что у 10% врачей выявлен средний уровень общего эмоционального интеллекта, означающий эффективность его ситуационного применения в решении личностно значимых жизненных и профессиональных задач, связанных с собственными и чужими переживаниями.

Согласно полученным данным, очень низким уровнем межличностного эмоционального интеллекта обладают 87,5% испытуемых, низкий уровень его развития найден у 7,5% испытуемых, что свидетельствует о неспособности управлять чужими эмоциями на практике и достаточно хорошо понимать их для этого. Средний уровень межличностного интеллекта констатирован у 2,5% медицинских сотрудников, у которых способности к пониманию и управлению чужими эмоциями рассогласованы и проявляются ситуативно. Высоким уровнем межличностного интеллекта обладают 2,5% испытуемых, способных к эффективно-му пониманию и успешному управлению эмоциями других людей в зависимости от сложности обстоятельств ситуации.

У 40% врачей очень низкий уровень внутриличностного эмоционального ин-

теллекта, что связано с неспособностью к пониманию и управлению собственными эмоциями. У 15% врачей низкий уровень развития внутриличностного интеллекта, что также означает слабое развитие способности к пониманию и управлению собственными эмоциями. Средний уровень внутриличностного эмоционального интеллекта выявлен у 32,5% медицинских работников. Это выражается в отсутствии согласованности способностей к пониманию и управлению своими эмоциями и ситуативности их проявления. Высокий уровень внутриличностного эмоционального интеллекта установлен у 5% испытуемых, которые характеризуются согласованностью понимания и управления собственными переживаниями при их зависимости от внешних обстоятельств. Очень высокий уровень внутриличностного эмоционального интеллекта найден у 7,5% медицинских сотрудников, что свидетельствует о них как о способных к эффективному и согласованному пониманию и управлению своими эмоциями вне зависимости от ситуации.

Заметим, что 90% медицинских работников имеют очень низкий уровень понимания собственных эмоций и эмоций других людей. Это означает реальную неспособность к пониманию эмоциональных состояний других людей и осознанию собственных, их интуитивному схватыванию и распознаванию, анализу своих и чужих эмоций по их внешним проявлениям, вербализации чувств. Оставшиеся 10% испытуемых имеют низкий уровень понимания своих и чужих эмоций, что говорит о низком развитии способностей к распознаванию и идентификации эмоций, выявлению их причин и последствий.

Подчеркнём, что 32,5% врачей имеют очень низкий уровень способности к управлению своими и чужими эмоциями, характеризующийся трудностями в эмоциональной саморегуляции и самоконтроле, отсутствии потребности в них.

Так, у 20% медицинских работников низкий уровень управления своими и чужими эмоциями, указывающий на низкую потребность в саморегуляции и самоконтроле, проблемы с вызыванием и сдерживанием эмоций разной модальности. С этим связан риск манипулятивного воздействия на пациентов, быстрого эмоционального выгорания в условиях усложнения обстоятельств профессиональной деятельности и роста стрессогенных факторов, а значит, риск врачебной ошибки. Только 32,5% испытуемых имеют средний уровень эмоционального управления, связанный с ситуативным проявлением описанных способностей. Высокий уровень развития способности к управлению своими и чужими эмоциями найден у 10% врачей, которые могут продуктивно вызывать и поддерживать желательные эмоции и сдерживать нежелательные в себе и других. У 5% медицинских работников выявлен очень высокий уровень управления своими и чужими эмоциями, характеризующийся их эффективным вызыванием, поддержанием и сдерживанием вне зависимости от ситуации, что означает качественное развитие эмоциональной саморегуляции, снижающее указанные риски.

Изучение копинг-стратегий медицинских работников по опроснику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман (в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой) показало, что среднее значение показателя стратегии поиска социальной поддержки (50,83) означает деятельностную, информационную и эмоциональную ориентацию врачей в сложных ситуациях на взаимодействие с другими людьми, близкими, коллегами и пациентами, ожидание от них внимания, помощи, сопереживания, поддержки. Среднее значение показателя стратегии конфронтационного копинга в выборке (48,19) соответствует целенаправленной активности врача, связанной с конкретными меняющимися ситуацией действиями или действиями,

направленными на выражение негативных переживаний по поводу возникших жизненных затруднений. Среднее значение показателя стратегии дистанцирования в выборке (48,33) осуществляется как снижение субъективной значимости проблем и сложных обстоятельств, а также степени эмоционального включения в них личности врача. Таким образом достигается невовлечённость врачей в сложную ситуацию даже при реальном участии в ней медицинских работников и задействовании всех внешних условий, факторов и обстоятельств.

Среднее значение показателя стратегии планирования решения проблемы в выборке (44,02) свидетельствует о периодических попытках испытуемых целенаправленно анализировать сложную ситуацию и варианты её эффективного изменения, преодоления, выработки плана разрешения проблемы, рассмотрения всех условий и ресурсов. Среднее значение показателя стратегии самоконтроля в выборке (45,83) выражается в ситуационном подавлении врачами своих негативных переживаний, активном сдерживании эмоций, снижении их воздействия на самооценку, саморегуляцию и выбор варианта решения проблемы. Это представляется связанным с ежедневной медицинской практикой обращения с пациентами и биоэтикой взаимодействия с ними. Среднее значение показателя стратегии принятия ответственности в выборке (45,69) связано с признанием собственного личностного участия врача в напряжённой ситуации, внутреннем установлении реальной зависимости между своими действиями и их последствиями, основанном на анализе своего поведения и действительных обстоятельств ситуации, принятии на себя и выражении профессиональной и личной ответственности в ряде случаев.

Среднее значение показателя стратегии бегства-избегания в выборке (46,25) характеризуется ситуационным отрицанием реальных событий и влияний, фан-

тазированием и отвлечением от проблем, позволяющим врачу временно не замечать происходящего в его взаимоотношениях с пациентом, в процессе лечения, ходе болезни и т. п. Среднее значение показателя стратегии положительной переоценки в выборке (47,49) свидетельствует о ситуационном поиске и отборе медицинскими работниками способов выхода за рамки трудностей происходящего с ними и их пациентами, выборе философского понимания ситуации в целом, её положительном переосмыслении, смене на этом основании системы оценочных координат врачебно-терапевтического отношения и профессионального воздействия в ходе лечения.

Для изучения стилей совладающего поведения медицинских работников применён тест-опросник диагностики копинг-поведения в стрессовых ситуациях CISS (С. Норман, Д. Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс, М. И. Паркер; адаптированный вариант Т. А. Крюковой), результаты которого показали, что наиболее выраженным стилем совладающего поведения медицинских работников в данной выборке является копинг, ориентированный на избегание, развитие которого зафиксировано на уровне выше среднего. Это означает стилевое деятельностное избегание напряжённых, трудных и эмоционально нагруженных обстоятельств и условий жизни, возникающих в сложной профессиональной или личностной ситуации, развитие которой при личном участии представляется врачам жизненно непереносимым. Эти данные согласуются с показателями двух субшкал, из которых преобладающей является субшкала стиля отвлечения (на 3,025), развитого на среднем уровне, что характеризует периодический уход от реальной ситуации с её сложными обстоятельствами в фантазирование и субъективное снижение значимости эмоционально непереносимой действительности, в некотором смысле замена её собственными представлениями, часто иллюзорными. При этом стиль

социального отвлечения также развит на среднем уровне, и это свидетельствует о периодическом погружении в межличностные и ролевые взаимоотношения с другими людьми, позволяющие на некоторое время отвлекаться от сложных жизненных ситуаций, эмоционально напряжённых профессиональных обстоятельств врачебной работы.

Заметим, что вторым по преобладанию в выборке является стиль эмоционально ориентированного копинга, развитого на среднем уровне. Это означает эмоциональное реагирование на изменение жизненных обстоятельств и повышение сложности ситуации. Таким образом, медицинские работники пытаются пережить ситуацию путём выработки и выражения собственного эмоционально окрашенного отношения к ней, иногда с занятием определённой позиции, которую, однако, им трудно удерживать, что связано с необходимостью постоянно справляться с возрастающим внутренним напряжением.

В выборке обнаружен низкий уровень развития стиля проблемно-ориентированного копинга, что связано с преобладанием у медицинских работников иррационального отношения к стрессовым обстоятельствам и означает неконструктивный подход к профессиональным и жизненным проблемам. Выявлена склонность к неадекватному оцениванию отдельных обстоятельств врачебной практики, чаще связанных с сильными личными переживаниями, что не позволяет сосредоточиться на рациональном решении конкретных задач без эмоций и ожидания внешней помощи и поддержки.

Для изучения жизнестойкости медицинских сотрудников проведена диагностика по тесту жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Е. И. Рассказовой, Д. А. Леонтьева). Выяснилось, что у 42,5% врачей выявлен высокий уровень выраженности общей жизнестойкости, характеризующийся системой убеждений о себе и мире, препятствующих возникновению внутреннего напряжения в слож-

ных ситуациях за счёт развитой готовности действовать вопреки стрессам и внешним угрозам. Средний уровень выраженности общей жизнестойкости имеют 55% врачей, что означает ситуационное применение системы жизнестойких убеждений, возникновение внутреннего напряжения в зависимости от внешних обстоятельств при низкой готовности им противостоять. Наконец, у 2,5% врачей выявлен низкий уровень выраженности общей жизнестойкости, показывающий неготовность данной категории медицинских работников к совладанию с внешними угрозами и стрессогенными факторами, отсутствие системности в жизненных убеждениях, связанных с противостоянием стрессам.

Детально рассматривая данные по отдельным компонентам теста, можно заключить, что в среднем по выборке показатель вовлечённости имеет средний уровень развития (28,1). Это означает, что в зависимости от ситуации и личностной заинтересованности медицинские работники готовы вовлекаться в происходящее в ожидании успеха, удаchi, удовлетворения или нового опыта. Среднее значение показателя контроля в выборке (27,7) свидетельствует о среднем уровне его развития, характеризующемся ситуационной уверенностью в необходимости борьбы с внешними обстоятельствами, наличием внутренних сил для её ведения и надежды на удачный исход, граничащих с неуверенностью в собственных силах и чувством беспомощности. Среднее значение показателя принятия риска в выборке (21,6) относится к среднему уровню его развития. Это значит ситуационное доверие опыту и знаниям в зависимости от их модальности, убеждённость в практичности собственных действий, граничащей со стремлением к комфорту и безопасности взамен развитию и принятию нового.

Сцелью изучения взаимосвязей эмоционального интеллекта с преодолевающим поведением у медицинских работников

в ходе анализа общего эмоционального интеллекта как интегрального показателя выделено его среднее значение в выборке (58,975), на основании которого врачи данной выборки были разделены на две группы – с высоким (21 человек) и низким (19 человек) уровнями эмоционального интеллекта соответственно. Затем произведён автоматический расчёт статистически значимых различий по U-критерию Манна-Уитни показателей эмоционального интеллекта медицинских работников в группах с высоким и низким уровнями общего эмоционального интеллекта.

В ходе анализа полученных данных обнаружены статистически значимые различия по всем показателям эмоционального интеллекта в рассматриваемых группах ($p \leq 0,01$). С нашей позиции, этот результат объясняется не только функциональным единством эмоционального интеллекта, но и структурными взаи-

мосвязями обозначенных способностей: управление своими и чужими эмоциями предполагает некоторое их понимание. Верно и обратное: понимание своих и чужих эмоций предполагает некоторое практическое действие с ними, что связано с эмоциональной регуляцией и через неё с управлением эмоциями.

Следовательно, при повышении общего эмоционального интеллекта медицинского работника возрастает значение отдельных способностей, структурно связанных с ним, и наоборот.

С целью проведения сравнительного анализа эмоционального интеллекта и особенностей совладающего поведения медицинских работников произведён автоматический расчёт статистически значимых различий по U-критерию Манна-Уитни показателей копинг-стратегий в группах с высоким и низким уровнями общего эмоционального интеллекта (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты расчёта статистически значимых различий по U-критерию Манна-Уитни показателей копинг-стратегий медицинских работников в группах с высоким и низким уровнями общего эмоционального интеллекта / Results of statistically significant differences calculation on the U-criterion of Mann-Whitney indices of medical workers' coping-strategies with high and low level of emotional general intellect

Изучаемые показатели	Средние значения		U-критерий Манна-Уитни
	Группа 1	Группа 2	
1	52,38	43,57	159
2	28,83	69,87	32**
3	65,61	23,98	21,5**
4	32,80	70,75	31**
5	65,87	23,39	20**
6	30,69	63,45	34,5**
7	42,59	45,61	192
8	64,29	28,94	53,5**

Примечания. * $U_{кр} = 138$ ($p \leq 0,05$), различия статистически достоверны; ** $U_{кр} = 113$ ($p \leq 0,01$), различия статистически достоверны. Копинг-стратегии: 1 – конфронтационный копинг; 2 – дистанцирование; 3 – самоконтроль; 4 – поиск социальной поддержки; 5 – принятие ответственности; 6 – бегство-избегание; 7 – планирование решения проблемы; 8 – положительная переоценка.

В ходе анализа данных обнаружено несколько статистически значимых различий. Так, выявлено различие в показателях копинг-стратегии дистанцирования ($p \leq 0,01$): в группе с низким общим эмоциональным интеллектом показатели дистанцирования выше на 41,04 аналогичных показателей представителей группы с высоким общим эмоциональным интеллектом. Это может быть связано с особенностями обращения медицинских сотрудников с собственным эмоциональным напряжением, саморегуляция которого, как было отмечено выше, лучше развита у людей с высоким эмоциональным интеллектом. Данная копинг-стратегия позволяет врачам с низким общим эмоциональным интеллектом субъективно снижать значимость отдельных обстоятельств стрессовой ситуации, что им даёт возможность не обращать внимания на её возрастающую объективную сложность.

Найдено статистически значимое различие в показателях копинг-стратегии самоконтроля ($p \leq 0,01$): данные представителей группы с высоким общим эмоциональным интеллектом преобладают над аналогичными показателями представителей группы с низким общим эмоциональным интеллектом (на 41,63). Это означает, что врачи с высоким эмоциональным интеллектом предпочитают данную стратегию совладающего поведения другим, что может быть связано с развитыми у них способностей к управлению собственными эмоциями: ситуационному подавлению своих негативных переживаний, активному сдерживанию эмоций, снижению их воздействия на самооценку и выбор варианта решения проблемы. Способность к управлению своими эмоциями, как было указано выше, является структурным компонентом эмоционального интеллекта.

Найдено статистически значимое различие в показателях копинг-стратегии поиска социальной поддержки ($p \leq 0,01$). Так, в группе с низким общим эмоциональным интеллектом выявлено зна-

чительное преобладание показателей данной стратегии (на 37,95) над аналогичными показателями представителей второй группы. Из этого следует, что копинг-стратегия поиска социальной поддержки более предпочтительна для представителей медицинских работников с низким эмоциональным интеллектом. Это может быть объяснено стремлением данной категории сотрудников найти внешние опоры в стрессовой ситуации как ресурсы собственного профессионального и личностного участия в ней при нехватке собственных внутренних ресурсов. Данная стратегия позволяет им ориентироваться на общение и взаимодействие с другими людьми, например, с коллегами и экспертами, что повышает уверенность в своих действиях и субъективное оценивание своих решений как правильных, адекватных и эффективных.

Выявлено также статистически значимое различие в показателях копинг-стратегии принятия ответственности ($p \leq 0,01$). Она наиболее проявлена у представителей группы с высоким общим эмоциональным интеллектом (на 42,48). Это может объясняться связью эмоционального интеллекта с личностным потенциалом, самореализация которого предполагает принятие общей сложности сменяющих друг друга жизненных ситуаций и отдельных обстоятельств профессиональной деятельности через осознание собственного ответственного участия в них медицинского работника. Принятие врачом личной ответственности за свою деятельность, являющееся необходимым условием её успешного выполнения, основывается на продуктивной внутренней работе с эмоциональным напряжением, а значит, на высокой эмоциональной саморегуляции врачей, связанной с развитием сравнительно высокого общего эмоционального интеллекта.

В ходе анализа полученных данных зафиксировано статистически значимое различие в показателях копинг-стратегии бегства-избегания ($p \leq 0,01$). У предста-

вителей медицинских работников в группе с низким общим эмоциональным интеллектом эти данные выше на 32,76, что означает предпочтение представителями данной группы стратегии бегства-избегания в сложных и стрессовых ситуациях. Это может быть связано с неготовностью медицинских работников с низким эмоциональным интеллектом к сложным переживаниям в стрессовой ситуации, ситуационным отвлечением от проблем при неспособности понимать и регулировать свои эмоции и чувства. Копинг-стратегия позволяет врачам временно не замечать и отрицать во взаимоотношениях с коллегами и пациентами события и обстоятельства, заменяя их собственными фантазиями [12].

Анализ полученных данных позволил выявить статистически значимое различие в показателях копинг-стратегии положительной переоценки ситуации ($p \leq 0,01$). Она обнаружена с количественным преобладанием на 35,35 у представителей группы с высоким общим эмоциональным интеллектом. Следовательно, медицинские работники с высоким эмоциональным интеллектом предпочитают данную стратегию остальным, что может основываться на высокой внутренней саморегуляции и самоконтроле, высоком развитии способности к пониманию своих эмоций и чувств, необходимых для качественной переоценки и позитивного переосмысления происходящего. Врачи с высоким эмоциональным интеллектом

могут адекватно анализировать обстоятельства и реальные возможности собственного влияния на них, что порождает философское отношение к сложным и быстро изменяющимся жизненным ситуациям.

Заключение

Итак, в ходе анализа полученных психодиагностических данных выявлены психологические особенности эмоционального интеллекта, копинг-стратегий, стилей совладающего поведения и жизнестойкости медицинских работников, с применением сравнительного метода проведена проверка всех выдвинутых в исследовании частных гипотез. Тем самым можно заключить, что подтверждается и общая гипотеза данного исследования: у врачей с высоким общим эмоциональным интеллектом будут более выражены копинг-стратегии самоконтроля и принятия ответственности, и будут более высокие показатели уровня жизнестойкости, а у врачей с низким общим эмоциональным интеллектом будут выражены копинг-стратегии дистанцирования, поиска социальной поддержки, бегства-избегания и низкие показатели жизнестойкости.

На основании полученных данных могут быть разработаны рекомендации по формированию продуктивных стратегий совладающего поведения медицинских работников.

Статья поступила в редакцию 18.11.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н. Г. Взаимосвязь особенностей эмоционального интеллекта и синдрома выгорания у врачей: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2016. 203 с.
2. Вильдгрубе С. А. Синдром эмоционального выгорания медицинских сестер в условиях травматического стресса военного времени // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2017. № 2 (38). С. 68–72.
3. Гребенников Ю. Л. Психологические механизмы обеспечения надежности субъекта деятельности в условиях социальной энтропии современного российского общества // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований: сборник трудов Международной научно-практической конференции «XV Левитовские чтения», 15–16 апреля 2020 г. М., 2020. С. 76–81.
4. Ибрагимов Л. А. К проблеме эмоциональной регуляции среднего медицинского персонала // Вестник Нижневартского государственного университета. 2018. № 2. С. 27–33.

5. Казаков Ю. Н., Чеснокова М. Л. Взаимосвязь личностных характеристик с профессиональным выгоранием работников медицинских учреждений. М., 2019. 78 с.
6. Караулова С. Н. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и жизнестойкости как личностных ресурсов преодоления эмоционального выгорания у инструкторов по фитнесу // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60–2. С. 419–422.
7. Киселева Т. С. Эмоциональный интеллект как жизненный ресурс и его развитие у взрослых: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015. 27 с.
8. Клейберг Ю. А., Орлова Е. А., Орлова Ю. Л. Копинг-стратегии родителей подростков-правонарушителей. Тула, 2014. 182 с.
9. Одинцова М. А. Психология жертвы. Сказкотерапия для взрослых. Самара, 2015. 240 с.
10. Орлова Е. А. Психолого-акмеологические технологии в подготовке профессионала: сущность и специфика // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований: сборник трудов Международной научно-практической конференции «XV Левитовские чтения», 15–16 апреля 2020 г. М., 2020. С. 104–109.
11. Орлова Е. А., Карпова Е. А. Теоретические подходы к проблеме формирования адаптивности личности студентов вуза к рынку труда в условиях неопределенности // Социальная психология труда: между неопределенностью и прозрачностью: монография / под общ. ред. проф. А. В. Булгакова, Е. А. Орловой. М., 2019. С. 146–158.
12. Фишер Р. Эмоциональный интеллект в переговорах. М., 2015. 247 с.
13. Хлевная Е. А. Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности (на примере руководителей): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 28 с.
14. Bar-On R. Emotional Intelligence Inventory (EQ-i): technical Manual. Toronto, Canada, 2016. 122 p.
15. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 2015. V. 9. P. 185–211.

REFERENCES

1. Vasil'eva N. G. *Vzaimosvyaz' osobennostei emotsional'nogo intellekta i sindroma vygoraniya u vrachei: dis. ... kand. psikholog. nauk* [The relationship between the characteristics of emotional intelligence and burnout syndrome in doctors: PhD thesis in Psychological sciences]. St. Petersburg, 2016, 203 p.
2. Vildgrube S. A. [Nursing Burnout Syndrome in Wartime Traumatic Stress]. In: *Zhurnal psikiatrii i meditsinskoj psikhologii* [Journal of Psychiatry and Medical Psychology], 2017, no. 2 (38), pp. 68–72.
3. Grebennikov Yu. L. [Psychological mechanisms of ensuring the reliability of the subject of activity in the conditions of social entropy of modern Russian society]. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psikhologicheskikh, psikhologo-pedagogicheskikh i pedagogicheskikh issledovaniy: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «XV Levitovskie chteniya», 15–16 aprelya 2020 g.* [Actual problems of theory and practice of psychological, psychological-pedagogical and pedagogical research: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “XV Levitov's Readings”, April 15–16, 2020]. Moscow, 2020, pp. 76–81.
4. Ibragimova L. A. [On the problem of nurses' emotional regulation]. In: *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], 2018, no. 2, pp. 27–33.
5. Kazakov Yu. N., Chesnokova M. L. *Vzaimosvyaz' lichnostnykh kharakteristik s professional'nym vygoraniem rabotnikov meditsinskikh uchrezhdenii* [The relationship of personal characteristics with professional burnout of medical institutions workers]. Moscow, 2019. 78 p.
6. Karaulova S. N. [The relationship between emotional intelligence and resilience as personal resources for overcoming burnout in fitness instructors]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2018, no. 60–2, pp. 419–422.
7. Kiseleva T. S. *Emotsional'nyi intellekt kak zhiznennyi resurs i ego razvitie u vzroslykh: avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk* [Emotional intelligence as a life resource and its development in adults: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2015. 27 p.
8. Kleiberg Yu. A., Orlova E. A., Orlova Yu. L. *Koping-strategii roditelei podrostkov-pravonarushitelei* [Coping strategies for parents of juvenile delinquents]. Tula, 2014. 182 p.
9. Odintsova M. A. *Psikhologiya zhertvy. Skazkoterapiya dlya vzroslykh* [Victim psychology. Fairytale therapy for adults]. Samara, 2015. 240 p.

10. Orlova E. A. [Psychological and acmeological technologies in professional training: essence and specificity]. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki psikhologicheskikh, psikhologo-pedagogicheskikh i pedagogicheskikh issledovaniy. Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «XV Levitovskie chteniya» 15-16 aprelya 2020 g.* [Actual problems of theory and practice of psychological, psychological-pedagogical and pedagogical research. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "XV Levitov's Readings" April 15-16, 2020]. Moscow, 2020, pp. 104–109.
11. Orlova E. A., Karpova E. A. [Theoretical approaches to the problem of forming in the university students' personality the adaptability to the labor market in conditions of uncertainty]. In: Bulgakova A. V., Orlova E. A. *Sotsial'naya psikhologiya truda: mezhdru neopredelennost'yu i prozrachnost'yu* [Social psychology of labor: between uncertainty and transparency]. Moscow, 2019, pp. 146–158.
12. Fisher R. *Emotsional'nyi intellekt v peregovorakh* [Emotional intelligence at negotiations]. Moscow, 2015. 247 p.
13. Khlevnaya E. A. *Rol' emotsional'nogo intellekta v effektivnosti deyatel'nosti (na primere rukovoditelei): avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [The role of emotional intelligence in performance (on the example of leaders): abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2012. 28 p.
14. Bar-On R. *Emotional Intelligence Inventory (EQ-i)*. Toronto, Canada, 2016, 122 p.
15. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence. In: *Imagination, Cognition and Personality*, 2015, vol. 9, pp. 185–211.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гребенников Юлия Леонидовна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии развития личности МГОУ;
e-mail: imaruell@gmail.com

Орлова Елена Александровна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии РАНХИГС, профессор кафедры психологии развития личности МГОУ;
e-mail: orlova.elena64@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia L. Grebennikov – Cand. Sci. (Psychology), Senior Lecturer of the Department of Personality Development Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: imaruell@gmail.com

Elena A. Orlova – Dr. Sci. (Psychology), Prof. of the Department of General Psychology, RANEPa, Prof. of the Department of Personality Development Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: orlova.elena64@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гребенников Ю. Л., Орлова Е. А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и совладающего поведения у медицинских работников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 63–73.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-63-73

FOR CITATION

Grebennikov Yu. L., Orlova E. A. Relationship between medical professionals' emotional intelligence and coping behavior. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 63–73.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-63-73

УДК 159.9.316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-74-83

ПОНЯТИЕ «ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ» ЛИЧНОСТИ И ЕГО ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Дробышева Т. В.*Институт психологии Российской академии наук**129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определение понятия «экономико-психологическая зрелость» личности и его операционализация.

Процедура и методы. Посредством сопоставления понятий «зрелость», «социально-психологическая зрелость», «экономическая зрелость» уточняется содержание понятия «экономико-психологическая зрелость». Выделены признаки и критерии данного вида зрелости. Описаны структура, её компоненты, эмпирические показатели.

Результаты. Предложено определение экономико-психологической зрелости как способности и готовности личности к финансовому и материальному самообеспечению и обеспечению близких. Это комплексное, интегративное образование, включающее феномены зрелости в системе отношений с другими людьми, в области самообеспечения и обеспечения своей семьи, а также личностной зрелости.

Теоретическая и/или практическая значимость. Введение понятия «экономико-психологическая зрелость» открывает новое направление исследований проблем экономической социализации личности.

Ключевые слова: экономико-психологическая зрелость, личность, экономическая социализация, операционализация понятия

“ECONOMIC-PSYCHOLOGICAL MATURITY OF THE PERSONALITY” CONCEPT AND ITS OPERATIONALIZATION

T. Drobysheva*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences**13, Yaroslavskaya ul., Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract

Aim. Definition of the concept “economic and psychological maturity of the personality” and its operationalization.

Methodology. Through the comparison of the concepts “maturity”, “social-psychological maturity”, and “economic maturity” the content of the concept “economic-psychological maturity” is specified. The evidence and criteria of this type of maturity, its structure and components, empirical indicators are described.

Results. Economic-psychological maturity is understood as the ability and readiness of an individual to financial and material self-sufficiency and support for the loved ones. It is a complex, integrative formation that includes signs of maturity in the system of relationships with other people in the field of self-sufficiency and support for one's family, as well as personal maturity.

Research implications. The introduction of the concept “economic-psychological maturity” opens a new direction in the study of the problems of economic socialization of the personality.

Keywords: economic-psychological maturity, personality, economic socialization, economic socialization, operationalization of the concept

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа подготовлена в рамках Государственного задания № 0138-2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

ACKNOWLEDGMENT

The study has been executed as part of state assignment No. 0138-2021-0010 «Socio-psychological factors of individual and group behavior and global changes».

Введение

Потребность в разработке нового понятия «экономико-психологическая зрелость» (ЭП зрелость) и его операционализации связана с развитием представлений о процессах экономической социализации (ЭС) в отечественной и зарубежной экономической психологии. Речь идёт о расширении исследовательского интереса в направлении: изучения ЭС как процесса становления и развития субъекта экономических отношений от рождения и до конца жизни [24; 15 и др.]; поиска новых теоретических моделей, концепций, подходов, интегрирующих знание о процессах ЭС на разных стадиях развития личности [5; 10; 14 и др.]; разработки новых феноменов в области вторичной социализации, содержательно наполняющих её предметное поле [12 и др.].

Особую важность проблема введения нового понятия приобрела в связи с развитием компетентного подхода в изучении психологических и педагогических предикторов готовности молодых людей стать субъектами экономической деятельности сразу после завершения профессионального образования. В рамках данного подхода в качестве интегративного феномена исследователи рассматривают экономическую, социально-экономическую, финансовую и другую компетентность молодёжи, консолидирующую знания, навыки и умения в области управления своими финансами,

принятия взвешенных решений в потребительском и инвестиционном поведении, долгосрочного планирования своего бюджета и т. п. [1; 13; 15; 17; 23 и др.]. По нашему мнению, успешность реализации таких ресурсов напрямую зависит от уровня зрелости личности как субъекта экономических отношений, что указывает на *актуальность* разработки данного феномена.

Кроме того, в последние несколько лет специалисты разных областей научного знания (экономисты, педагоги, социологи, психологи) обратили особое внимание на изучение прикладных проблем экономической психологии, в частности финансовой грамотности разных слоёв населения, призванной повысить уровень их компетентности не только в управлении финансами, но и в реальном поведении [22 и др.]. К примеру, изучается влияние финансовой грамотности на долговое поведение людей разного возраста [16; 17 и др.], при этом отмечается, что роль самоконтроля как сдерживающего фактора долгового поведения выше, чем финансовой грамотности [20]. Последнее косвенно указывает на проявление личностных субъектных качеств в долговом поведении. Трактовки финансовой грамотности как проявления в реальных жизненных ситуациях *способности делать обоснованные суждения и принимать эффективные решения* в управлении своими финансами непосредственно указывают

на реализацию полученных знаний зрелой личностью [21].

Резюмируя вышеизложенное, можно предположить, что более зрелая в экономико-психологическом плане личность способна не только осознанно усваивать новое знание в области управления своими финансами, но и направлять его на саморазвитие, преобразование окружающей экономической среды. ЭП зрелость может выполнять функцию мотиватора, стимулирующего личность в направлении поиска новых способов решения своих финансовых проблем, поддержания уровня своего дохода и т. п. Данный факт ещё раз подтверждает актуальность теоретического исследования, целью которого стали определение понятия «экономико-психологическая зрелость» личности и его операционализация.

Гипотеза исследования основывается на представлениях автора о социально-психологической природе экономико-психологической зрелости и зрелости личности как субъекта экономических отношений. В связи с чем структура экономико-психологической зрелости должна включать компоненты, раскрывающие отношения с другими людьми, выполнение задач по финансовому и материальному обеспечению.

Методологические основания и предпосылки к разработке понятия «экономико-психологическая зрелость»

Предваряя описание нового понятия и его признаков, кратко изложим представления, выполняющие роль методологической основы для данной работы.

Анализируя немногочисленные отечественные исследования социально-психологической (СП) зрелости [2; 3; 6; 8; 11], мы обнаружили следующее.

Во-первых, все авторы придерживаются разных теоретико-методологических подходов, что определяет существующие различия в понимании феномена и его признаков. Так, в рамках культурно-исто-

рического подхода СП зрелость рассматривается как *качество социального субъекта*, выражающееся в необходимости и готовности к самореализации и преобразованию окружающего социального мира, отношений с другими и т. п. [3]. В таком подходе ключевым признаком выступает *социально-психологическая компетентность личности*. В контексте субъектно-деятельностного подхода СП зрелость некоторыми авторами определяется как *субъектность*, порождаемая в процессе *интеграции социальных и индивидуальных компонентов зрелости* [8], критерием которой выступает *уровень интегративных субъектных качеств* зрелой в социально-психологическом плане личности (активная жизненная позиция; сформированная идентичность; адекватная самооценка и т. п.). В акмеологическом плане СП зрелость личности – часть личностной зрелости, её *интерперсональные характеристики* (толерантность, нравственное сознание, гуманистические ценности, позитивные межличностные отношения), высокий уровень сформированности которых достигается в период взрослости [2 и др.]

Не перечисляя всех вариантов существующих подходов, уточним собственную позицию. В данном случае мы разделяем взгляды коллег, определяющих категорию «зрелость» как процесс, способность к достижению, а не результат достижения определённого уровня развития (Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлёв, Н. Е. Харламенкова, С. К. Нартова-Бочавер, Н. И. Леонов и др.). Важными для нашего понимания экономико-психологической зрелости личности, её развития на разных стадиях ЭС также являются: эволюционный подход, в рамках которого рассматривается постепенное развитие человека как субъекта, начиная с дошкольного возраста (А. В. Брушлинский, Е. А. Сергиенко, А. Л. Журавлёв и др.); системно-субъектный подход, в котором психологическая зрелость определяется как «континуум

согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта» [9, с. 26]; представления о существовании различий в зрелости человека как личности и как субъекта (А. В. Брушлинский, Л. И. Анцыферова, А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко и др.).

В связи с этим наиболее близкими для нашей работы являются представления о СП зрелости А. Л. Журавлёва. В его концепции общие (для личности и группы) признаки СП зрелости – это *относительная автономность (самодостаточность) и независимость; социальная ответственность; способность к самостоятельному принятию решений; активная социальная позиция и овладение социальными ролями, в целом социальной средой, при условии их позитивной направленности по отношению к другим людям, социальным группам и обществу в целом; её основными показателями выступают уровень (или степень) социализированности, уровень достигнутой идентичности, уровни сформированности Я-концепции, системы отношений, сознания и самосознания личности* [6].

Во-вторых, значительная часть исследователей, определяя СП зрелость, подробно не рассматривает признаки и критерии СП зрелости группы, акцентируя внимание на СП зрелости личности. Данный факт во-многом объясняется парадигмальными традициями в изучении группового субъекта, сложившимися в разных научных школах социальной психологии. В связи с этим задача определения ЭП зрелости группы воспринимается нами как самостоятельная, требующая проведения дополнительного исследования. По этой причине в данной работе остановимся на операционализации социально-психологической зрелости личности.

В-третьих, независимо от методологических различий в понимании СП зрелости, анализируя работы коллег, можно выделить ряд *общих признаков СП зрелости*, которые могут быть впоследствии рассмотрены в контексте связей

личности как субъекта экономических отношений с другими экономическими субъектами, социально-экономической средой в целом. Речь идёт о: *проявлениях самостоятельности (независимости) зрелой личности в отношениях с другими, её способности самостоятельно принимать решения в разных ситуациях межличностного взаимодействия; толерантности к действиям и поступкам других людей; ответственности за свои поступки и их последствия; о её активной социальной позиции, направленной на саморазвитие и преобразование социальной действительности.*

Вторым основанием для нашей работы выступили исследования в области экономической психологии, прямо или косвенно затрагивающие вопросы зрелости. В частности, подходы к исследованию экономической зрелости. Следует заметить, что в экономике и менеджменте используются понятия «экономическая зрелость организации», «экономическая зрелость государства», «зрелость экономики» и др. Однако специфика их дефиниций связана с дисциплинарным подходом и соответствующими критериями анализа [7; 19 и мн. др.].

В зарубежной экономической психологии сформировалось направление исследований (К. Б. Бергойн, Э. К. Найхус, Ст. Ли, А. Отто, Дж. Серидо, П. Уэбли, П. Янг), в рамках которого в экономической жизни «домохозяйства» выделяют *период зрелости* экономического агента¹ как «период консолидации экономического поведения» [24, р. 99], т. е. период, когда уже выработаны навыки принятия экономических решений, стратегии экономического поведения, определены векторы

¹ В экономике и менеджменте понятие «экономический агент» определяется как субъект экономических отношений, участвующий в производстве, распределении, обмене и потреблении экономических благ. Основными экономическими агентами являются домохозяйства (индивиды и их семьи), фирмы, государство и его подразделения, иностранный сектор [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономический_агент

экономической активности и т. п. Можно сказать, что развитие экономического агента (индивидуального) на стадии зрелости его экономической жизни определяется исследователями как высшая ступень в развитии его экономического сознания, самосознания, реализуемого через зрелые формы экономического поведения. В качестве основного критерия зрелости в данных работах указывалась *готовность экономического агента к самостоятельному ведению своего домашнего хозяйства или его реальное экономическое поведение с целью материального и финансового обеспечения себя и своей семьи* [14; 24 и др.]. Отмечалось, что зрелый экономический агент имеет устойчивый доход. Для него характерны: потребительский оптимизм (позитивные потребительские ожидания), навыки и умения: прогнозировать своё будущее экономическое благосостояние, планировать бюджет, принимать оптимальные решения в разных ситуациях сберегательного, инвестиционного, финансового, потребительского и другого поведения.

Психологическое понимание экономической (социально-экономической) зрелости личности и группы впервые было изложено в работе А. Л. Журавлёва [6]. Он определил данный феномен как процессуальную характеристику – способность к материальному, экономическому, финансовому обеспечению себя, своей семьи, которая реализуется посредством трудовой деятельности человека (группы), одним из мотивов которой выступает материальное и финансовое самообеспечение и обеспечение других. Данное понятие не было операционализировано автором, в связи с чем возникла сложность проведения его сравнительного анализа с понятием «экономико-психологическая зрелость».

По нашему мнению, понятие «экономическая зрелость» содержательно шире, чем понятие «экономико-психологическая зрелость». Оно включает не только психологические, социально-пси-

хологические, но и собственно экономические, социологические признаки, а сам феномен экономической зрелости может выступать предметом разных дисциплинарных исследований. Кроме того, в вышеприведённой трактовке экономическая зрелость ограничена периодом трудовой деятельности. Таким образом, экономическая (или социально-экономическая) зрелость как способность проявляется в свойствах личности, обеспечивающих ей успешное выполнение *трудовой деятельности*. В таком случае оно не может быть применено к описанию процессов экономической социализации детей и подростков, учащейся молодёжи, поскольку в этот период закладываются базовые элементы экономического сознания и поведения личности, которые необходимы для понимания мира экономики, осознания себя как его части и т. п. В большинстве случаев ребёнок – это экономически несамостоятельный человек. Преимущественно он рассматривается как пассивный участник экономических отношений (в первую очередь потребления), а не полноценный субъект этих отношений, тем более экономической (деловой) активности. Однако развитие личности как субъекта экономических отношений начинается в детстве и завершается в конце жизни, т. е. первые признаки экономико-психологической зрелости проявляются в условиях первичной экономической социализации [4 и др.]. В связи с этим в контексте экономической социализации личности, с нашей точки зрения, более уместно использовать понятие «экономико-психологическая зрелость» личности. Уточним, что в разрабатываемом нами подходе данный феномен рассматривается как предпосылка экономической зрелости.

Понятие, признаки и показатели экономико-психологической зрелости

Экономико-психологическая зрелость представляет собой частный аспект зрелости, характеризующийся как общими,

универсальными признаками, так и частными, специфичными, отражающими суть связей личности (группы) и социально-экономической среды.

Экономико-психологическая зрелость понимается как способность и готовность личности к финансовому и материальному самообеспечению и обеспечению своей семьи, решению задач по поддержанию (позитивному изменению) уровня материального благосостояния, совладанию с ситуациями финансовой депривации и т. п. *Это комплексное, интегративное образование, включающее феномены зрелости в системе отношений с другими людьми, в области самообеспечения и обеспечения своей семьи, а также личностной зрелости.* Показателем ЭП зрелости является уровень экономико-психологической готовности личности к выполнению вышеперечисленных задач экономической жизни. Данный вид зрелости проявляется через внутреннюю и внешнюю активность личности, связанную с поиском и реализацией наиболее эффективных способов решения поставленных задач по обеспечению себя и своей семьи посредством выбора оптимальных стратегий экономического поведения. ЭП зрелость личности не сводится к высокому уровню экономического

сознания и самосознания, её ключевым критерием является способность ставить перед собой и решать вышеперечисленные задачи, регулируя своё экономическое поведение нравственными нормами, принимая на себя ответственность за результат и последствия принятого решения, за экономическое благополучие своих близких.

Таким образом, *зрелая в экономико-психологическом плане личность* отличается: готовностью к обретению или поддержанию финансовой и материальной самостоятельности, независимости в разных ситуациях экономической жизни; адекватным уровнем экономических притязаний и соблюдением нравственных норм в достижении более высокого экономического статуса (экономической мобильности); высоким уровнем интернальной ответственности за своё экономическое благосостояние и благосостояние своей семьи. Для неё характерно проявление умеренной толерантности к представителям других (прежде всего контрастных) экономических групп при условии идентификации себя как представителя конкретной экономической группы.

Эмпирическими индикаторами теоретического конструкта являются следующие характеристики (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Компоненты экономико-психологической зрелости и её эмпирические показатели
/ **Components of economic-psychological maturity and its empirical indicators**

Компоненты ЭП зрелости личности	Эмпирические показатели
Зрелость в области отношений с другими (социально-психологическая зрелость)	• модальность отношения к бедным и богатым • умеренный уровень экономической толерантности (толерантность к представителям других экономических групп) • сформированная экономическая идентичность
Зрелость в области самообеспечения и обеспечения своей семьи (социально-экономическая зрелость)	• уровень готовности к обретению или поддержанию экономической, финансовой, материальной самостоятельности • уровень и цели экономических притязаний; • сформированность нравственной регуляции экономической мобильности
Личностная зрелость	• уровень интернальной ответственности за финансовое и материальное благополучие своё и своих близких

Источник: составлено автором.

Кратко уточним свои представления по некоторым показателям.

В данной работе *зрелость в отношениях с другими* определяется посредством измерения уровня экономической толерантности личности, модальности её отношений с другими, сформированности показателей экономической идентичности. Экономическая толерантность понимается как терпимое отношение к представителям других экономических групп (высокообеспеченным, богатым людям и малообеспеченным, бедным). В её основе – механизм сравнения себя с другими людьми, принципиально отличающимися по уровню дохода. Проявления экономической толерантности связаны с позитивным отношением к другим людям (представителям экономических групп) и показателями экономической идентичности.

Зрелость в области материального, финансового самообеспечения и обеспечения своих близких основывается на показателях готовности к обретению (н-р, подростки, студенты, безработные и т. п.) или поддержанию ранее достигнутой экономической (финансовой, материальной) самостоятельности. В качестве эмпирических показателей данного вида готовности выступают: установки на экономическую сепарацию от родителей, других родственников; показатели экономической компетентности – навыки долгосрочного планирования бюджета; предпочитаемые стратегии поддержания финансовой стабильности. Уровень экономической самостоятельности зависит от уровня экономических притязаний, готовности личности реализовать поставленные цели по достижению более высокого экономического статуса, не нарушая при этом нравственных норм.

Осознание личностью ответственности за своё финансовое и материальное благосостояние и благосостояние своих близких предполагает её интернальную направленность. В данном случае личность как субъект экономических отношений, экономической активности

осознаёт и принимает ответственность на себя не только за актуальный уровень материального благосостояния, но и за будущие последствия своих действий, направленных на повышение или поддержание этого уровня.

Экономико-психологическая зрелость имеет уровневую структуру. В её основании лежит интернальная ответственность за экономическое благосостояние семьи, финансовое и материальное обеспечение, поддержание качества жизни и т. п. Осознание ответственности не только за себя, но и за своих близких, стимулирует личность проявлять свою экономическую самостоятельность, сепарацию от родителей и других родственников, выполняющих роль «финансовых спонсоров», способствует реализации её компетенций, которые позволяют успешно решать поставленные задачи в разных ситуациях экономической жизни. Оптимистичное отношение к жизни здесь проявляется: в способности человека строить долгосрочные прогнозы относительно своего уровня экономического благосостояния и своей семьи; в уверенности в себе с точки зрения достижения этого уровня; в позитивном отношении к другим, отличающимся по уровню дохода.

В рамках разрабатываемого подхода детерминантами экономико-психологической зрелости выступают её социально-психологические и личностные характеристики, сформированные к актуальному этапу развития (локус-контроля, системы ценностных ориентаций, финансовой личностной тревожности и т. п.).

Заключение

Итак, предложено определение экономико-психологической зрелости как способности и готовности личности к финансовому и материальному самообеспечению и обеспечению близких, решению поставленных перед собой задач по поддержанию (позитивному изменению) уровня материального благосостояния (своего и своих близких), совладанию с

ситуациями финансовой депривации и т. п. Это комплексное, интегративное образование, включающее феномены зрелости в системе отношений с другими людьми, в области самообеспечения и обеспечения своей семьи, а также личностной зрелости.

В настоящей публикации не были рассмотрены вопросы: соотношения феноменов ЭП зрелости и ЭП незрелости; раз-

вития ЭП зрелости личности на разных стадиях ЭС; ЭП зрелости группы. Данные направления работы воспринимаются нами как перспективные с точки зрения развития представлений о явлении «экономико-психологическая зрелость», релевантных современной экономической ситуации.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров А. Ф., Шайдуллина Р. М. Экономическая и трудовая социализация студентов в образовательном процессе технического вуза. Уфа, 2014. 220 с.
2. Дерманова И. Б., Манукян В. Р. Личностная зрелость: к определению психологического содержания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. Вып. 4. С. 68–73.
3. Доценко Е. Л. Социально-психологическая зрелость – формирование понятия // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 3. С. 4–12. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.3.4-12
4. Дробышева Т. В. Представления о бедности и богатстве на разных стадиях первичной экономической социализации: содержание и факторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 3. С. 49–61 DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-49-61
5. Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Вторичная экономическая социализация: постановка проблемы и перспективы исследования // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 61–71. DOI: 10.31857/S020595920000071-4
6. Журавлев А. Л. «Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии. М., 2007. С. 198–222.
7. Коваль О. Искусство жить экономически: проблемы экономического взросления // Экономические стратегии. 2019. № 5. URL: <http://www.inesnet.ru/article/iskusstvo-zhit-ekonomicheskii-problemy-ekonomicheskogo-vzrosleniya/> (дата обращения: 10. 01. 2021).
8. Леонов Н. И., Главатских М. М. Социально-психологическая зрелость личности: интегративный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 1. С. 55–60.
9. Сергиенко Е. А. Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии. М., 2007. С. 13–28.
10. Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И. Модель психического: структура и динамика. М., 2020.
11. Сухобская Г. С. Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагогики // Новые знания. 2002. № 4. С. 17–20.
12. Хашченко В. А. Психология экономического благополучия. М., 2012. 426 с.
13. Черепанов М. С. Социально-экономическая компетентность школьника: вопросы содержания и структуры // Пермский педагогический журнал. 2014. № 5. С. 5–11.
14. Шапиро М. Г. Схема процесса экономической социализации // Социальные исследования. 2018. № 2. С. 27–35.
15. Шамионов Р. М. Социализация личности: системно-диахронический подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 27. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.01.2021).
16. Financial Education and the Debt Behavior of the Young / M. Brown, J. Grigsby, W. van der Klaauw, J. Wen, B. Zafar // The Review of Financial Studies. 2016. Vol. 29. № 9. P. 2490–2522. DOI: 10.1093/rfs/hhw006.
17. Davies E., Lea S. E. G. Students were found to be a relatively low-income, high-debt group with relatively // Journal of Economic Psychology. 1995. Vol. 16. P. 663–679.

18. Camisyn-Haba S., Almendros J. A. C., Guerra M. I. B. Financial Literacy and Level of Financial Competence in Pre-University Students: a Comparison by Academic, Personal and Family Profile // *European Journal of Economics and Business Studies*. 2018. Vol. 4. № 2. P. 171–186. DOI: 10.2478/ejes-2018-0050
19. Chaloupek G. The concept of maturity and the transformation of economic systems // *Review of Political Economy*. 1994. Vol. 6. № 4. P. 430–440. DOI: 10.1080/09538259400000021
20. Gathergood J. Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness // *Journal of Economic Psychology*. 2012. Vol. 33. P. 590–602.
21. Kimiyaghalam F., Safari M. Review papers on definition of financial literacy and its measurement // *SEGi Review*. 2015. Vol. 8. P. 81–94.
22. Lusardi A., Michaud P.-C., Mitchell O. S. Optimal Financial Knowledge and Wealth Inequality // *Global Financial Literacy Excellence*. National Bureau of Economic Research. 2014. Working Paper N 2014-3. URL: <https://ssrn.com/abstract=2585222> (дата обращения: 11.01.2021).
23. Seeber S. Economic competencies and situation-specific commercial competencies: Reflections on conceptualization and measurement // *Citizenship, Social and Economics Education*. 2016. V. 15 No 3. P. 162–182. URL: <https://doi.org/10.1177/2047173417695275> (дата обращения: 11.01.2021).
24. Webley P., Burgoyne C. B., Lea St. E. G., Young B. M. *The Economic Psychology of Everyday Life* / Ed. W. P. Robinson. Hove, East Sussex: Psychology Press Ltd, 2001. 214 p.

REFERENCES

1. Amirov A. F., Shaidullina R. M. *Ekonomicheskaya i trudovaya sotsializatsiya studentov v obrazovatel'nom protsesse tekhnicheskogo vuza* [Economic and labor socialization of students in educational process of technical college]. Ufa, 2014, 220 p.
2. Dermanova I. B., Manukyan V. R. [Personal maturity: the definition of psychological content]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy], 2010, no. 4, pp. 68–73.
3. Dotsenko E. L. [Socio-psychological maturity – concept formation]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Omsk University Bulletin. Series: Psychology], 2020, no. 3, pp. 4–12. DOI: 10.24147/2410-6364.2020.3.4-12
4. Drobysheva T. V. [Ideas about poverty and wealth at different stages of primary economic socialization: content and factors of development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology], 2016, no. 3, pp. 49–61. DOI: 10.18384/2310-7235-2016-3-49-61
5. Drobysheva T. V., Zhuravlev A. L. [Secondary economic socialization: problem statement and research prospects]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2018, vol. 39, no. 4, pp. 61–71. DOI: 10.31857/S020595920000071-4
6. Zhuravlev A. L. [“Socio-psychological maturity”: an attempt to substantiate the concept]. In: *Fenomen i kategoriya zrelosti v psikhologii* [The phenomenon and category of maturity in psychology]. Moscow, 2007, pp. 198–222.
7. Koval' O. [The art of living economically: problems of economic growing]. In: *Ekonomicheskie strategii* [Economic strategies], 2019, no. 5. Available at: <http://www.inesnet.ru/article/iskusstvo-zhit-ekonomicheski-problemy-ekonomicheskogo-vzrosleniya> (accessed: 10.01.2021).
8. Leonov N. I., Glavatskikh M. M. [Socio-psychological maturity of the individual: an integrative approach]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2014, vol. 14, no. 1, pp. 55–60.
9. Sergienko E. A. [Maturity: molar or modular approach?]. In: *Fenomen i kategoriya zrelosti v psikhologii* [The phenomenon and category of maturity in psychology]. Moscow, 2007, pp. 13–28.
10. Sergienko E. A., Ulanova A. Yu., Lebedeva E. I. *Model' psikhicheskogo: struktura i dinamika* [The mental model: structure and dynamics]. Moscow, 2020.
11. Sukhobskaya G. S. [The concept of “maturity of human socio-psychological development” in the context of andragogy]. In: *Novye znaniya* [New knowledge], 2002, no. 4, pp. 17–20.
12. Khashchenko V. A. *Psikhologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya* [The psychology of economic well-being]. Moscow, 2012. 426 p.
13. Cherepanov M. S. [Socio-economic competence of a student: issues of content and structure]. In:

- Permskii pedagogicheskii zhurnal* [Perm pedagogical journal], 2014, no. 5, pp. 5–11.
14. Shapiro M. G. [Diagram of the process of economic socialization]. In: *Sotsial'nye issledovaniya* [Social studies], 2018, no. 2, pp. 27–35.
 15. Shamionov R. M. [Socialization of the individual: a systemic diachronic approach]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2013, vol. 6, no. 27. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 11.01.2021).
 16. Brown M., Grigsby J., van der Klaauw W., Wen J., Zafar B. Financial Education and the Debt Behavior of the Young. In: *The Review of Financial Studies*, 2016, vol. 29, no 9, pp. 2490–2522. DOI: 10.1093/rfs/hhw006.
 17. Davies E., Lea S. E. G. Students were found to be a relatively low-income, high-debt group with relatively. In: *Journal of Economic Psychology*, 1995, vol. 16, pp. 663–679.
 18. Camisyn-Haba S., Almendros J. A. C., Guerra M. I. B. Financial Literacy and Level of Financial Competence in Pre-University Students: a Comparison by Academic, Personal and Family Profile. In: *European Journal of Economics and Business Studies*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 171–186. DOI: 10.2478/ejes-2018-0050
 19. Chaloupek G. The concept of maturity and the transformation of economic systems. In: *Review of Political Economy*, 1994, vol. 6, no. 4, pp. 430–440. DOI: 10.1080/09538259400000021
 20. Gathergood J. Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness. In: *Journal of Economic Psychology*, 2012, vol. 33, pp. 590–602.
 21. Kimiyaghalam F., Safari M. Review papers on definition of financial literacy and its measurement. In: *SEGi Review*, 2015, vol. 8, pp. 81–94.
 22. Lusardi A., Michaud P.-C., Mitchell O. S. Optimal Financial Knowledge and Wealth Inequality. In: *Global Financial Literacy Excellence. National Bureau of Economic Research*, 2014, no. 3. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2585222> (accessed: 11.01.2021).
 23. Seeber S. Economic competencies and situation-specific commercial competencies: Reflections on conceptualization and measurement. In: *Citizenship, Social and Economics Education*, 2016, vol. 15, no. 3, pp. 162–182. DOI: 10.1177/2047173417695275
 24. Webley P., Burgoyne C. B., Lea St. E. G., Young B. M. *The Economic Psychology of Everyday Life*. Hove, East Sussex, Psychology Press, 2001. 214 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дробышева Татьяна Валерьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Drobysheva – Cand. Sci. (Psychology), senior research officer, Institute of Psychology, Russian Academy of Science;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дробышева Т. В. Понятие «экономико-психологическая зрелость» личности и его операционализация // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 74–83.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-74-83

FOR CITATION

Drobysheva T. V. “Economic-psychological maturity of the personality” concept and its operationalization. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 74–83.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-74-83

УДК 159.9.316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-84-96

ОТНОШЕНИЕ К КРИПТОВАЛЮТАМ У МОЛОДЕЖИ С РАЗНЫМ ОПЫТОМ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Дробышева Т. В.¹, Гагарина М. А.², Нестик Т. А.¹

¹ Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить отношение к криптовалюте у молодежи с разным опытом финансового поведения.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 263 респондента (средний возраст 23,3 года; 45% мужчины). В общей выборке были выделены две группы респондентов: имеющих и не имеющих опыта обращения с криптовалютами. В работе использовались метод свободных ассоциаций, оригинальный авторский опросник отношения к криптовалютам, метод анкетирования.

Результаты. Согласно полученным данным, респонденты, имеющие опыт обращения с криптовалютами, видят в её применении потенциальные возможности как источника дохода, не имеющие такого опыта связывают с криптовалютами страхи и опасения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлено различие в отношениях к новой технологии в области экономики. Оно указывает на разные механизмы экономико-психологической адаптации молодых людей с разным опытом финансового поведения. В одном случае отношение к криптовалюте выполняет «защитную» функцию, в другом – функцию «рационализации».

Ключевые слова: экономическая психология, отношение к криптовалютам, криптовалюта, биткоин, финансовое поведение, экономическая социализация, новые технологии

ATTITUDE TO CRYPTO-CURRENCIES AMONG YOUNG PEOPLE WITH DIFFERENT EXPERIENCES OF FINANCIAL BEHAVIOR

T. Drobysheva¹, M. Gagarina², T. Nestik¹

¹ Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences

13 Yaroslavskaya ul., Moscow 129366, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky prosp, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the attitude to the crypto-currency among youths with various experience of financial behavior.

Methodology. The study involved 263 respondents (average age 23.3 years; 45% are men). In the general sample two groups of respondents were identified: with and without experience in handling the crypto-currencies. The methods used are: free associations, the original author's questionnaire of attitudes towards crypto-currencies, the method of survey.

Results. The research showed that in the group of users, this phenomenon is perceived primarily from the point of view of its prospects and the possibility of earning money. The group of non-users showed fear and anxiety towards the crypto-currencies .

Research implications. The difference in the attitudes to the new technology in the field of economics is revealed. It indicates the different mechanisms of economic-psychological adaptation of young people with different experience of financial behavior. In one case, the attitude towards crypto-currency performs a “protective” function, in the other - the function of “rationalization.”

Keywords: economic psychology, attitude to crypto-currencies, crypto-currency, bitcoin, financial behavior, economic socialization, new technologies

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа подготовлена в рамках Государственного задания № 0138-2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

ACKNOWLEDGMENT

The study has been executed as part of state assignment No. 0138-2021-0010 «Socio-psychological factors of individual and group behavior and global changes».

Введение

Появление криптовалюты в нашей стране специалисты соотносят с процессами глобализации, ведущей чертой которой является «возникновение многополюсной мировой системы и рост культурного разнообразия» [5, с. 58]. Эффекты влияния процессов глобализации проявляются в самых разных аспектах: затрагивают изменения традиционного уклада жизни людей, трансформацию их мировоззренческих позиций, культурных ценностей, поведенческих стереотипов и т. п., обостряют проблему сохранения системы ценностей, характерной для менталитета россиян и т. п. [7; 9; 18; 19 и др.]. Их анализ чаще всего имеет негативную модальность. В то время как изучение представлений, мнений, суждений, отношения к новым экономическим явлениям, рассматриваемым как эффекты глобальных процессов в нашем обществе, предполагает и позитивную направленность с точки зрения поиска механизмов адаптации личности и группы к изменяющемуся обществу.

Актуальность настоящего исследования обусловлена рядом обстоятельств. Первое из них связано с анализом коннотаций «криптовалюты» в обыденном со-

знании конкретной социальной группы, воспринимается ли она как деньги или трактуется как-то иначе, например, как новые технологии. Второе обстоятельство определяется дисциплинарным характером (социологический, юридический и т. п.) существующих исследований криптовалюты как нового для россиян явления, вызванного процессами глобализации экономики [3; 10 и др.]. Благодаря этому многие психологические вопросы отношения к криптовалюте не освещены в публикациях. По мнению авторов статьи, их изучение в перспективе позволит не только более глубоко проанализировать психологическую природу самого явления, но и выявить особенности экономико-психологической адаптации молодежи к финансово-экономическим эффектам глобальных процессов в нашей стране.

Дебаты о статусе криптовалюты в настоящее время продолжают как на страницах научной литературы [23; 24 и др.], так и в СМИ, в общественном дискурсе¹. Однако остаётся открытым вопрос, стоит ли считать криптовалюты деньгами и выполняют ли они все функ-

¹ Blockchain Conference Moscow [Электронный ресурс]. URL: <https://moscow.bc.events/ru> (дата обращения: 11.04.2020).

ции денег? Последнее связано с тем, что в качестве денег в экономике могут удержаться только те инструменты, которые смогут выполнять функции, диктуемые рынком [1 и др.]. По мнению специалистов, биткоин как валюта не удовлетворяет основным критериям денег – многофункциональности и стабильности [25]; не выполняет функцию средства обращения («medium of exchange») [12], чаще его используют в роли спекулятивных инвестиций, а не как альтернативную валюту. Однако, по мнению С. Аммус [11], биткоин единственная из криптовалют, которая имеет потенциал средства накопления («store of value»).

В отличие от финансовых специалистов, трактующих явление криптовалюты с позиции её функциональных возможностей и ограничений, в общественном дискурсе данный феномен воспринимается как новая форма электронных денег, позволяющая быстро повысить свой финансовый статус¹. В связи с этим для психологов является важным выявление и последующий анализ представлений, отношения, установок и других феноменов, объектом которых является криптовалюта, в частности биткоин.

По мнению П. Уэбли и Ст. Ли, сосуществование в современном обществе нескольких форм денег (наличные деньги, банковские счета, кредитные и дебетовые карты, подарочные жетоны и т. д.) свидетельствует о том, что у людей есть разные виды финансовых потребностей [20]. Как показывают исследования, разные формы денег вызывают различные чувства и по-разному тратятся. К примеру, практика использования различных способов оплаты в потребительском поведении россиян получила широкое распространение лишь в последние годы², в зарубежных ис-

следованиях показано, что предпочтение альтернативных технологий оплаты (наличные, кредитные карты и бесконтактные смарт-карты) определяет восприятие платежа как безопасного [22].

При выборе основной категории анализа «отношения» мы опирались на теорию В. Н. Мясищева [6], согласно которой отношение включает три компонента (когнитивный, эмоциональный и поведенческий), а также на подход к исследованию «психологических отношений» В. П. Познякава, который дополнил трёхкомпонентную структуру феномена четвертым – ценностным компонентом [8 и др.].

К настоящему времени исследования феномена «отношение к деньгам» только в отечественной экономической психологии насчитывают не один десяток работ (см. Т. Л. Алавидзе, С. Ю. Буренина, В. В. Енин, О. С. Дейнека, А. Л. Журавлёв, А. А. Капустина, Е. Д. Короткина, А. Б. Купрейченко, Е. А. Махрина, А. С. Мельничук, П. А. Муравьёва, М. Ю. Семёнов, А. Б. Фенько, В. А. Хащенко и мн. др.). Различия в представлениях о деньгах и отношении к ним исследователи объясняют: социодемографическими характеристиками респондентов (пол, возраст, уровень образования и т. п.), уровнями личностной зрелости, выраженностью установок на экономическую активность, предпочитаемыми ориентациями на ценности, индивидуально-типологическими особенностями, выраженностью качеств личности (рациональность, материализм и т. п.). Важный аспект исследований изучаемого феномена связан с выявлением функций самого отношения к деньгам в разных ситуациях экономико-психологической адаптации личности и группы к изменяющимся условиям жизнедеятельности. Речь идёт о компенсаторной функции [2], защитной функции (снижает выраженность переживания страха смерти) [26], функции прогнозирования поведения [21] и т. п. Заметим, что интерес отечественных исследователей к

¹ Как я зарабатывал на криптовалютах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26777.1/3811526> (дата обращения: 07.11.2018).

² Global research of consumer behaviour // PwC: [2019]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/retail-consumer/publications/gcis-2019-ru.pdf> (accessed: 20.04.2020).

изучению отношения к деньгам был наиболее выражен в периоды экономических трансформаций 90-х гг. XX в. и в периоды финансовых кризисов нового века. Данный факт указывает на существование общей проблемы в исследованиях отношения к деньгам – выявления факторов и механизмов экономико-психологической адаптации личности к изменяющимся условиям экономического мира.

Проблема настоящего исследования связана с изучением опыта финансового поведения как фактора экономико-психологической адаптации молодёжи к эффектам глобальных экономических процессов на примере выявления различий в отношении к криптовалюте. Здесь под финансовым поведением мы понимаем различные действия, связанные с использованием криптовалют, например, покупка, продажа, майнинг.

Цель исследования – выявить различия в отношении к криптовалюте у молодёжи с разным опытом финансового поведения.

Методы

Выборка

В исследовании принимали участие представители групп учащейся молодёжи – студенты разных вузов г. Москвы ($N = 263$; 45% – юноши; 55% – девушки) в возрасте от 17 до 30 лет (средний возраст 23,3 лет, стандартное отклонение 6,5). Выбор группы респондентов основывался на исследованиях зарубежных коллег [13], обнаруживших, что средний возраст пользователей биткоинов около 30 лет, причём большинство из них – мужчины, следовательно, к этому возрасту они уже имеют сформированные убеждения и готовность к реальному поведению на рынке криптовалют. В связи с тем, что количество респондентов, имеющих и не имеющих опыта финансового поведения, различалось, для выравнивания двух групп применяли метод стратифицированной рандомизации. В результате из

общей выборки были отобраны две группы – имеющих опыт финансового поведения с биткоином (далее группа 1, $N = 42$) и не имеющих этого опыта (далее – группа 2, $N = 56$).

Методики

Первый этап исследования включал решение задачи по выявлению семантического поля понятия «биткоин». Метод исследования – ассоциативный тест. Каждому респонденту предлагалось написать несколько ассоциаций, расположив их в определённой последовательности от 1 до 3 (1 – первая ассоциация, которая возникает в ответ на предъявляемый стимул и т. п.). В качестве слова-стимула предъявляли «биткоин». На данном этапе в работе принимали участие 263 респондента.

Второй этап исследования включал сравнение двух групп респондентов по выраженности их отношения к криптовалютам. Нами использовался авторский опросник «Отношение к криптовалютам»¹ (авт. Т. А. Нестик, Т. В. Дробышева) [17], включающий суждения, сгруппированные в соответствии с четырёхкомпонентной структурой отношения: когнитивным, аффективным, поведенческим и ценностным, вопросы ценностного компонента отношения не вошли в окончательную версию опросника по причине низкой согласованности шкалы (альфа Кронабаха = 0,215). Проведённый конфирматорный факторный анализ посредством структурного моделирования в программе SPSS Amos V. 20 подтвердил сформированность трёхфакторной структуры опросника [17]. Тем не менее мы использовали отдельные утверждения ценностного компонента отношения в своём анализе, поскольку для нас было важным выявить степень значимости самого явления (в нашем случае криптовалюты) в сознании

¹ Методика разрабатывалась в рамках научного проекта РНФ № 18-18-00439.

респондентов с разным опытом финансового поведения.

Методы статистического анализа, используемые в работе, соответствовали поставленным задачам. Применяли контент-анализ, частотный анализ, дескриптивную статистику, различия выявляли по критерию Манна-Уитни, корреляционный анализ.

Результаты исследования

Трактовки «биткоина» в представлениях респондентов

Первая задача заключалась в выявлении семантического поля представлений (коннотации понятия) о биткоине в обыденном сознании молодых людей. Исследователей интересовал тот факт, как воспринимают данную криптовалюту респонденты: как деньги (функция платежа), как новое экономическое явление (возможность заработка, повышения экономического статуса) или новую технологию? Заметим, что выбор биткоина объяснялся большей, по сравнению с другими видами криптовалюты (более 1900 видов, по данным www.coinmarketcap.com) его распространённостью в профессиональных кругах, информированностью населения, отражённой в общественном дискурсе. Анализ исследований показывает, что большинство специалистов фокусирует своё внимание именно на биткоине, реже эфириуме и других видах криптовалюты [11; 14; 15; 16].

В ходе анализа массива свободных ассоциаций были выделены 6 категорий: 1) *случайные ассоциации*, содержательно не связанные с понятием «биткоин» как видом криптовалюты (например, «шар под водой», «каша», «дичь», «мем»); 2) *символ*, ассоциации, связанные с физической репрезентацией (ассоциации, характеризующие внешний вид: монетка, код, образ, пароль); 3) ассоциации, выражающие *негативное отношение, сомнение, опасность* («обман», «развод», «пузырь», «риск»); 4) ассоциации, опи-

сывающие *перспективы использования* криптовалют и возможность заработка («богатство», «инновация», «удобство», «выручка»); 5) *функция денег* («платёж», «транзакция», «перевод», «трейдинг»); 6) ассоциации, связанные с оценкой *свойств криптовалют как глобальной системы* (интернет, технологии, майнинг).

Рассмотрим, какие ассоциации появлялись первыми, вторыми и третьими в общей выборке респондентов. Определение последовательности преследовало цель выявления наиболее сформированных представлений о биткоине в сознании респондентов. Мы предположили, что те из них, которые в первую очередь называют молодые люди, более осмыслены ими. Результаты частотного анализа показали, что, на первое место молодые люди поставили ассоциации биткоина, связанные с возможностью заработка и обогащения (26%), а также со страхами и опасениями (23%). Группа ассоциаций, занимающая, по оценкам респондентов, второе место, включала суждения, имеющие как позитивную, так и негативную модальность коннотации: 24% респондентов указали на «обман», «развод» и т. п. и столько же – на перспективу заработка. На третьем месте доминировали случайные ассоциации (36%).

В группе респондентов, имевших опыт операций с криптовалютами, первыми упоминались ассоциации, описывающие перспективы использования криптовалют и возможность заработка (35%), а для респондентов, не имевших такого опыта, – ассоциации, выражающие негативное отношение, сомнение, опасность (31%).

Различия в отношении молодёжи к криптовалюте в зависимости от наличия / отсутствия опыта финансового поведения

Результаты сравнительного анализа показали, что все три компонента (определяли по агрегированным шкалам) изучаемого отношения значимо различаются в двух группах респондентов (кр.

Манна-Уитни, при $p < 0,001$). Медианные значения когнитивного (4 vs 3) и конативного (4,5 vs 2) достоверно выше, а аффективного (1 vs 3) достоверно ниже в группе 1, чем у респондентов группы 2.

С целью выявления содержательных различий по каждому из компонентов провели частотный анализ выраженности суждений.

Анализ суждений, отнесённых к когнитивному компоненту отношения, показал, что наиболее выраженные различия характеризовали взгляды молодых людей по поводу мнения, что «развитие криптовалют так же неизбежно, как и научно-технический прогресс» (76,2% позитивных ответов в группе 1 и 28,8% – в группе 2). В то время как утверждение о том, что «через 10 лет криптовалюты будут выпускаться государством и заменят деньги», не нашло поддержки у большинства респондентов из каждой групп (19% – 1 гр. и 3,8% – 2 гр.). Такая же ситуация сложилась относительно суждения: «Через 5 лет большинство магазинов, в которых я делаю покупки, будут принимать платежи в биткоинах» (28,6% – 1 гр.; 7,7% – 2 гр.). Анализируя выраженность двух последних суждений в группах с разным опытом финансового поведения, можно заметить следующее: те, кто не имел опыта обращения с криптовалютами, в большей степени затруднялись с ответом (т. е. максимальный % согласия в группе с оценкой «не знаю» (27% и 28%)). В группе имевших опыт максимальный % согласия соответствовал оценкам «скорее согласен, чем нет» (33% и 38% подвыборки).

При анализе суждений, отнесённых к аффективному компоненту изучаемого отношения, обратили внимание, что 71,4% респондентов, имеющих опыт покупки криптовалют, выразили крайнюю степень несогласия с утверждением «меня беспокоит, что биткоин и другие криптовалюты выгоднее всего криминалу и террористам, так как позволяют отмывать деньги и уходить от налогов» и только 27,5% респондентов без опыта майнинга

поддержали их в этом. Такая же ситуация сложилась в отношении переживаний молодых людей, что «...криптовалюта открывает безграничные возможности для финансовых махинаций» (61,9% – 1 гр.; 9,6% – 2 гр.) и «...криптовалюты ничем не обеспечены, кроме алчности людей» (61,9% – 1 гр.; 26,9% – 2 гр.). При этом нельзя сказать, что респондентов из группы 2 слишком тревожила перспектива криминализации капитала с помощью криптовалюты. Только 17% из них выражали сильное беспокойство в связи с её применением криминальными структурами, 13% данной выборки тревожились по поводу финансовых махинаций, 17% волновались относительно алчности людей, занимающихся майнингом. Заметим, что в группе с опытом майнинга такие переживания не разделялись совсем.

Конативный компонент отношения различал участников исследования по степени согласия с суждениями: «я бы купил криптовалюту, если бы у меня были на это средства» (76,2% – 1 гр., 35,5% – 2 гр.), «я слежу за новостями о стоимости биткоина и развитии криптовалют» (66,7% – 1 гр.; 9,6% – 2 гр.), «я ловил себя на мысли о том, чтобы заняться майнингом криптовалюты» (57,1% – 1 гр.; 9,6% – 2 гр.). Как можно заметить, опыт финансового поведения по-разному отразился на установках респондентов из 1 группы. Не все из них продолжали следить за информацией о стоимости биткоина, чуть больше половины были готовы продолжить покупки криптовалюты или занятие майнингом. Однако при наличии денег уже три четверти из них продолжили бы покупки.

Сравнительный анализ выраженности суждений ценностного компонента был проведён с целью определения значимости данного явления для двух групп. Результаты показали противоречивость позиции пользователей криптовалюты. Более половины из них (53%) категорично не разделяли мнения о «...важности развития новых видов технологий в об-

ласти финансовых отношений в обществе, в частности о развитии новых форм электронных денег», утверждая, что «криптовалюта для меня не имеет никакого значения. Я живу другими интересами» (53,3%). При этом 60% подвыборки не согласились с утверждением «не хочу заглядывать в будущее, но в настоящее время электронные деньги не представляют никакой ценности», а пятая часть из них (20% подвыборки), наоборот, оценила значимость криптовалюты с точки зрения её потенциальных возможностей в будущем. Интересно, что в группе тех, кто никогда не пользовался криптовалютой (2 группа), ценность суждения о её потенциальных возможностях как способа решения финансовых проблем в будущем разделило подгруппу на сторонников инноваций и традиций (примерно по 30% в каждой подгруппе).

В целом в исследовании прослеживается общая тенденция: респонденты, имеющие опыт покупки криптовалют, склонны выбирать крайние варианты ответов (абсолютное согласие либо отвержение суждения), в то время как для респондентов без опыта характерно более равномерное распределение разных степеней согласия / несогласия. Они также значимо различаются по всем пунктам ценностного компонента, роль которого в структуре отношения будет рассматриваться ниже.

Связь суждений ценностного и других компонентов отношений к криптовалюте

В работе была поставлена задача описать содержание отношения респондентов к криптовалюте не только с позиции выраженности знания, аффектов или готовности к её использованию, но и с точки зрения важности, значимости этого явления в сознании молодых людей. Предположили, что это поможет нам понять различие в функциях изучаемого отношения респондентов к новому явлению. С этой целью был проведён корреляционный анализ суждений ценностного компонента с суждениями других компонентов отношения к криптовалютам в каждой подгруппе.

Обнаружено, в группе с опытом финансового поведения утверждение «Для меня ценность криптовалюты заключается в том, что она может решить многие мои проблемы в будущем», имеет положительные достоверные корреляции с утверждениями когнитивного компонента «Развитие криптовалюты так же неизбежно, как и научно-технический прогресс» ($r = 0,5$; $p < 0,01$), «Через 10 лет криптовалюты будут выпускаться государством и заменят деньги» ($r = 0,6$; $p < 0,01$), «Через 5 лет большинство магазинов, в которых я делаю покупки, будут принимать платежи в биткоинах» ($r = 0,6$; $p < 0,01$) и отрицательную корреляцию с суждением аффективного компонента: «Меня волнует тот факт, что криптовалюты ничем не обеспечены, кроме алчности людей» ($r = -0,6$; $p < 0,01$). Иными словами, вера в то, что криптовалюта может решить проблемы в будущем, связана с убеждениями о неизбежности научно-технического прогресса, способности криптовалют вытеснить деньги и со снижением переживаний по поводу необеспеченности криптовалют и не связана с готовностью к действиям с криптовалютами.

Противоположное по смыслу утверждение, связанное с ориентацией на будущее: «Не хочу заглядывать в будущее, но в настоящее время электронные деньги не представляют никакой ценности», – показало обратные корреляции с утверждениями когнитивного компонента «Развитие криптовалюты так же неизбежно, как и научно-технический прогресс» ($r = -0,6$; $p < 0,01$) и «Через 5 лет большинство магазинов, в которых я делаю покупки, будут принимать платежи в биткоинах» ($r = -0,6$; $p < 0,01$), а также с элементами поведенческого компонента «Я ловил себя на мысли о том, чтобы заняться майнингом криптовалюты» ($r = -0,6$; $p < 0,01$)

и «Я обсуждаю с друзьями и знакомыми новости о криптовалютах» ($r = -0,7$; $p < 0,01$).

Утверждение «Я разделяю мнение людей о важности развития новых видов технологий в области финансовых отношений в обществе, в частности о развитии новых форм электронных денег» образует обратно пропорциональную связь с утверждениями когнитивного компонента «Развитие криптовалюты так же неизбежно, как и научно-технический прогресс» ($r = -0,5$; $p < 0,01$) и «Через 5 лет большинство магазинов, в которых я делаю покупки, будут принимать платежи в биткоинах» ($r = -0,6$; $p < 0,01$), а также с элементами поведенческого компонента «Я ловил себя на мысли о том, чтобы заняться майнингом криптовалюты» ($r = -0,5$; $p < 0,01$) и «Я обсуждаю с друзьями и знакомыми новости о криптовалютах» ($r = -0,6$; $p < 0,01$).

Утверждение «Криптовалюта для меня не имеет никакого значения. Я живу другими интересами» образует положительные корреляции с утверждениями когнитивного компонента: «Развитие криптовалюты так же неизбежно, как и научно-технический прогресс» ($r = 0,8$; $p < 0,01$) и «Через 5 лет большинство магазинов, в которых я делаю покупки, будут принимать платежи в биткоинах» ($r = 0,4$; $p < 0,05$), а также с элементами поведенческого компонента «Я ловил себя на мысли о том, чтобы заняться майнингом криптовалюты» ($r = 0,5$; $p < 0,01$) и «Я обсуждаю с друзьями и знакомыми новости о криптовалютах» ($r = 0,7$; $p < 0,01$).

Т. е. со всеми утверждениями ценностного компонента связаны утверждения когнитивного компонента, описывающие неизбежность научно-технического прогресса и ближайшую временную перспективу. С тремя из четырёх ценностных утверждений связаны суждения о готовности заниматься покупкой и майнингом, обсуждать эти вопросы с друзьями.

В группе респондентов *без опыта финансового поведения* из четырёх пунктов ценностного компонента образуют связь только три. Утверждение «Для меня ценность криптовалюты заключается в том, что она может решить многие мои проблемы в будущем» связано с суждением когнитивного блока «Развитие криптовалюты так же неизбежно, как и научно-технический прогресс» ($r = 0,7$; $p < 0,01$). Утверждение «Я разделяю мнение людей о важности развития новых видов технологий в области финансовых отношений в обществе, в частности о развитии новых форм электронных денег» положительно коррелирует с утверждением аффективного компонента «Я переживаю, что криптовалюта открывает безграничные возможности для финансовых махинаций» ($r = 0,6$; $p < 0,01$) и отрицательно связано с суждением поведенческого блока «Я обсуждаю с друзьями и знакомыми новости о криптовалютах» ($r = -0,6$; $p < 0,01$). Утверждение «Не хочу заглядывать в будущее, но в настоящее время электронные деньги не представляют никакой ценности» образует отрицательные корреляции с двумя конативными суждениями ($r = -0,6$; $p < 0,01$): «Я обсуждаю с друзьями и знакомыми новости о криптовалютах» и «Я бы купил криптовалюту, если бы у меня были на это средства».

В данной группе обнаружено: чем выше уверенность респондентов в том, что ценность криптовалюты заключается в перспективности её использования в будущем, тем больше выражена их уверенность в неизбежность научно-технического прогресса. Чем больше разделяется мнение о важности развития технологий, тем больше выражены переживания о финансовых махинациях с криптовалютой и меньше – готовность обсуждать с друзьями. Наконец, незначимость электронных денег в настоящее время обратно пропорционально связана с конативными утверждениями, описывающими готовность респондентов купить криптовалюту и обсуждать её с друзьями.

Обсуждение результатов

Результаты частотного анализа ассоциаций показали, что респонденты ассоциируют биткоин с возможностью заработка и обогащения, а также со страхами и опасениями. Кроме того, можно предположить, что в общественном дискурсе явление криптовалюты не имеет четких границ; на неоднозначность понятия и несформированность отношения к нему указывает и большое количество случайных ассоциаций. При этом респонденты, имеющие опыт обращения с криптовалютами, видели в её применении потенциальные возможности как источника дохода, ресурса для повышения своего экономического статуса, а те, кто не имели такого опыта, связывали с криптовалютами страхи и опасения.

Опыт финансового поведения (покупки криптовалюты, майнинга и т. п.) принципиально разделил взгляды респондентов относительно перспективы развития криптовалют. Большинство имевших такой опыт не сомневались в неизбежности развития новых финансовых технологий. Их абсолютно не волновали перспективы криминализации электронных денег. Однако пережитый опыт взаимодействия с криптовалютой по-разному отразился на готовности молодых людей к использованию данной технологии. Не все из них продолжали следить за информацией о стоимости биткоина, чуть больше половины были готовы продолжить занятие майнингом или покупку валюты без каких-то условий. Однако при наличии денег большинство вернулось бы к этому занятию. Несмотря на то, что в настоящее время криптовалюта не представляла для молодых людей особой ценности, всё же её значимость в будущем осознавалась ими.

Иными словами, те, кто имели опыт, характеризовались большей убежденностью в перспективности данного инструмента, отсутствием переживаний по поводу негативных аспектов внедрения

криптовалют и готовностью к её использованию.

На их фоне отношение к криптовалюте молодых людей, не имевших опыта взаимодействия с ней, отличалось повышенной осторожностью. По всей видимости, отсутствие опыта компенсировалось информацией, представляемой СМИ и конструируемой в общественном дискурсе (см. на примере публикации «Как я зарабатывала на криптовалюте»¹). В результате в группе не было выработано какого-то общего мнения относительно перспектив развития криптовалюты, часть респондентов переживала волнение и беспокойство в связи с её криминализацией. Они не следили за информацией о курсе криптовалют, отмечали, что никогда не ловили себя на мысли заняться майнингом. Однако почти треть из них при условии наличия свободных денег были готовы рискнуть. Так же, как и молодые люди с опытом финансового поведения, данные респонденты осознавали значимость применения криптовалюты как одной из возможностей в решении своих проблем.

Корреляционный анализ суждений ценностного компонента с суждениями других компонентов показал следующее. В группе без опыта финансового поведения молодые люди, утверждая о значимости электронных денег в будущем, связывали их с развитием технологий, т. е. не собственно криптовалюта, а понимание важности (ценности) научно-технического прогресса обеспечивало им уверенность в будущем. При этом мнение других людей относительно развития финансовых технологий явилось для них наиболее значимым (ценным) источником информации о криптовалюте, но не настолько значимым, чтобы разделять свои переживания или какое-либо знание о ней с друзьями и знакомыми.

Так же, как и в группе участников исследования без опыта работы, молодые

¹ Как я зарабатывал на криптовалюте // Комсомольская правда: [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26777.1/3811526> (дата обращения: 07.11.2018).

люди, имевшие опыт обращения с криптовалютой, ценили её как технологию, связанную с формой платежей. Однако опыт взаимодействия с криптовалютой позволил им сделать среднесрочный и краткосрочный прогноз относительно её применения в будущем, снизив степень переживания по поводу нравственных качеств людей – пользователей криптовалюты. Мнение других людей о развитии криптовалюты и её применении в ближайшем будущем не имело значимости для данных респондентов. Криптовалюта для них не ценность как деньги, но как технология в настоящее время имеет большое значение. Ценность широты круга интересов молодых людей с опытом финансового поведения способствовала не только позитивному восприятию ими научно-технического прогресса, но и пониманию ими скорости развития электронных технологий. Они обсуждали проблемы майнинга с друзьями и готовы были продолжать заниматься им в настоящее время.

В целом выявленные различия в изучаемом отношении в зависимости от опыта финансового поведения свидетельствуют о разных формах экономической социализации участников исследования [4].

Заключение

В данной статье поднималась проблема изучения отношения молодёжи к новому социально-экономическому явлению – криптовалюте. Поскольку само понятие «криптовалюта» является малоизученным, нами был проведён анализ представлений о криптовалюте, который показал, что основное содержание понятия – источник заработка.

Отношение к криптовалюте у молодых людей с опытом финансового поведения указывает на эксплицитный уровень экономического сознания. Их отношение к новому экономическому явлению характеризуется широтой охвата проблем, релевантностью к самому явлению. Данные респонденты в меньшей степени склонны доверять мнению окружающих, опираясь на свой опыт. В группе молодых людей без опыта финансового поведения знание о самом явлении основывается на информации извне, мнении других людей. Это имплицитный уровень экономического сознания. Отношение к криптовалюте данных респондентов основано на ограниченном знании о самом явлении, почерпнутом из информации СМИ и общественного дискурса. Это знание стереотипно, но оно позволяет им увидеть самое главное в этом явлении: криптовалюта – это не деньги. Это форма платежей, цифровая технология. Её природа связана с научно-техническим прогрессом, который невозможно остановить.

Независимо от отношения к криптовалюте позитивное восприятие молодыми людьми перспективности развития новых технологий связано с пониманием ими нарастающей глобализации, что согласуется с данными других исследователей [5; 7; 9]. Различие в их отношениях к новой технологии в области экономики указывает на разные механизмы экономико-психологической адаптации молодых людей с разным опытом финансового поведения. В одном случае отношение к криптовалюте выполняет защитную функцию, в другом – функцию рационализации.

Статья поступила в редакцию 23.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М. А. Дискуссионные вопросы категориальной характеристики современных денег и их отражение в базовых элементах денежной системы // Финансы, деньги, инвестиции. 2013. № 2 (46). С. 016–021.
2. Голубева Е. В. Отношение к деньгам как аспект психологической суверенности // Вестник Самарского муниципального института управления. 2012. № 1 (20). С. 51–56.
3. Гроссман А. О., Петров А. В. Криптовалюта как социальное явление // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 4 (45). С. 62–66.

4. Дробышева Т. В. Формы экономической социализации личности: обоснование подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 2. С. 132–137.
5. Журавлев А. Л., Юревич А. В., Мироненко И. А. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
6. Мясищев В. Н. Психология отношений. М., 1998. 368 с.
7. Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М., 2018. 402 с.
8. Позняков В. П. Психологические отношения человека: современное состояние исследований и перспективы развития концепции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 6–30.
9. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы: коллективная монография / А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин, Т. А. Нестик, Т. В. Дробышева, А. В. Юревич, М. И. Воловикова, В. А. Кольцова, В. П. Позняков, А. А. Гостев, А. А. Грачев, М. А. Китов. М., 2018. 448 с.
10. Сидоренко Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 6. С. 147–154.
11. Ammous S. Can cryptocurrencies fulfil the functions of money? [Электронный ресурс] // The Quarterly Review of Economics and Finance. [2018]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.qref.2018.05.010> (дата обращения: 20.04.2020).
12. Baur D. G., Hong K., Lee A. D. Bitcoin: Medium of exchange or speculative assets? // Journal of International Financial Markets, Institutions & Money. 2018. Vol. 54. P. 177–189. DOI: 10.1016/j.intfin.2017.12.004.
13. Bohr J., Bashir M. Who Uses Bitcoin? // Proceedings of the Twelfth Annual Conference on Privacy, Security and Trust (PST), Toronto, 23–24 July 2014. P. 94–101.
14. Bouri E. Herding behaviour in cryptocurrencies // Finance Research Letters. 2019. Vol. 22. P. 57–63. DOI: 10.1016/j.frl.2018.07.008.
15. Corbeta S., Lucey B., Yarovaya L. Datestamping the Bitcoin and Ethereum bubbles // Finance Research Letters. 2018. Vol. 26. P. 81–88. DOI: 10.1016/j.frl.2017.12.006.
16. Fry J., Cheah E.-T. Speculative bubbles in Bitcoin markets? An empirical investigation into the fundamental value of Bitcoin // Economics Letters. 2015. Vol. 130. P. 32–36. DOI: 10.1016/j.econlet.2015.02.029.
17. Gagarina M., Nestik T., Drobysheva T. Social and Psychological Predictors of Youths' Attitudes to Cryptocurrency // Behavioral Sciences. 2019. Vol. 9. P. 118. DOI: 10.3390/bs9120118
18. Gudmunson C. G., Ray S. K., Xiao J. J. Financial socialization // Handbook of Consumer Finance Research / J. J. Xiao, ed. New York, 2016. P. 61–72.
19. Kurt B., Inman J., Gino F. Religious shoppers spend less money // Journal of Experimental Social Psychology. 2018. Vol. 78. P. 116–124. DOI: 10.1016/j.jesp.2018.03.019.
20. Lea St. E. G., Webley P. Money: Metaphors and Motives // The Psychological Science of Money / Ed. E. Bijleveld, H. Aarts. New York: Springer Science + Business Media, 2014. P. 21–35.
21. Muzikante I., Reñée V. Attitude Function as a Moderator in Values-Attitudes-Behavior Relations // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 30. P. 1003–1008. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.10.195
22. See-To E. W. T., Ngai E. W. T. An empirical study of payment technologies, the psychology of consumption, and spending behavior in a retailing context // Information & Management. 2019. Vol. 56. P. 329–342. DOI: 10.1016/j.im.2018.07.007.
23. Shiller R. J. Speculative asset prices // American Economic Review. 2014. Vol. 104 (6). P. 1486–1517. DOI: 10.1257/aer.104.6.1486
24. Testing for multiple bubbles in bitcoin markets: A generalized sup ADF test / C.-W. Su, Z.-Z. Li, R. Tao, D.-K. Si // Japan and the World Economy Volume. 2018. Vol. 46. P. 56–63. DOI: 10.1016/j.japwor.2018.03.004
25. Weber B. Bitcoin and the legitimacy crisis of money // Cambridge Journal of Economics. 2014. Vol. 40 (1). P. 17–41. DOI: 10.1093/cje/beu067
26. Money and the fear of death: The symbolic power of money as an existential anxiety buffer / T. Zaleskiewicz, A. Gasiorowska, P. Kesebir, A. Luszczynska, P. Pyszczynski // Journal of Economic Psychology. 2013. Vol. 36. P. 55–67. DOI: 10.1016/j.joep.2013.02.008.

REFERENCES

1. Abramova M. A. [Discussion questions of the categorical characteristics of modern money and their reflection in the basic elements of the monetary system]. In: *Finansy, dengi, investitsii* [Finance, money, investment], 2013, no. 2 (46), pp. 16–21.
2. Golubeva E. V. [Attitude towards money as an aspect of psychological sovereignty]. In: *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Samara Municipal Management Institute], 2012, no. 1 (20), pp. 51–56.
3. Grossman A. O., Petrov A. V. [Crypto-currencies as a social phenomenon]. In: *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2017, no. 4 (45), pp. 62–66.
4. Drobysheva T. V. [Forms of personal economic socialization: substantiation of the approach]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Developmental psychology], 2019, vol. 8, no. 2, pp. 132–137.
5. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V., Mironenko I. A. [Psychological Science in the Global World: Challenges and Prospects]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2018, vol. 39, no. 2, pp. 58–71.
6. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnoshenii* [Psychology of relationships]. Moscow, 1998. 368 p.
7. Nestik T. A., Zhuravlev A. L. *Psikhologiya global'nykh riskov* [The psychology of global risks]. Moscow, 2018. 402 p.
8. Poznyakov V. P. [Psychological relations of a person: the current state of research and prospects for the development of the concept]. In: *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2017, vol. 2, no. 2, pp. 6–30.
9. Zhuravlev A. L., Kitova D. A., Sosnin V. A., Nestik T. A., Drobysheva T. V., Yurevich A. V., Volovikova M. I., Koltsova V. A., Poznyakov V. P., Gostev A. A., Grachev A. A., Kitov M. A. *Psikhologicheskie issledovaniya global'nykh protsessov: predposylki, tendentsii, perspektivy* [Psychological research of global processes: prerequisites, trends, prospects]. Moscow, 2018, 448 p.
10. Sidorenko E. L. [Criminological risks of crypto-currency turnover]. In: *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2017, vol. 10, no. 6, pp. 147–154.
11. Ammous S. Can cryptocurrencies fulfil the functions of money? In: *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 2018. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.qref.2018.05.010> (accessed: 20.04.2020).
12. Baur D. G., Hong K., Lee A. D. Bitcoin: Medium of exchange or speculative assets? In: *Journal of International Financial Markets, Institutions & Money*, 2018, vol. 54, pp. 177–189. DOI: 10.1016/j.intfin.2017.12.004
13. Bohr J., Bashir M. Who Uses Bitcoin? In: Proceedings of the Twelfth Annual Conference on Privacy, Security and Trust (PST), Toronto, 23–24 July 2014, pp. 94–101.
14. Bouri E. Herding behaviour in cryptocurrencies. In: *Finance Research Letters*, 2019, vol. 22, pp. 57–63. DOI: 10.1016/j.frl.2018.07.008.
15. Corbeta S., Lucey B., Yarovaya L. Datestamping the Bitcoin and Ethereum bubbles. In: *Finance Research Letters*, 2018, vol. 26, pp. 81–88. DOI: 10.1016/j.frl.2017.12.006
16. Fry J., Cheah E.-T. Speculative bubbles in Bitcoin markets? An empirical investigation into the fundamental value of Bitcoin. In: *Economics Letters*, 2015, vol. 130, pp. 32–36. DOI: 10.1016/j.econlet.2015.02.029
17. Gagarina M., Nestik T., Drobysheva T. Social and Psychological Predictors of Youths' Attitudes to Cryptocurrency. In: *Behavioral Sciences*, 2019, vol. 9, p. 118. DOI: 10.3390/bs9120118
18. Gudmunson C. G., Ray S. K., Xiao J. J. Financial socialization. In: Xiao J. J., ed. *Handbook of Consumer Finance Research*. New York, 2016, pp. 61–72.
19. Kurt B., Inman J., Gino F. Religious shoppers spend less money. In: *Journal of Experimental Social Psychology*, 2018, vol. 78, pp. 116–124. DOI: 10.1016/j.jesp.2018.03.019
20. Lea St. E. G., Webley P. Money: Metaphors and Motives. In: Bijleveld E., Aarts H., ed. *The Psychological Science of Money*. New York, Springer Science + Business Media, 2014, pp. 21–35.
21. Muzikante I., Reñee V. Attitude Function as a Moderator in Values-Attitudes-Behavior Relations. In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 30, pp. 1003–1008. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.10.195

22. See-To E. W. T., Ngai E. W. T. An empirical study of payment technologies, the psychology of consumption, and spending behavior in a retailing context. In: *Information & Management*, 2019, vol. 56, pp. 329–342. DOI: 10.1016/j.im.2018.07.007.
23. Shiller R. J. Speculative asset prices. In: *American Economic Review*, 2014, vol. 104 (6), pp. 1486–1517. DOI: 10.1257/aer.104.6.1486
24. Su C.-W., Li Z.-Z., Tao R., Si D.-K. Testing for multiple bubbles in bitcoin markets: A generalized sup ADF test. In: *Japan and the World Economy Volume*, 2018, vol. 46, pp. 56–63. DOI: 10.1016/j.japwor.2018.03.004
25. Weber B. Bitcoin and the legitimacy crisis of money. In: *Cambridge Journal of Economics*, 2014, vol. 40 (1), pp. 17–41. DOI: 10.1093/cje/beu067
26. Zaleskiewicz T., Gasiorowska A., Kesebir P., Luszczynska A., Pyszczynski P. Money and the fear of death: The symbolic power of money as an existential anxiety buffer. In: *Journal of Economic Psychology*, 2013, vol. 36, pp. 55–67. DOI: 10.1016/j.joep.2013.02.008

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дробышева Татьяна Валерьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии Российской академии наук; e-mail: tdrobysheva@mail.ru

Гагарина Мария Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, докторант Института психологии Российской академии наук; e-mail: mgagarina224@gmail.com

Нестик Тимофей Александрович – доктор психологических наук, профессор Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии Российской академии наук; e-mail: nestik@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Drobysheva – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher of the Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; e-mail: tdrobysheva@mail.ru

Maria A. Gagarina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of psychology and human capital development, Financial University under the Government of the Russian Federation, doctoral student of the Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; e-mail: mgagarina224@gmail.com

Timofey A. Nestik – Dr. Sci. (Philology), Professor of the Russian Academy of Sciences, Leading researcher, Head of the Laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: nestik@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дробышева Т. В., Гагарина М. А., Нестик Т. А. Отношение к криптовалютам у молодежи с разным опытом финансового поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 84–96.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-84-96

FOR CITATION

Drobysheva T. V., Gagarina M. A., Nestik T. A. Attitude to crypto-currencies among young people with different experiences of financial behavior. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 84–96.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-84-96

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-97-106

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СОТРУДНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЛОЯЛЬНОСТИ К ОРГАНИЗАЦИИ

Кузнецова Д. А.¹, Касиян М. М.²

¹ Вологодский институт права и экономики

160002, Вологодская обл., г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2, Российская Федерация

² ФКУ Исправительная колония №25 УФСИН России по Республике Коми

167028, г. Сыктывкар, п. Верхний Чов, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описание исследования психологического благополучия сотрудников с различным уровнем лояльности к организации.

Процедура и методы. В статье проанализированы подходы к определению психологического благополучия и лояльности к организации, приведены результаты собственного исследования. При проведении исследования использованы методы опроса, сравнения, интерпретации результатов и статистического анализа.

Результаты. В результате исследования, проведённого на сотрудниках исправительной колонии, выявлено, что большая часть сотрудников имеет низкий уровень лояльности к организации. Описаны особенности психологического благополучия сотрудников с разным уровнем лояльности. Статистически значимой связи между психологическим благополучием и лояльностью к организации не выявлено, различия между сотрудниками с разным уровнем лояльности существуют.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование обозначило проблему в сфере отношения сотрудников к своему учреждению, результаты могут использоваться пенитенциарными психологами для поднятия престижа и улучшения сферы деятельности уголовно-исполнительной системы, повышения работоспособности и ответственности сотрудников за свою деятельность.

Ключевые слова: психологическое благополучие, лояльность к организации, уровень лояльности, сотрудники уголовно-исполнительной системы

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF EMPLOYEES WITH DIFFERENT LEVELS OF LOYALTY TO THE ORGANIZATION

D. Kuznetsova¹, M. Kasiyan²

¹ Vologda Institute of Law and Economics

2, Schetinina ul., Vologda region, Vologda 160002, Russian Federation

² Federal Correctional facility Penal colony N 25 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Komi Republic

Verkhny Chov, Syktyvkar 167028, Russian Federation

Abstract

Aim. Description of the study of psychological well-being of employees with different levels of loyalty to the organization.

© CC BY Кузнецова Д. А., Касиян М. М., 2021.

Methodology. The article analyzes approaches to determining psychological well-being and loyalty to the organization and presents the results of the authors' own research. During the research the methods of survey, comparison, interpretation of results and statistical analysis were used.

Results. As a result of the research conducted on the employees of the correctional colony it was revealed that most of them have a low level of loyalty to the organization. The features of the psychological well-being of employees with different levels of loyalty are described. Statistically significant relationship between psychological well-being and loyalty to the organization hasn't been found out, differences between employees with different levels of loyalty have been stated.

Research implications. The study identified a problem in the attitude of employees to their institution, the results can be used by prison psychologists to raise the prestige and improve the sphere of activity of the penal system, increase the efficiency and responsibility of employees for their activities.

Keywords: psychological well-being, loyalty to the organization, level of loyalty, employees of the penal system

Введение

В современном обществе успех той или иной организации связан не столько с уровнем развития её технической стороны, сколько с потенциалом человеческих ресурсов, с возможностями её работников. При этом всё большее внимание в современных организациях уделяется повышению корпоративной культуры, принятию сотрудниками своей организации и желания работать в ней.

Лояльность персонала – это феномен, который характеризует доброжелательные, уважительные взаимоотношения сотрудника с внутренней и внешней средой организации, определяет степень принятия и одобрения целей, задач, мотивов организации, а также стремление соблюдать предписанные нормы и правила внутри неё [1, с. 24].

Результатом низкой лояльности к организации могут стать такие негативные явления, как: высокая текучесть кадров; снижение результативности труда; высокий абсентеизм; низкое качество выпускаемой продукции / услуг; нежелание персонала развиваться и повышать свою квалификацию, сопротивление инновациям и т. п. По нашему мнению, одним из факторов, обуславливающих данные процессы, является психологическое неблагополучие. Чем выше показатель благополучия, тем лучше относится сотрудник к организации, старается эффективнее выполнять свою работу, верен

своему делу, и хочет добиться высот в карьере, трудиться на благо своей организации. За рубежом интерес психологов к лояльности сотрудников и организационной приверженности сохраняется продолжительное время [8; 9], всё больше исследований в этом направлении и отечественных психологов.

В настоящее время достаточно много обзоров, посвящённых изучению психологического благополучия, зарубежных и отечественных психологов [3; 4; 5; 6]. Авторы подчёркивают разнообразие терминов, определяющих круг феноменов, относящихся к психологическому благополучию, возможность их синонимичного использования.

В контекст термина «психологическое благополучие» авторы относят разные концепты. Так, например, Л. В. Куликов определяет психологическое благополучие как «слаженность психических процессов и функций, ощущение целостности, внутреннего равновесия» [2, с. 480]. П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленкова рассматривают психологическое благополучие в качестве целостного переживания, которое выражается в субъективном ощущении счастья, удовлетворённости собой и собственной жизнью и связано с базовыми человеческими ценностями и потребностями [7].

В нашем исследовании мы опираемся на модель психологического благополучия, разработанную К. Рифф, которая на

её основе создала опросник, позволяющий определить выраженность основных составляющих психологического благополучия. Такими компонентами выступают: положительная оценка себя и своего прошлого; ощущение постоянного роста и развития как личности; наличие целей и целеустремлённость; наличие положительных отношений с окружающими; владение коммуникативными качествами; чувство самодетерминации. Психологическое благополучие К. Рифф определяет как базовый субъективный конструкт, отражающий восприятие и оценку своего функционирования с точки зрения вершины потенциальных возможностей человека [5, с. 162].

Организация исследования

С целью изучения взаимосвязи психологического благополучия сотрудников исправительного учреждения и их лояльности к организации, нами было организовано исследование на базе ФКУ ИК-1 России по Республике Коми, в котором приняли участие 60 сотрудников в возрасте от 25 до 40 лет.

Для изучения лояльности сотрудников к учреждению и их психологического благополучия использовались следующие методики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф; «Оценка лояльности сотрудника к организации» Л. Г. Почебут, О. Е. Королёвой; «Оценка доминирующего психического состояния» Л. В. Куликова; «Шкала удовлетворённости работой» В. А. Розановой.

Лояльность сотрудников к организации

По результатам методики «Оценка лояльности сотрудника к организации» Л. Г. Почебут, О. Е. Королёвой выделены три группы сотрудников с разным уровнем лояльности, которые сравнивались между собой по другим методикам.

У 63% сотрудников из выборки исследования низкий уровень лояльности

к организации, а это показывает, что они относятся к ней не совсем доброжелательно, не всегда разделяют цели и ценности организации, могут обладать сниженной мотивацией, проявлять неуважение к начальству своей рабочей организации, безответственно относиться к своим профессиональным обязанностям.

Средний уровень лояльности сотрудника (20% выборки) предполагает в большей или меньшей степени соблюдение (стремление соблюдать) человеком правовых и моральных норм, принятых в организации, в которой он работает, корректное отношение человека к своей организации. Сотрудник старается быть верным целям, ценностям, направленности деятельности организации, работает на пользу организации, в её интересах. Данный сотрудник будет старательно выполнять свои обязанности, но одновременно может мысленно относиться с негативом к работе, к начальству, к самой организации. Несмотря на это, для него важно рабочее место, и поэтому он будет верен своей организации.

Отсутствие лояльности (17% выборки) означает безразличное отношение к своей рабочей организации, чаще всего ему сопутствует очень низкая производительность труда.

Сотрудников с высоким уровнем лояльности к организации в нашем исследовании не было выявлено. Можно предположить, что причиной тому могут служить такие факторы, как нервная напряжённость, специфика службы (закрытое учреждение), работа с преступниками, девиантами, лицами, преступившими закон, недовольство медицинским обслуживанием. Имеются также мнения, что эта работа монотонна и неинтересна, многим сотрудникам не нравятся жёсткая субординация и отсутствие возможности проявлять инициативу. Эти данные подтверждаются в ходе проведения личных бесед с сотрудниками, а также результатами исследования психологического климата учреждения.

Психологическое благополучие сотрудников с разным уровнем лояльности к организации

Далее был рассмотрен уровень психологического благополучия сотрудников с различной лояльностью к организации. Данные представлены в таблице 1.

В таблице 1 мы можем наблюдать три сформировавшиеся группы сотрудников: с отсутствием лояльности, с низким уровнем лояльности и со средним уровнем лояльности, в каждой группе представлены показатели уровня психологического благополучия сотрудников в процентном соотношении.

Высокий уровень психологического благополучия в выборке не получил ни один из испытуемых. Это может быть связано с тем, что профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы имеет свою определённую специфику работы. Сотрудники часто сталкиваются с такими психологическими явлениями, как стресс, напряжённость, усталость, нехватка времени на свою личную семейную жизнь. Условия работы очень сильно сказываются на психологическом и физическом состоянии человека.

Низкий балл психологического благополучия характеризует респондента как человека, который испытывает сложности в организации повседневной деятельности, чувствует себя неспособным изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства, безразлично относится

к представляющимся возможностям, лишён чувства контроля над происходящим вокруг. Он не ощущает удовлетворения от той жизни, которая есть у него сейчас.

Средний уровень психологического благополучия показывает удовлетворительное психологическое состояние человека, он развивается, стремится к реализации своих жизненных целей, видит смысл в жизни, но тем не менее он не всегда удовлетворён своим психологическим состоянием в жизни.

Как мы видим, несмотря на низкие результаты лояльности сотрудников к исправительному учреждению, наблюдается тенденция к среднему уровню психологического благополучия, что означает более или менее удовлетворительное отношение к своей жизни. Сотрудник имеет негативное отношение к своей организации, не желает следовать её целям, задачам и идеям, но, несмотря на это, его эмоционально-психологическое состояние находится в норме.

С помощью математического метода Манна-Уитни нами был произведён расчёт для оценки различий между показателями психологического благополучия сотрудников с разным уровнем лояльности. Было выявлено, что полученные различия находятся в зоне незначимости.

Тем не менее процент сотрудников, имеющих низкий уровень психологического благополучия, ниже среди тех, кто имеет средний уровень лояльности, чем среди тех, кто имеет низкий уровень ло-

Таблица 1 / Table 1

Показатели психологического благополучия сотрудников с разным уровнем лояльности к организации / Indicators of psychological well-being of employees with different levels of loyalty to the organization

	Низкий уровень благополучия (%)	Средний уровень благополучия (%)
Лояльность отсутствует	10	90
Низкий уровень лояльности	32	68
Средний уровень лояльности	25	75

яльности. Неудовлетворённость своим положением в учреждении, непринятие некоторых её требований способствует снижению общего уровня психологического благополучия. В то же время процент низкого психологического благополучия самый небольшой среди тех, у кого отсутствует лояльность к организации. Это может быть связано с тем, что при полном безразличии к своей организации то, что происходит в рабочее время, человек вытесняет, старается обесценить, себя реализовать в других сферах, где себя будет чувствовать успешным и благополучным, и игнорировать в том числе и негативные оценки, связанные с производственной деятельностью.

**Описание компонентов
психологического благополучия
сотрудников с разным уровнем
лояльности к организации**

Далее мы сравнили удовлетворённость работой (методика «Шкала удовлетворённости работой» В. А. Розановой) сотрудников с разной лояльностью к ИУ, так как этот показатель является составляющей психологического благополучия. Мы предположили, что психологическое состояние человека зависит от того, как он относится к организации, в которой работает, в данном случае к исправительному учреждению. В таблице 2 представлены показатели удовлетворённости тру-

дом сотрудников с различным уровнем лояльности к организации.

В группе сотрудников с отсутствием лояльности отмечается 60% лиц, которые удовлетворены работой, т. е. большинство не имеют претензий к своему месту работы, их устраивают условия работы, заработная плата, рабочий коллектив и общение внутри коллектива, а также они удовлетворены организацией в целом. Те сотрудники, которые вполне удовлетворены работой, составляют 20% (сотрудники довольны своей работой вполне, т. е. в большей степени их устраивает своё место работы), 10% не вполне удовлетворены, 10% не удовлетворены работой вообще. Как видно, тех, кто не удовлетворён работой, меньшинство, сотрудники удовлетворены своей работой, т. е., несмотря на отсутствие лояльности, у сотрудников тем не менее наблюдается положительный фон психологического благополучия. Это может быть связано с уже описанным вытеснением значимости профессиональной деятельности из актуального состояния, признанием за работой удовлетворения только части потребностей («работаю ради денег, а эта составляющая меня вполне удовлетворяет»). Так как, несмотря на отсутствие лояльности к учреждению, сотрудник продолжает свою профессиональную деятельность, у него должна быть сформирована система оценок, которыми он

Таблица 2/ Table 2

Показатели удовлетворённости работой сотрудников с различным уровнем лояльности к организации / Job satisfaction indicators for employees with different levels of loyalty to the organization

	Удовлетворены работой (%)	Вполне удовлетворены работой (%)	Не вполне удовлетворены работой (%)	Не удовлетворены работой (%)
Лояльность отсутствует	60	20	10	10
Низкий уровень лояльности	39	32	24	5
Средний уровень лояльности	50	25	25	0

объясняет необходимость продолжения работы в организации, цели которой он не признаёт. Сотрудник не очень хорошо относится к своей рабочей организации, не признаёт её цели, идеи, но условиями труда, заработной платой и другими показателями труда он удовлетворён вполне.

В группе с низким уровнем лояльности сотрудники скорее удовлетворены своей работой, в группе со средним уровнем лояльности 50% сотрудников удовлетворены работой, вполне удовлетворены (25%), не вполне удовлетворены (25%), не удовлетворены работой (0%), что говорит о принятии своего места работы большинством.

Судя по показателям расчёта Манна-Уитни различия между группами сотрудников с разным уровнем лояльности статистически не значимы. Тем не менее

видно, что среди тех, кто имеет средний уровень лояльности к учреждению, отсутствуют те, кто полностью не удовлетворён работой, большее в сравнении с сотрудниками с низкой лояльностью к исправительному учреждению число лиц, удовлетворённых работой. Это показывает закономерное влияние на удовлетворённость трудом принятия учреждения и его требований, которое обуславливает благополучие сотрудника в профессиональной деятельности.

Из методики «Оценка доминирующего психического состояния» Л. В. Куликова для сравнения показателей нами были взяты шкалы: активность, спокойствие, удовлетворённость, бодрость, тонус, раскованность, устойчивость, положительный образ самого себя. В ходе обработки результатов были получены следующие данные, которые представлены в таблице 3.

Таблица 3/ Table 3

Показатели лояльности сотрудников к организации с различными шкалами психологического благополучия / Indicators of employee loyalty to the organization with different scales of psychological well-being

Шкалы	Уровни	Лояльность отсутствует	Низкий уровень лояльности	Средний уровень лояльности
Шкала «Активность» (%)	Низкий уровень	40	32	21
	Средний уровень	5	39	25
	Высокий уровень	55	29	54
Шкала «Спокойствие» (%)	Низкий уровень	12	0	40
	Средний уровень	50	37	63
	Высокий уровень	38	63	29
Шкала «Удовлетворённость» (%)	Низкий уровень	5	5	10
	Средний уровень	24	32	20
	Высокий уровень	71	63	80
Шкала «Бодрость» (%)	Низкий уровень	0	10	8
	Средний уровень	70	32	42
	Высокий уровень	30	58	50
Шкала «Тонус» (%)	Низкий уровень	0	10	8
	Средний уровень	40	9	50
	Высокий уровень	60	81	42
Шкала «Раскованность» (%)	Низкий уровень	0	11	0
	Средний уровень	0	8	25
	Высокий уровень	100	81	75

Шкалы	Уровни	Лояльность отсутствует	Низкий уровень лояльности	Средний уровень лояльности
Шкала «Устойчивость» (%)	Низкий уровень	70	18	42
	Средний уровень	30	11	58
	Высокий уровень	0	71	0
Шкала «Положительный образ самого себя» (%)	Низкий уровень	10	10	8
	Средний уровень	60	10	8
	Высокий уровень	30	80	84

В рамках данной статьи рассмотрим статистически значимые различия между группами сотрудников с разным уровнем лояльности по шкалам методики, полученные в результате подсчёта с помощью коэффициента Фишера. Статистически значимые различия между группами получились по трём показателям.

По шкале «Тонус» значимо больше сотрудников со средним уровнем лояльности и отсутствием лояльности имеют больше средних значений, чем сотрудники с низким уровнем лояльности ($p < 0,01$). Сотрудники с низким уровнем лояльности имеют больше высоких показателей, чем сотрудники со средним уровнем лояльности ($p < 0,01$). Это говорит о том, что сотрудники с низким уровнем лояльности к организации более активны, собраны во время решения экстренных задач, более готовы к длительным нагрузкам. Возможно, именно эти характеристики позволяют им при общей неудовлетворённости ситуацией на работе сохранять достаточную работоспособность.

По шкале «Устойчивость» значимо больше индивидов с низким уровнем в группе с отсутствием лояльности к организации, чем в других группах; значимо больше сотрудников с высоким уровнем устойчивости в группе с низким уровнем лояльности к исправительному учреждению, чем в других группах ($p < 0,01$). Можно предположить, что сотрудники с отсутствием лояльности к организации вследствие этого имеют неустойчивое эмоциональное состояние. При этом сотрудники с низким уровнем лояльности,

по-видимому, способны контролировать свои эмоции, переключаясь на другие значимые сферы, чтобы иметь возможность сохранять своё благополучие.

Кроме того, сотрудники с низким и средним уровнем лояльности к организации имеют значимо чаще высокий уровень положительного образа самого себя, чем сотрудники с отсутствием лояльности к исправительному учреждению ($p < 0,01$). Возможно, непринятие своего учреждения сказывается на представлении себя, по крайней мере, себя как профессионала, что влияет на создание собственного положительного образа.

С помощью математического метода коэффициента корреляции Спирмена мы посчитали корреляционную связь между показателями «лояльность» и «психологическое благополучие» ($r = 0,162$), а также со всеми шкалами по методике «Оценка доминирующего психического состояния» («Лояльность» – «Активность» $r = 0,068$; «Лояльность» – «Спокойствие» $r = 0,018$; «Лояльность» – «Удовлетворённость» $r = 0,211$; «Лояльность» – «Бодрость» $r = -0,085$; «Лояльность» – «Тонус» $r = -0,122$; «Лояльность» – «Раскованность» $r = 0,084$; «Лояльность» – «Устойчивость» $r = -0,031$; «Лояльность» – «Положительный образ самого себя» $r = -0,062$). Статистически значимых связей между показателями выявлено не было.

Таким образом, несмотря на низкий уровень лояльности к организации (т. е. недобросовестное отношение к организации, игнорирование её интересов и

целей), сотрудники более или менее удовлетворены своей жизнью в целом и собой, имеют цели в жизни, коммуникации с другими людьми, ощущают гармонию в своей жизни и видят в ней смысл.

Заключение

В ходе психодиагностического исследования было выявлено, что взаимосвязь лояльности сотрудников и их психологического благополучия очень низкая. Сотрудники, которые испытывают негативные чувства по отношению к своей рабочей организации, более или менее удовлетворены своей жизнью, поэтому влияния лояльности на психическое состояние личности выявлено не было. Однако стоит обратить внимание на то, что в результате исследования не было выявлено сотрудников с высоким уровнем психологического благополучия, а также сотрудников с высоким уровнем лояльности. Помимо этого, была выявлена группа сотрудников, которые абсолютно не лояльны к организации, при этом имеют средний уровень психологического благополучия. Это говорит о том, что в учреждении у некоторых сотрудников имеются психологические проблемы, связанные с неудовлетворённостью работой и жизнью в целом. Вероятно, причиной подобных состояний может быть психоэмоциональное напряжение из-за тяжёлых условий труда. У сотрудников накапливаются негативные эмоции, переживания, что может приводить к эмоциональному выгоранию, стрессу и депрессивным состояниям.

В связи с этим необходимо оказание сотрудникам психологической помощи, направленной на повышение уровня

психологического благополучия и лояльности к организации. Целесообразным считаем наметить пути и цели дальнейшей работы для решения данной проблемы. Мы думаем, что важно включить в психологическую работу пенитенциарного психолога мероприятия, способствующие повышению уровня лояльности сотрудников и их психологического благополучия, также важно проводить плановую диагностику состояния дел в рабочем коллективе, проводить опросы, в которых сотрудники могут высказывать своё мнение, организовывать активную работу с персоналом. Подобным образом можно улучшить общее отношение сотрудников к организации и повысить их уровень психологического благополучия.

Кроме того, проведённое исследование и полученные результаты имеют практическую, социальную и научную значимость, так как, опираясь на статистику, мы можем наблюдать тенденцию снижения уровня лояльности и психологического благополучия у сотрудников. Продолжение работы по теме может дать возможность изучения проблемы в данной сфере дальше и нахождения способов её решения для поднятия престижа и улучшения сферы деятельности уголовно-исполнительной системы, повышения работоспособности и ответственности сотрудников за свою деятельность. Возможны изучение отдельных компонентов психологического благополучия, а также увеличение выборки за счёт числа сотрудников одного учреждения и/или сотрудников других организаций для более масштабного изучения вопроса.

Статья поступила в редакцию 09.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Н. Е. Лояльность персонала как феномен // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2. С. 23–28.
2. Куликов Л. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью // Общество и политика / под ред. В. Ю. Большакова. СПб., 2000. С. 476–510.
3. Лобанова Е. С. Феномен психологического благополучия и его роль в служебной деятельности сотрудников УИС // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблема наказания и испол-

- нения: сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Вологда, 6 декабря 2019, в 2 ч. / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2020. С. 162–166.
4. Орлова Д. Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 1. Психологические и педагогические науки. 2015. № 1. С. 28–36.
 5. Соломатина В. А. Структура психологического благополучия личности: обзор зарубежных подходов // Прикладная психология на службе развивающейся личности. Сборник научных статей и материалов XVI научно-практической конференции с международным участием. Коломна, 2019. С. 160–164.
 6. Фомина О. О. Благополучие личности: проблемы и подходы к исследованию в отечественной психологии // Мир науки: [сайт]. 2016. Т. 4. № 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN616.pdf> (дата обращения: 17.11.2020).
 7. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.
 8. Allen N. J., Meyer J. P. The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization // *Journal of Occupational Psychology*. 1990. № 63. P. 1–18.
 9. O'Malley M. Creating commitment: How to attract and retain talented employees by building relationships that last. John Wiley & Son, Inc., 2000. 259 p.

REFERENCES

1. Ivanova N. E. [Staff loyalty as a phenomenon]. In: *Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management], 2019, no. 2, pp. 23–28.
2. Kulikov L. V. [Determinants of life satisfaction]. In: Bolshakov V. Yu., ed. *Obshchestvo i politika* [Society and politics]. St. Petersburg, 2000, pp. 476–510.
3. Lobanova E. S. [The phenomenon of psychological well-being and its role in the performance of UIS employees]. In: Nekrasova V. N., ed. *Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problema nakazaniya i ispolneniya: Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Vologda, 6 dekabrya 2019* [Criminal punishment in Russia and abroad: the problem of punishment and execution: Collection of materials of the international scientific and practical conference, Vologda, December 6, 2019]. Vologda, 2020, pp. 162–166.
4. Orlova D. G. [Psychological and Subjective Well-Being: Definition, Structure, Research (Review of Contemporary Sources)]. In: *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 1. Psychological and pedagogical sciences], 2015, no. 1, pp. 28–36.
5. Solomatina V. A. [The structure of the psychological well-being of the individual: a review of foreign approaches]. In: *Prikladnaya psikhologiya na sluzhbe razvivayushcheysya lichnosti: sbornik nauchnykh statei i materialov XVI nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Applied psychology at the service of a developing personality: Collection of scientific articles and materials of the XVI scientific-practical conference with international participation]. Kolomna, 2019, pp. 160–164.
6. Fomina O. O. [Personal well-being: problems and approaches to research in Russian psychology]. In: *Mir nauki* [The world of science]. 2016, vol. 4, no. 6. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN616.pdf> (accessed: 17.11.2020).
7. Shevelenkova T. D., Fesenko P. P. [Psychological well-being of the individual (overview of concepts and research methodology)]. In: *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 2005, no. 3, pp. 95–129.
8. Allen N. J., Meyer J. P. The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization. In: *Journal of Occupational Psychology*, 1990, no. 63, pp. 1–18.
9. O'Malley M. Creating commitment: How to attract and retain talented employees by building relationships that last. 2000. 259 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецова Дарья Анатольевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России;
e-mail: d_dobrova@mail.ru

Касиян Мария Михайловна – психолог ФКУ ИК-25 УФСИН России по республике Коми;
e-mail: maschulia2014@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Darya A. Kuznetsova – Cand. Sci. (Psychology), senior lecturer of the Department of General Psychology, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia;
e-mail: d_dobrova@mail.ru

Maria M. Kasiyan – psychologist, Federal Correctional facility Penal colony N 25 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Komi Republic;
e-mail: maschulia2014@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кузнецова Д. А., Касиян М. М. Психологическое благополучие сотрудников с различным уровнем лояльности к организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 97–106.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-97-106

FOR CITATION

Kuznetsova D. A., Kasiyan M. M. Psychological well-being of employees with different levels of loyalty to the organization. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 97–106.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-97-106

УДК 159.923.07

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-107-116

АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ «ШКАЛА АТТИТЮДОВ КО ВРЕМЕНИ» Ж. НЮТЕННА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ ОТНОШЕНИЯ КО ВРЕМЕНИ У ЯПОНСКИХ СТУДЕНТОВ

Трушина И. А.¹, Честюнина Ю. В.¹, Забелина Е. В.¹, Телицына А. Ю.²

¹ Челябинский государственный университет

454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, Российская Федерация

² Высшая школа экономики (национальный исследовательский университет)

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Проведение языковой и культурной адаптации японской версии «Шкалы аттитюдов ко времени» Ж. Нюттена.

Процедура и методы. Посредством эксплораторного факторного анализа выявлена структура методики и выделены предположительные шкалы. Конфирматорный факторный анализ позволил дифференцировать 3 шкалы методики. Надёжность шкал проверялась с применением метода альфа Кронбаха. С помощью корреляционного анализа выявлялась связь шкал с показателями временной перспективы по Опроснику временной перспективы Ф. Зимбардо.

Результаты. В статье представлены процедура и результаты адаптации методики «Временные аттитюды» Ж. Нюттена. Обсуждаются результаты применения адаптированной методики в кросскультурном исследовании.

Теоретическая и/или практическая значимость. Языковая и культурная адаптация японской версии «Шкалы аттитюдов ко времени» Ж. Нюттена даёт возможность для проведения кросс-культурных русско-японских исследований восприятия времени.

Ключевые слова: адаптация методики, отношение ко времени, временные аттитюды, студенты, Япония

ADAPTATION OF J. NUTTIN'S METHODOLOGY "SCALE OF ATTITUDES TOWARDS TIME" FOR DETERMINING ATTITUDES TOWARDS TIME AMONG JAPANESE STUDENTS

I. Trushina¹, Yu. Chestyunina¹, E. Zabelina¹, A. Telitsyna²

¹ Chelyabinsk State University

129, Brat'ev Kashirinyh ul., Chelyabinsk 454001, Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya ul., Moscow, 10100, Russian Federation

Abstract.

Aim. Linguistic and cultural adaptation of the Japanese version of J. Nuttin's "Scale of attitudes towards time".

Methodology. Using exploratory factor analysis, the structure of the technique and hypothetical scales were identified. The confirmatory factor analysis allowed differentiating three scales of the technique. The reliability of the scales was checked by Alpha-Cronbach's method. The results of the

correlation analysis revealed the interrelation of the scales and indicators of time perspective according to F. Zimbardo's "Time perspective questionnaire".

Results. The article presents the procedure and results of adaptation of the technique "Attitudes towards time" by J. Nuttin to diagnose the attitude to the past, present and future of Japanese students.

Research implications. Linguistic and cultural adaptation of the Japanese version of J. Nuttin's technique "Attitudes towards time" enables to perform cross-cultural Russian-Japanese research of attitude towards time.

Keywords: adaptation of technique, time perception, time attitudes, students, Japan

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-013-00201 А ««Психологическое время личности, включённой в процесс глобализации»».

ACKNOWLEDGMENT

The article was carried out within the framework of the RFBR grant no. 18-013-00201 A "Psychological time of the person involved in the process of globalization"

Введение

Глобализация общества приводит к необходимости изучения и сопоставления временных моделей, так как это может во многом облегчить контакты цивилизаций [1]. Это, в свою очередь, активизирует интерес учёных к проведению кросс-культурных исследований, направленных на изучение восприятия прошлого, настоящего и будущего. Такого рода проблемам, по словам Т. А. Нестика [7], посвящено целое направление исследований – кросс-культурное, объединяющее труды зарубежных (Левинт, 1997; Арман, Адэр, 2012; Фулмер и др., 2014) и отечественных (Лебедева, Татарко, 2009; Шилова, 2005 и др.) психологов. Однако осуществление подобного рода исследований требует адаптации психодиагностического инструментария.

У каждого человека есть собственное отношение к прошлому, настоящему и будущему. Это отношение – фундаментальный и неосознаваемый процесс, который оказывает влияние на восприятие событий своей жизни. Временные attitudes личности определяются и характеристиками ситуации и индивидуальными предпочтениями, последние достаточно

стабильны и зависят от культурных факторов и социальной принадлежности.

«Шкала attitudes ко времени» Ж. Нюттена [12] позволяет выявить отношение не только к будущему, но и к настоящему и прошлому. В теории Ж. Нюттена attitudes ко времени отражают комплекс чувств, которые испытывает человек в отношении определённого периода жизни. Так как представление о времени конструируется социально, отношение к прошлому, настоящему, будущему отражает жизненные установки и ценности человека. Методика Ж. Нюттена активно используется в отечественных исследованиях, после того как была адаптирована на российской выборке К. Муздыбаевым [3].

Методика достаточно проста в диагностике и обработке, не требует больших временных затрат при заполнении бланка. В основе методики лежит ассоциативный принцип, что делает её достаточно универсальной для восприятия и воспроизведения в разных культурах.

Таким образом, целью настоящей работы стало проведение языковой и культурной адаптации японской версии методики «Шкала attitudes ко времени»

Ж. Нюттена для последующего проведения кросс-культурных русско-японских исследований восприятия времени. В исследовании решались следующие задачи. Во-первых, посредством эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент с Варимакс-вращением) выявить структуру методики и выделить предположительные шкалы. Во-вторых, проверить факторную валидность шкал методики с помощью конфирматорного факторного анализа. В-третьих, изучить конвергентную валидность методики – выявлялась связь шкал с показателями временной перспективы (Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо).

Для проведения исследования были выбраны представители японской и российской молодёжи. Юношеский возраст для адаптации методики был выбран неслучайно, поскольку в этот временной период «... обращённость в будущее приобретает роль главной психологической составляющей самоопределения и жизненного пути, формирования межличностных отношений, саморазвития, карьерно-профессиональных ориентаций. К 20-ти годам развитие функциональной (физиологической) основы процессов достигает максимума (заканчивается период фронтального развития психических функций). Развивается социально-личностная антиципация, отношения строятся на основе прогнозирования поведения в дружеских и коллективных отношениях» [2, с. 61].

Сама идея кросскультурного исследования отношения ко времени в Японии появилась потому, что Япония как яркая, самобытная, особенная во многих смыслах страна даже географически отделена от остального мира, следовательно, можно ожидать, что она наименее подвержена процессам глобализации. Она является одним из самых развитых государств мира с высоким уровнем жизни, с тысячелетней историей, самобытной культурой и традициями, высоким уровнем продолжительности жизни

и низким уровнем младенческой смертности. Страна густонаселена: по данным 2018 г. в ней проживает 126 225 000 человек на небольшой площади – 377 944 км¹. По этому показателю маленькая Япония уступает огромной России всего на 17,2 млн человек. Исходя из этого, Япония интересна как объект исследования, благодаря самобытности культуры, высокому уровню экономического развития.

Метод и процедура

Методика Ж. Нюттена «Шкала аттитудов ко времени» основана на принципе семантического дифференциала Ч. Осгуда, который представляет собой биполярные пары прилагательных, где на одном полюсе находится положительный аттитюд, а на другом – противоположный ему, отрицательный, в соответствии с которыми респондентам необходимо определить своё отношение ко времени по 15 параметрам [12]. Параметры включают эмоциональное отношение, ценностное отношение и личностный контроль времени (прошлого, настоящего, будущего): приятное – неприятное; насыщенное событиями – бедное событиями; безопасное – страшное; прекрасное – ужасное; исполненное надежд – безнадежное; быстро проходящее – долго тянущееся; лёгкое – трудное; успешное – неудачное; интересное – скучное; значительное – незначительное; светлое – тёмное; свободное – несвободное; осмысленное – бессмысленное; активное – пассивное; моё – чужое [12].

Для оценки отношения ко времени использовалась 7-балльная шкала: положительный полюс оценивается 1 баллом, а отрицательный – 7-баллами, нейтральная позиция – 4 балла.

Все утверждения переведены на японский язык. Для обеспечения достоверных результатов на японской выборке была установлена функциональная эквивалентность русскоязычной и японоязычной версий «Временных аттитудов» (представлена в приложении) с помощью

метода прямого и обратного перевода [10]. Сначала на японский язык были переведены 15 антонимичных пар, отражающих отношение к прошлому, настоящему и будущему. Далее эксперты в области лингвистики и перевода оценили эти определения на точность передачи смысла. Затем был выполнен обратный перевод на русский язык всех определений с тем, чтобы сохранить первоначальное их значение.

Бланк методики был представлен респондентам в бумажном варианте, объяснялась цель исследования, у них была возможность задать вопрос. Время заполнения в среднем составило 3–5 минут.

В исследовании приняли участие 330 молодых людей, обучающихся в высших учебных заведениях Японии по направлениям: социальные науки, свободное искусство, из них 170 юношей, 160 девушек в возрасте от 18 до 24 лет, средний возраст – 21 год.

Результаты

На первом этапе, разрешая задачу изучения структуры методики и выделения предположительных шкал, был применён метод эксплораторного факторного анализа по методу главных компонент с Варимакс-вращением (результаты представлены в таблице 1).

Таблица 1 / Table 1

Факторное отображение структуры временных аттитюдов на выборке японских студентов / Factor structure of time attitudes on the sample of Japanese students

Утверждения	Факторы		
	1	2	3
будущее 11	,826		
будущее 5	,760		
будущее 4	,756		
будущее 8	,755		
будущее 14	,739		
будущее 1	,711		
будущее 9	,710		
будущее 12	,692		
будущее 13	,654		
будущее 10	,625		
будущее 2	,536		
будущее 3	,512		
будущее 15	,446		
настоящее 4		,824	
настоящее 11		,815	
настоящее 1		,726	
настоящее 9		,675	
настоящее 14		,670	
настоящее 8		,620	
настоящее 5		,618	
настоящее 12		,618	
настоящее 2		,562	
настоящее 10		,512	

Утверждения	Факторы		
	1	2	3
настоящее 15		,477	
настоящее 3		,458	
прошлое 4			,799
прошлое 1			,796
прошлое 11			,762
прошлое 5			,703
прошлое 12			,664
прошлое 3			,645
прошлое 8			,567
прошлое 7			,554
прошлое 14			,477
доля объяснимой дисперсии, %	17,4	14,2	12,9

Результаты эксплораторного факторного анализа позволили выделить 3 фактора, в которые вошли соответственно утверждения, описывающие будущее, настоящее и прошлое. Однако часть утверждений с коэффициентами менее 0,4 была исключена из методики. К этим утверждениям относятся «быстро проходящее – долго тянущееся» (для всех времён), «лёгкое – трудное» (для настоящего и будущего времени), «осмысленное – бессмысленное» (для настоящего и прошлого), а также несколько утверждений, описывающих прошлое: «насыщенное событиями – бедное событиями», «интересное – скучное», «значительное – незначительное», «моё – чужое». Таким образом, наиболее «проблемным» для оценивания японскими студентами оказалось отношение к прошлому.

На следующем этапе с целью проверки факторной валидности шкал методики применялся конфирматорный факторный анализ (КФА) с использованием программы моделирования структурными уравнениями IBM SPSS AMOS 22 [4; 11]. Применение КФА позволяет получить ответы на три вопроса, принципиальных при разработке многошкального опросника: 1. Действительно ли каждый пункт опросника статистически значимо

связан с данной шкалой? 2. Является ли связь каждого пункта с другими шкалами, к которым этот пункт не относится, пренебрежимо малой (равной нулю)? 3. Отличается ли дисперсия каждого фактора (шкалы) статистически достоверно от нуля (в противном случае это фиктивная шкала, с нулевой дискриминативностью) [5; 6; 8]?

Итоговая (апостериорная) модель состоит из трёх факторов и хорошо соответствует исходным данным по показателям индексов согласия: CMIN = 814.728; df = 422; $p = 0.000$; GFI = 0.874; CFI = 0.949; RMSEA = 0.053. Все оцениваемые параметры модели статистически достоверны: регрессионные коэффициенты ($p < 0,001$), дисперсии латентных переменных (шкал) ($p < 0,001$) и ковариаций (корреляций) между ошибками ($p < 0,05$). Корреляции между шкалами: 2 и 3 ($p < 0,001$), 3 и 1 ($p < 0,001$), 1 и 2 ($p < 0,001$) – статистически достоверны.

Далее осуществлялась проверка надёжности и факторной валидности шкал. С помощью метода альфа Кронбаха надёжность шкал была проверена по внутренней согласованности входящих в них пунктов с применением, с вычислением общего показателя альфа для каждой шкалы. Полученные значения: для шкалы

«Отношение к будущему» (0,932), шкалы «Отношение к настоящему» (0,912) и для шкалы «Отношение к прошлому» (0,893).

Далее, с целью проверки конвергентной валидности методики выявлялась

связь шкал с показателями временной перспективы (Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо). Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Результаты корреляционного анализа отношения к прошлому, настоящему, будущему времени со шкалами Опросника временной перспективы Ф. Зимбардо / The results of the correlation analysis of the attitudes to the past, present, future time with the scales of the Time Perspective Questionnaire by P. Zimbardo

	негативное прошлое	гедонистическое настоящее	будущее	позитивное прошлое	фаталистическое настоящее
отношение к прошлому	,398**	-,187**	-0,031	-,384**	0,030
отношение к настоящему	,258**	-,285**	-,129*	-,225**	0,056
отношение к будущему	,272**	-,214**	-0,084	-,278**	,149**
** значимость на уровне 0,01 (двухсторонняя).					
* значимость на уровне 0,05 (двухсторонняя).					

По результатам корреляционного анализа видно, что негативные аттитюды ко времени положительно коррелируют со шкалой «Негативное прошлое», а негативное отношение к прошлому – со шкалой «Фаталистическое настоящее». В то время как позитивные временные аттитюды

связаны со шкалами «Гедонистическое настоящее», «Позитивное прошлое», т. е. позитивное отношение к настоящему коррелирует со шкалой «Будущее».

Далее приведены описательные статистики у юношей и девушек (таблица 3).

Таблица 3 / Table 3

Описательные статистики шкал методики временных аттитюдов на выборке японских студентов / Descriptive statistics of time attitudes scales on the sample of Japanese students

Шкалы	Минимум		Максимум		Среднее		Среднекв. отклонение		Дисперсия	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
отношение к прошлому	1,00	1,20	6,47	6,33	3,45	3,30	,917	,99	,842	1,000
отношение к настоящему	1,00	1,00	5,87	6,67	3,26	3,00	,972	1,02	,946	1,053
отношение к будущему	1,00	1,00	6,67	6,73	3,30	3,20	1,12	1,16	1,258	1,359

Обсуждение результатов

Следует обратить внимание на определения, не вошедшие в факторную струк-

туру временных аттитюдов на японской выборке. Необходимо учитывать, что для японских студентов сложно определить

субъективную длительность времени (определения «быстро проходящее – долго тянущееся»). Трудность также вызывает экзистенциальная оценка событий, происходящих в настоящем и будущем (определения «осмысленное – бессмысленное»). Однако наиболее «проблемным» для оценивания для японских студентов оказалось отношение к прошлому. Вероятно, сосредоточенность на настоящем как национальная черта японцев затрудняет доступ к оценке событий прошлого.

Результаты корреляционного анализа показывают, что восприятие японскими студентами своего прошлого как неприятного, связанного с трагическими событиями, ассоциируется в целом с негативным отношением ко времени. Чем более выражено восприятие событий прошлого как травмирующих, связанных со страданием и болью, тем больше негативная эмоциональная окраска жизненных событий в целом. И наоборот, как показывают корреляции со шкалой «Позитивное прошлое», чем более выражено восприятие прошедших событий как радостных, светлых, полных удовольствия и любви, тем более положительно респонденты относятся не только к прошлому, но и к настоящему и будущему.

Восприятие настоящего как полного удовольствий и радости, стремление наслаждаться жизнью в каждом моменте связаны у студентов-японцев с позитивным, радостным отношением не только к настоящему, но и к своему прошлому и будущему. Вероятно, гедонизм как выраженная черта современной японской молодёжи поддерживает их позитивный психологический настрой в целом, являясь их важным жизненным ресурсом. Любопытно, что нежелание японских студентов задумываться о своем будущем, планировать его связано с положительным отношением к настоящему. В этом факте можно увидеть следы предыдущей взаимосвязи, поскольку фокус на гедонистическом настоящем действительно

редуцирует стремление заботиться о будущих последствиях своих действий.

Восприятие событий настоящего как данных свыше и не зависящих от собственной воли и усилий связаны с негативным эмоциональным отношением к будущему. Несмотря на то, что фатализм отмечается как одна из характеристик японской ментальности, вероятно, очень высокий его уровень может приводить к негативным психологическим эффектам, например, снижать уверенность студентов в своём будущем.

Применение адаптированной методики для выявления особенностей отношения ко времени японских студентов [9] показывает интересные результаты. У студентов из России и Японии наибольшее количество значимых различий выявлено в отношении к будущему. Российская молодёжь более оптимистично (иногда крайне оптимистично) оценивает своё будущее, чем японская. В целом оценка будущего положительная в обеих группах: оно рассматривается как приятное, насыщенное событиями, светлое, прекрасное, безопасное, исполненное надежд. Результаты соотносятся с результатами, полученными Ю. В. Честюниной, Е. В. Забелиной, о том, что российские студенты проявляют некоторую наивность и инфантилизм в отношении будущего, не прогнозируют рисков и не готовятся к возможным трудностям, в то время как японцы в силу национальных традиций, практически с рождения ориентированы на занятие своего места в социуме, поэтому будущее для них более понятно и определено [9].

Заключение

В ходе работы были получены надёжные, внутренне согласованные шкалы японоязычной версии «Шкалы аттитудов ко времени» Ж. Нюттена. Результаты корреляционного анализа позволяют говорить о достаточной конвергентной валидности методики. Данный вариант методики может применяться в кросс-

культурных исследованиях психологии времени с участием представителей Японии. Для уточнения полученных данных необходимо расширение выборки с

включением респондентов различного возраста из разных регионов Японии.

Статья поступила в редакцию 14.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Доброницкая А. В. Особенности временных ориентаций // Молодой ученый. 2017. № 8. С. 260–262.
2. Михальский А. В. Психология времени (хронopsихология): учебное пособие. М., 2016. 72 с.
3. Муздыбаев К. Переживание времени в момент кризисов // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 5–21.
4. Наследов А. Д. IBM SPSS 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб., 2013. 416 с.
5. Наследов А. Д., Киселева Л. Б. Адаптация «Опросника перфекционизма» для диагностики перфекционистских установок студентов первого курса технических вузов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 44–64.
6. Наследов А. Д., Семенов В. Ю. Модификация шкалы социального интеллекта Tromso для российских школьников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. Вып. 4. С. 5–21.
7. Нестик Т. А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: дис. ... докт. психол. наук. М., 2015. 479 с.
8. Славинская И. С., Наследов А. Д., Дворецкая М. Я. Разработка методики диагностики нравственных ориентаций // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 1 (45). URL: <http://ej.soc-journal.ru> (дата обращения: 27.07.2019).
9. Честюнина Ю. В., Забелина Е. В. Отношение ко времени в эпоху глобализации (на материале кросс-культурного исследования молодежи из России и Японии) [Электронный ресурс] // Ломоносов-2018: материалы конференции. URL: http://www.psy.msu.ru/science/conference/lo-monosov/2018/materials/13534/69351_uid244897_report.pdf (дата обращения: 27.07.2019).
10. Brislin R. W. The wording and translation of research instruments // ed. W. J. Lonner, J. W. Berry. Field methods in cross-cultural research. Beverly Hills, CA. 1986. P. 137–164.
11. Byrne B. M. Structural Equation Modeling with AMOS: Basic Concepts, Applications, and Programming. 2nd ed. New York, 2010. 396 p. (Multivariate applications series).
12. Nuttin J. M. Motivatio, Actin and Future time Perspective. Moscow, 2004. 608 p.

REFERENCES

1. Dobronitskaya A. V. [Features of temporal orientations]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2017, no. 8, pp. 260–262. Available at: <https://moluch.ru/archive/142/40012/> (accessed: 27.07.2019).
2. Mikhalsky A. V. *Psikhologiya vremeni (khronopsikhologiya)* [Psychology of Time (Chronopsychology)]. Moscow, 2016, 72 p.
3. Muzdybaev K. [Experiencing time in times of crises]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2000, vol. 21, no. 4, pp. 5–21.
4. Nasledov A. D. *IBM SPSS 20 i AMOS: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh* [IBM SPSS 20 and AMOS: Professional Statistical Data Analysis]. St. Petersburg, 2013. 416 p.
5. Nasledov A. D., Kiseleva L. B. [Adaptation of the “Perfectionism Questionnaire” for the diagnosis of perfectionist attitudes of first-year students of technical universities]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy], 2016, no. 3, pp. 44–64.
6. Nasledov A. D., Semenov V. Yu. [Modification of the Tromso Social Intelligence Scale for Russian Schoolchildren]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy], 2015, no. 4, pp. 5–21.
7. Nestik T. A. *Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya gruppovogo otnosheniya k vremeni: dis. ... dokt. psikh. nauk* [Socio-psychological determination of group attitude to time: D. thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2015. 479 p.
8. Slavinskaya I. S., Nasledov A. D., Dvoretzskaya M. Ya. [Development of the diagnosing moral orientations method]. In: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhur-*

- nal) [Modern research of social problems (electronic scientific journal)], 2015, no. 1 (45), pp. 3–26. Available at: <http://ej.soc-journal.ru> (accessed: 27.07.2019).
9. Chestyunina Yu. V., Zabelina E. V. [Attitude to time in the era of globalization (based on a cross-cultural study of young people from Russia and Japan)]. In: *Lomonosov-2018: materialy konferentsii*. [Lomonosov-2018: Materials of the conference]. Available at: http://www.psy.msu.ru/science/conference/lomonosov/2018/materials/13534/69351_uid244897_report.pdf (accessed: 27.07.2019).
 10. Brislin R. W. The wording and translation of research instruments. In: Lonner W. J., Berry J. W., eds. *Field methods in cross-cultural research*. Beverly Hills, 1986, pp. 137–164.
 11. Byrne B. M. *Structural Equation Modeling with AMOS: Basic Concepts, Applications, and Programming*. New York, 2010. 396 p.
 12. Nuttin J. M. *Motivatio, Actin and Future time Perspective*. Moscow, 2004. 608 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трушина Ирина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей и профессиональной педагогики Челябинского государственного университета;
e-mail: trushina_ia@mail.ru

Честюнина Юлия Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры специальной и клинической психологии Челябинского государственного университета;
e-mail: butterfly61@yandex.ru

Забелина Екатерина Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры специальной и клинической психологии Челябинского государственного университета;
e-mail: katya_k@mail.ru

Телицына Александра Юрьевна – кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, НИУ ВШЭ;
e-mail: atelitsyna@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Trushina – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Department of General and Professional Pedagogics, Chelyabinsk State University;
e-mail: trushina_ia@mail.ru

Yulia V. Chestyunina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Department of Special and Clinical Psychology, Chelyabinsk State University;
e-mail: butterfly61@yandex.ru

Ekaterina V. Zabelina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Department of Special and Clinical Psychology, Chelyabinsk State University;
e-mail: katya_k@mail.ru

Alexandra Yu. Telitsyna – Cand. Sci. (Biology), Assoc. Prof., Centre for Studies of Civil Society and Nonprofit Sector, National Research University Higher School of Economics;
e-mail: atelitsyna@hse.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Адаптация методики «Шкала аттитудов ко времени» Ж. Нюттенна для диагностики отношения ко времени у японских студентов / И. А. Трушина, Ю. В. Честюнина, Е. В. Забелина, А. Ю. Телицына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 107–116.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-107-116

FOR CITATION

Trushina I. A., Chestyunina Y. V., Zabelina E. V., Telitsyna A. Yu. Adaptation of J. Nuttin's methodology "Scale of attitudes towards time" for determining attitudes towards time among Japanese students. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 107–116.

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-107-116

Приложение**Бланк японоязычной версии методики «Временные аттитюды»**

過去への思いに評価をつけなさい。

愉快	1 2 3 4 5 6 7	不愉快
起伏に富んでいる	1 2 3 4 5 6 7	起伏に乏しい
安全	1 2 3 4 5 6 7	恐怖
よい	1 2 3 4 5 6 7	ひどい
希望がある	1 2 3 4 5 6 7	希望がない
すぐに過ぎ去る	1 2 3 4 5 6 7	長く続く
容易	1 2 3 4 5 6 7	困難
成功	1 2 3 4 5 6 7	失敗
興味深い	1 2 3 4 5 6 7	つまらない
重要	1 2 3 4 5 6 7	意義がない
明るい	1 2 3 4 5 6 7	暗い
自由	1 2 3 4 5 6 7	不自由
知的	1 2 3 4 5 6 7	無分別
活動的	1 2 3 4 5 6 7	受動的
よく知っている	1 2 3 4 5 6 7	よく知らない

РАЗДЕЛ III.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЭРГОНОМИКА

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-117-126

МОТИВАЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ СПЕЦИАЛИСТОВ С ПЕДАГОГИЧЕСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ, ПРОХОДЯЩИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПЕРЕПОДГОТОВКУ В ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЕ

Хаидов С. К.¹, Басин М. А.²

¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
300026, г. Тула, пр-т Ленина, д. 125, Российская Федерация

² Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального
образования «Национальный исследовательский институт дополнительного образования
и профессионального обучения»
117556, г. Москва, Черноморский б-р, д. 4, корп. 3, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить особенности мотивации обучающихся, поступивших на дистанционную форму профпереподготовки по педагогике, как детерминации личностно-профессиональных качеств.

Процедура и методы. В ходе работы над статьёй был осуществлён теоретический анализ последних исследований в области мотивации и личностно-профессиональных качеств. При проведении исследования использовались методы анкетирования, тестирования, обобщения, интерпретации данных, методы математической статистики.

Результаты. По итогам исследования были выделены личностно-профессиональные качества и описана их специфика, а также мотивационный аспект у обучающихся, проходящих профессиональную переподготовку на педагогическую специальность, но уже имеющих педагогическое образование.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию психологии труда, расширяют представления о мотивации специалистов с педагогическим образованием, стремящихся к дополнительному образованию. Результаты значимы в практике профпереподготовки при создании образовательных курсов и программ.

Ключевые слова: личностно-профессиональные качества, дистанционное образование, профессиональная переподготовка, мотивация

MOTIVATION AS A DETERMINANT OF PERSONAL-PROFESSIONAL QUALITIES OF SPECIALISTS WITH PEDAGOGICAL EDUCATION UNDERGOING PROFESSIONAL RETRAINING IN A REMOTE FORM

S. Khaidov¹, M. Basin²

¹ *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125 Lenin prosp., Tula 300026, Russian Federation*

² *Autonomous non-profit organization of additional professional education
“National Research Institute of Additional Education and Professional Training”
4, Chernomorsky bulv, bldg. 3, room V, office 1, Moscow 117556, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the features of students' motivation, undergoing the remote form of vocational training in pedagogy, as determination of personal and professional qualities.

Methodology. During the work on the article a theoretical analysis of the latest research in the field of motivation and personal and professional qualities was carried out. Methods of questioning, testing, generalization, and interpretation of data were used in the study. Methods of mathematical statistics.

Results. According to the results of the study, personal and professional qualities were identified and their specifics were described, as well as the motivational aspect of students undergoing professional retraining for a pedagogical speciality, but when they already have pedagogical education.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of labor psychology, expand the understanding of the motivation of specialists with pedagogical education seeking additional education. The results are significant in the practice of professional retraining when creating educational courses and programs.

Keywords: Personal and professional qualities, distance education, professional retraining, motivation

Введение

Проблема исследования личностно-профессиональных качеств (далее ЛПК) учителей, способствующих прохождению профессиональной переподготовки в дистанционном формате, обусловлена резким повышением значимости цифровизации образования. В свою очередь, его важность вызвана сочетанием ряда объективных (социальных, экономических, эпидемиологических, информационно-технологических, временных затрат и пр.) и субъективных факторов, связанных с самоосознанием и самовосприятием своей профессии в окружающей социальной среде. Объективные факторы конкретизируются в следующих показателях: развитие интернета (цифровизацией образования), возможностью получения образования, не выходя из дома или без отрыва от профессиональной деятельности (т. е. обучение в сво-

бодное от работы время), без длительных поездок в образовательные учреждения, экономия средств на сопровождающее обучение расходы (которые для определённой группы лиц создают непреодолимые препятствия в профессиональном развитии). На сегодняшний день неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая ситуация, вызванная пандемией новой коронавирусной инфекции, обострила актуальность профессиональной переподготовки в дистанционной форме. В данном аспекте интересны исследования иностранных учёных, которые раньше отечественных специалистов обратили внимание на смешанное обучение, т. е. на формат дистанционного обучения посредством интернет-технологий, в котором присутствуют как онлайн-, так и офлайн-средства [13; 14].

Под личностно-профессиональными качествами (ЛПК) специалистов мы по-

нимаем качества личности, обеспечивающие профессиональное развитие. В то же время ЛПК являются составляющей частью профессионально важных качеств.

В связи с вышесказанным, нами выделена научная проблема, связанная с необходимостью исследования специфики мотивации, обуславливающей особенности личностно-профессиональных качеств у субъектов труда, имеющих педагогическое образование и стремящихся к получению новой педагогической специальности путём дистанционной профессиональной переподготовки.

Гипотеза исследования: специалисты, проходящие профессиональную переподготовку по педагогическим направлениям и ранее уже получившие педагогическое образование любого вида, а также реализующие себя в педагогической практике, обладают специфическими профессионально-личностными качествами, в том числе особой мотивационной направленностью к профессиональному саморазвитию, которая их и обуславливает.

Задачи исследования.

1. Провести теоретический анализ по проблеме исследования с целью выявления необходимости разработки диагностической программы.

2. Разработать и реализовать диагностическую программу по исследованию показателей мотивации как детерминанты ЛПК специалистов, обладающих педагогическим образованием.

3. Выявить детерминанты мотивации и особенности её проявления при формировании ЛПК, способствующих повышению профессиональных компетенций.

Проблемой профессионально-личностных качеств, которыми должен обладать учитель, на протяжении многих лет занимались отечественные и зарубежные учёные. Так, классическими являются исследования, осуществлённые А. Г. Асмоловым, Ю. К. Бабанским, Н. В. Кузьминой, И. Я. Лернером, А. К. Марковой, Л. М. Митиной, В. А. Сластениным

[11]. Среди зарубежных исследователей выделяются труды А. Адлера, Ж. Пиаже, Дж. Фейдимен, Р. Фрейгер и др. [11].

Однако в последнее время исследования по данной теме всё больше привлекают внимание учёных. Личностно-профессиональные качества педагога, учителя рассматриваются с разных сторон. Так, современные учёные выделяют профессиональные и личностные качества учителей разных предметных областей, например иностранного языка [10; 12], ОБЖ [6], музыки [9], учителей дополнительного образования [8] и пр.

Как указывают в теоретическом обзоре Н. Г. Жарких и С. С. Костыря, «проблема профессионального развития носит междисциплинарный характер и является одной из центральных проблем современной психологии труда, психологии профессий, акмеологии и др.» [3 с. 251]. Они отмечают, что «...профессиональное развитие можно рассматривать как процесс качественных и количественных изменений, происходящий в различных профессионально-значимых структурах личности, результатом которого являются положительные изменения в профессиональной деятельности и сознании человека» [3 с. 251]. Они также выражают согласие с позицией Л. В. Мозгарева о том, что качественные изменения являются новообразованиями в профессионально-значимых структурах личности, а количественные изменения – как положительное усиление сформированных и действующих в настоящий момент профессиональных характеристик личности. Данные характеристики способны определять направленность развития профессиональной деятельности, повышать её эффективность [3]. Подобные логические выводы согласуются с нашими предположениями об особенностях ЛПК учителей, стремящихся получить дополнительные компетенции в педагогической сфере, расширяющие инструментарий и возможности реализации себя на данном поприще.

Межкультурный анализ показал, что выделенные в профессиональных стандартах конкретные педагогические, профессиональные, личностные требования к будущему учителю могут быть сконцентрированы в обобщённых личных качества профессионального педагога (учителя) в США, Европе и России. Так, выделяются: активность; лидерские качества; толерантность; вера в то, что все дети могут и должны учиться; поддержка учащихся в социальном и личностном развитии; грамотность; коммуникабельность, общительность как внутри класса, так и во взаимодействии с коллегами; умение объяснять; креативность; поликультурное образование; оптимистичность; справедливость; разносторонность интересов; отслеживание и применение новейших научных разработок и технологий; энтузиазм; эрудиция [1]. Все эти качества сами по себе носят позитивный характер и, по сути, направлены на достижение определённых результатов и показателей как индивидуального уровня учителя, так и обучающегося. Учитель в процесс образования реализует ЛПК и демонстрирует на собственном примере, каким образом необходимо реагировать на влияние действующих обстоятельств.

По нашему представлению, требования, предъявляемые профессиональными стандартами, формируют определённые внешние условия. Прежде всего это условия, в которых профессионалу либо удаётся почувствовать себя комфортно и продолжать заниматься развитием себя в выбранной специальности, либо это вынуждает его изменить собственный путь. Личность педагога не может согласовать предъявляемые к ней требования и собственные качества. Ориентируясь на интересные результаты, полученные на студентах в работе С. В. Мартюшева [7], где проводится взаимосвязь смысловых ориентаций и мотивации достижения, мы выявили, что мотив избегания неудач соотносится с превышением нормативных значений смысловых

ориентаций. При этом можно указать на несоответствие этих данных с результатами, полученными нами в исследованной группе, где в большинстве случаев присутствует мотив достижения и совпадение с выбранными профессиональными ориентациями. Мы рассматриваем это как свидетельство взаимосвязи внутренней мотивации и осмысленного выбора профессии, что также подтверждается результатами исследований И. В. Бусько [2].

В рамках нашего исследования также необходимо отметить работу М. Ю. Краевой, которая проводила исследование соотношения стратегий самоутверждения с осознанными и неосознанными мотивами в деятельности педагогических работников [5]. Для нас важно выделить особенности соотношения мотивов и продолжение выбора педагогической области профессиональной деятельности.

В качестве диагностического инструментария нами были использованы следующие методики: изучение мотивации достижения; изучение мотивации успеха и боязни неудачи; комплексная методика изучения и развития мотивации профессионального самосовершенствования сотрудников (в качестве результатов, подтверждающих наши выводы, приводятся примеры ответов на некоторые вопросы анкеты, не вошедшие в процесс статистической обработки, но являющиеся важными для осознания особенностей мотивации, повторяющегося устойчивого характера).

Специфика ситуации заключается в том, что люди, обладающие педагогическим образованием и приходящие на дистанционную профпереподготовку по новой педагогической специальности, не меняют при этом сферу своей профессиональной деятельности. Причины расширения предметной педагогической деятельности были проанализированы опосредованно через анализ ответов на вопрос: «Каковы причины освоения

Вами новых учебных предметов?». Были получены следующие ответы: «работа интересная, но востребованы другие предметы в школе, и мне предлагают их освоить и вести, получить дополнительную нагрузку в школе»; «возможность получать дополнительный заработок»; «вести консультативную практику для подготовки детей к наиболее востребованным учебным предметам при сдаче экзаменов»; «изменение учебной нагрузки, связанной с ростом или её уменьшением». Причиной выбора профпереподготовки по предметам с небольшой часовой нагрузкой является ситуация, связанная тем, что трудно найти компетентного специалиста на неполную, маленькую ставку.

Результаты исследований

В исследовании приняло участие 75 человек с педагогическим образованием. 39 человек (из них 5 мужчин и 34 женщины), имеющих высшее педагогическое образование, а 36 человек (из них 5 мужчин и 31 женщина), имеющих средне-специальное педагогическое образование. По возрасту общая выборка была разделена на 4 группы: 1 группа – 20–25 лет, состав 1 человек; 2 группа – 7 человек в возрасте 26–30 лет; 3 группа – 13 человек в возрасте 31–35 лет; 4 группа – 18 человек старше 35 лет.

По полу возрастные группы распределились следующим образом: мужчины: возраст 31–35 лет – 1 человек, старше 35 лет – 4 человека; женщины: возраст 20–25 лет – 1 человек, 26–30 лет – 7 человек, 31–35 лет – 12 человек, старше 35 лет – 14 человек.

Анализировались результаты, полученные следующими методами: описательные статистики, анализ Спирмена, непараметрические критерии Манни-Уитни, Крускала-Уоллиса. При статистической обработке применялась программа SPSS-21.

В общей выборке выявлены прямые связи возраста с желанием работать по другой специальности, не связанной с

нынешней $r_s = 0,345$, $p = 0,032$; мотивации успеха с мотивацией достижений $r_s = 0,524$, $p = 0,001$.

У мужчин возраст имеет положительные связи с мотивацией успеха $k = 0,9$, $p = 0,01$ и мотивацией достижений $r_s = 0,9$, $p = 0,001$. В свою очередь у женщин выявлена прямая связь между мотивацией достижения и мотивацией успеха $r_s = 0,472$, $p = 0,005$. Статистически значимых различий по полу не выявлено.

Вместе с тем по критерию Крускала-Уоллиса в общей выборке выявлены статистически значимые различия между 3 и 4 возрастной группой по желанию работать по другой специальности, не связанной с нынешней, критерий $\chi^2 = -3,371$, $p = 0,004$.

У мужчин между 3 и 4 возрастной группой по мотивации успеха $\chi^2 = 4,00$, $p = 0,046$ и мотивации достижений $\chi^2 = 4,00$, $p = 0,46$ нет различий.

У женщин между 3 и 4 возрастной группой по желанию работать по другой специальности, не связанной с нынешней $\chi^2 = -2,933$, $p = 0,02$.

Таким образом, в общей выборке корреляционные связи свидетельствуют о том, что, чем старше возраст, тем больше мотивации работать по другой специальности, не связанной с нынешней; чем выше мотивация успеха, тем сильнее мотивация достижений. Одновременно с этим и у мужчин и у женщин – чем выше мотивация достижений, тем выше мотивация успеха. В то же время в возрастной группе 31–35 лет в отличие от группы старше 35 лет по общей выборке статистически наименее выражено желание сменить профессию, а у мужчин в 3 возрастной группе в отличие от 4 группы менее выражена мотивация успеха и достижений, а у женщин меньше выражена мотивация сменить профессию.

Желание работать по другой специальности, т. е. преподавать новый предмет, в общей выборке, высказали – «нет» 9 респондентов (23,1%), 18 человек – «не знаю» (46,2%), 12 исследуемых – «да»

(30,7%). У мужчин мотивацию к смене специальности высказали 1 человек (20,0%), нежелание менять специальность 2 респондента (40,0%), не определились 2 исследуемых (40,0%). В свою очередь, у женщин за смену специальности 8 человек (23,5%), против – 16 респондентов (47,1%), неопределившихся – 10 исследуемых (29,4%).

Наиболее значимыми близкими целями в своей трудовой деятельности в общей выборке выразили 26 человек (66,7%), а дальними – 13 респондентов (33,3%), из них у мужчины близкие цели выбрали 3 человека (60,0%), а дальние – 2 респондента (40,0%), а у женщин – 23 (67,6%) близкие и дальние 11 человек (32,4%) соответственно.

Желание выбрать свою профессию вновь в общей выборке высказали 22 человека (56,4%), «нет» – 6 респондентов (15,4%), «не знаю» – 11 исследуемых (28,2%). Желание оставить свою профессию выразили 2 мужчин (40,0%) и 20 женщин (58,8%), «нет» – также 2 (40,0%) и 4 (11,8%) соответственно, «не знаю» – 1 мужчина (20,0%) и 10 женщин (29,4%).

Таким образом, большинство респондентов (53,8%) по общей выборке не имеют выраженной мотивации работать по имеющейся специальности, из них у мужчин – 60,0%, а у женщин – 52,9%. Из этого следует, что у мужчин это более выражено, чем у женщин. В своей трудовой деятельности респонденты чаще используют тактические цели 66,7%, чем стратегические, при этом женщины чаще и более выражено, чем мужчины (67,6% и 60,5%). Одновременно желание работать по своей профессии высказало большинство респондентов (56,4%). В то же время у женщин (58,8%) эта мотивация выражена сильнее, чем у мужчин (40,0%).

Мотивация неуспеха в общей выборке выявлена у 1 человека (2,6%), невыраженная мотивация на успех определена у 10 респондентов (25,6%), а мотивация на успех у 28 исследуемых (71,8%). При этом у мужчин невыраженная мотивация

на успех выявлена у 1 человека (20,0%), а выраженная на успех у 4 респондентов (80,0%). В свою очередь, у женщин мотивация на неуспех определена у 1 человека (2,9%), невыраженная мотивация на успех – у 9 респондентов (26,5%), выраженная мотивация на успех – у 24 человек (70,6%).

Мотивация достижений в общей выборке отсутствует у 1 исследуемого (2,6%), невыраженная мотивация достижений определена у 10 респондентов (25,6%), выраженная мотивация достижений выявлена у 28 человек (71,8%). По полу мотивация достижений распределялась следующим образом. У мужчин невыраженная мотивация достижений выявлена у 1 человека (20,0%), а выраженная у 4 респондентов (80,0%), а у женщин отсутствие мотивации достижений определена у 1 человека (2,9%), невыраженная мотивация достижений у 9 респондентов (26,5%), выраженная мотивация достижений у 24 человека (70,6%).

Отмечается, что половые различия по показателям между женщинами и мужчинами отсутствуют. Нет половых различий также по уровню образования.

Таким образом, у педагогических работников четко сформированы мотивация на успех (71,8%) и мотивация достижений (71,8%). При этом мотивации на успех и достижений у мужчин более выражены, чем у женщин 80,0% и 70,6% соответственно по каждому показателю.

В 2018 г. было проведено исследование А. П. Кожевиной и С. В. Дубровиной среди учителей общеобразовательных организаций. В выводах они указывают, что «при изучении мотивов достижения в профессиональной деятельности педагогов общеобразовательных организаций было выявлено следующее. Большинство педагогов (30%) обладают умеренно высоким уровнем мотивации достижения цели и успеха» [4, с. 40].

Если делать сравнение с результатами исследования мотивации достижения и успеха действующих пе-

дагогических работников (учителей), полученными А. П. Кожевиной и С. В. Дубровиной, можно указать на то, что у специалистов, пришедших на профессиональную переподготовку по педагогическому направлению, уровень мотивации достижения и мотивации успеха значительно выше.

Анализ ответов на вопрос: «Какие Ваши потребности удовлетворяет педагогическая деятельность» свыше 80% опрошенных указывали на высокое удовлетворение следующих потребностей:

- «Моя работа даёт мне возможность проявлять творчество»;
- «Даёт возможность интеллектуального, культурного, организаторского роста»;
- «Даёт возможность быть самостоятельным, независимым в труде»;
- «Удовлетворяет потребность общения с товарищами по работе»;
- «Моя работа очень нужная и важная».

При этом 80% респондентов указали на низкую удовлетворённость, потребностей:

- «Даёт возможность продвижения по службе»;
- «Удовлетворяет потребность в зарплатке»;
- «Меня устраивают оклад и результаты труда по месту моей работы».

Заключение

Результаты исследования мотивации как детерминанты личностно-профессиональных качеств у учителей и педагогов, проходящих профессиональную переподготовку в дистанционном формате по педагогическим направлениям, показали следующее:

1. Чем старше возраст, тем выше желание работать по другой педагогической специальности, а также выше уровень мотивации успеха и достижений. Это обусловлено тем, что с возрастом у учителя, которому нравится оставаться в педагогической сфере, возникает потребность в ов-

ладении новыми учебными предметами, которые формируют новые компетенции и личностно-профессиональные качества.

2. Более 70% специалистов, проходящих профпереподготовку имеют выраженную мотивацию достижения и мотивацию успеха, что позволяет им использовать разные стратегии профессионального роста – выбор дальних целей, формирование качеств личности и т. д.

3. У учителей мужского и женского пола одинаково выражена связь мотивации успеха с мотивацией достижения.

4. В группе лиц, старше 35 лет, обладающих педагогическим образованием, как в общей выборке, так и в мужской и женской, желание работать по другому педагогическому предмету выражено больше, чем в других возрастных группах.

5. Менее 50% имеют осознанное желание преподавать новый предмет, что связано с неуверенностью его реализации в своей текущей или будущей профессиональной деятельности, при этом более 50% педагогов преследуют ближние цели данной переподготовки в своей трудовой деятельности.

6. Педагогическая деятельность удовлетворяет духовные и личностные потребности в большей степени нежели материальные, вместе с тем более 50% готовы выбрать свою профессию вновь. Расширение педагогических компетенций и возможности преподавать другие предметы способствует повышению удовлетворения материальных потребностей, что очень значимо для сохранения личностных и духовных ценностей, реализуемых в педагогической практике.

7. Мотивация к достижению – выступает детерминацией направленности профессиональных и личных качеств, например, в умении объяснять, осуществлять поиск оригинальных путей решения проблем и ситуаций, определять результат и следовать маршруту его исполнения.

Теоретическая и практическая значимость выражена в том, что обоснована

мотивация как детерминанта личностно-профессиональных качеств учителя или педагога, оказывающая влияние на его готовность повышать свою профессиональную переподготовку в данной сфере деятельности.

С практической точки зрения данное исследование может быть полезно тем, что указывает на возможность осуществления продуктивного дистанционного образовательного процесса в силу высокой степени мотивированности обучающихся. Для них удобно сочетание про-

фессиональной деятельности и обучения, что позволяет сохранять материальные и временные ресурсы, а также минимизировать прилагаемые физические и психологические нагрузки. Обучающиеся выделяют и структурируют своё свободное время от работы с целью повышения профессионального уровня образования и получения новых квалификационных компетенций, но оставаясь при этом в области педагогической деятельности.

Статья поступила в редакцию 17.12.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Астапенко Е. В. Анализ личностных, профессиональных качеств школьного учителя в стандартах преподавания США // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2011. № 1. С. 113–120.
2. Бусько И. В. Мотивация достижений как фактор эффективности непрерывного образования // Перспективы развития высшей школы: сборник трудов XI Международной научно-методической конференции. Гродно, 2018. С. 133–136.
3. Жарких Н. Г., Костыря С. С. Профессиональное развитие педагога в отечественных и зарубежных исследованиях // Учёные записки Орловского государственного университета. 2018. № 3 (80). С. 250–257.
4. Кожевина А. П., Дубровина С. В. Мотивация профессиональной деятельности педагогов общеобразовательных организаций // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 5 (49). С. 39–43.
5. Краева М. Ю. Особенности направленности личности педагогических работников с разными стратегиями самоутверждения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 1. С. 73–83. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-73-83.
6. Малаева К. В. Профессиональные и личные качества учителя ОБЖ // География и безопасность жизнедеятельности – традиции и инновации в педагогическом образовании: материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвящённой 110-летию Педагогического института ИГУ. Иркутск, 2019. С. 179–181.
7. Мартышев С. В. Смысловые ориентации и мотивация достижения успеха в учёбе у студентов очной формы обучения // Международный студенческий вестник. 2020. № 1. С. 20–23.
8. Панасенкова М. М. Формирование профессиональных компетенций учителя в системе дополнительного профессионального образования // Инновационная наука. 2019. № 12. С. 178–182.
9. Сяо Ш., Цзинь Г. Профессиональные качества учителя музыки // Человек. Социум. Общество. 2019. № 3. С. 9–12.
10. Филатова Е. С. Личностные качества учителя иностранного языка // Актуальные проблемы современной науки: материалы международной (заочной) научно-практической конференции / под общ. ред. А. И. Вострецова. Нефтекамск, 2020. С. 650–656.
11. Шайденкова Н. А., Кипурова С. Н. Анализ современного состояния исследований проблемы профессиональной деятельности учителя // Вопросы педагогики. 2019. № 10–2. С. 225–232.
12. Щепетнов Б. А. Профессиональные качества учителя иностранного языка // Наука и образование сегодня. 2020. № 5 (52). С. 56–58.
13. Bonk C., Graham C. R. The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs, 2005. 624 p.
14. Blended Learning Today: Designing in the New Learning Architecture. The Oxford Group [Электронный ресурс] [2014]. URL: <http://ww3v.oxford-group.com/pdf/blendedlearningtoday-2014.pdf>. (дата обращения: 16.08.2019).

REFERENCES

1. Astapenko E. V. [Analysis of the personal, professional qualities of a school teacher in the US teaching standards]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology], 2011, no. 1, pp. 113–120.
2. Bus'ko I. V. [Motivation for achievement as a factor in the effectiveness of lifelong education]. In: *Perspektivy razvitiya vysshei shkoly: sbornik trudov XI Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii* [Prospects for the Development of Higher Education: Proceedings of the XI International Scientific and Methodological Conference]. Grodno, 2018, pp. 133–136.
3. Zharkikh N. G., Kostyrya S. S. [Professional development of a teacher in domestic and foreign studies]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University], 2018, no. 3 (80), pp. 250–257.
4. Kozhevina A. P., Dubrovina S. V. [Motivation of the professional activity of teachers in educational organizations]. In: *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2018, no. 5 (49), pp. 39–43.
5. Kraeva M. Yu. [Features of the orientation of the personality of teachers with different strategies of self-affirmation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 1, pp. 73–83.
6. Malaeva K. V. [Professional and personal qualities of the OBZh teacher]. In: *Geografiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti – traditsii i innovatsii v pedagogicheskom obrazovanii: materialy Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 110-letiyu Pedagogicheskogo instituta IGU* [Geography and life safety – traditions and innovations in teacher education: Materials of the All-Russian conference with international participation dedicated to the 110th anniversary of the Pedagogical Institute of ISU]. Irkutsk, 2019, pp. 179–181.
7. Martyushev S. V. [Life-meaning orientations and motivation for achieving success in studies among full-time students]. In: *Mezhdunarodnyi studencheskii vestnik* [International student bulletin], 2020, no. 1, pp. 20–23.
8. Panasenkov M. M. [Formation of professional competencies of a teacher in the system of additional professional education]. In: *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science], 2019, no. 12, pp. 178–182.
9. Syao Sh., Tszin' G. [Professional qualities of a music teacher]. In: *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo* [Person. Socium. Society], 2019, no. 3, pp. 9–12.
10. Filatova E. S. [Personal qualities of a foreign language teacher]. In: Vostretsov A. I., ed. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki: materialy mezhdunarodnoi (zaochnoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of modern science. Materials of the international (correspondence) scientific and practical conference]. Neftekamsk, 2020, pp. 650–656.
11. Shaidenkova N. A., Kipurova S. N. [Analysis of the current state of research on the problem of the teacher]. In: *Voprosy pedagogiki* [Pedagogical issues], 2019, no. 10–2, pp. 225–232.
12. Shchepetnov B. A. [Professional qualities of a foreign language teacher]. In: *Nauka i obrazovanie segodnya* [Science and education today], 2020, no. 5 (52), pp. 56–58.
13. Bonk C., Graham C. R. *The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs*, 2005. 624 p.
14. *Blended Learning Today: Designing in the New Learning Architecture*. The Oxford Group, 2014. Available at: <http://ww3v.oxford-group.com/pdf/blendedlearningtoday-2014.pdf> (accessed: 16.08.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хаидов Сергей Курбанович – кандидат психологических наук, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: haidov@bk.ru

Басин Максим Александрович – кандидат психологических наук, директор Автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Национальный исследовательский институт дополнительного образования и профессионального обучения»;
e-mail: basin_78@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei. K. Khaidov – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Special Psychology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
e-mail: haidov@bk.ru

Maksim A. Basin – Cand. Sci. (Psychology), Director, Autonomous non-profit organization of additional professional education «National Research Institute of Additional Education and Professional Training»;
e-mail: basin_78@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хаидов С. К., Басин М. А. Мотивация как детерминанта личностно-профессиональных качеств специалистов с педагогическим образованием, проходящих профессиональную переподготовку в дистанционной форме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 117–126.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-117-126

FOR CITATION

Haidov S. K., Basin M. A. Motivation as a determinant of personal-professional qualities of specialists with pedagogical education undergoing professional retraining in a remote form. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2021, no. 1, pp. 117–126.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-117-126

ПСИХОЛОГИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

PSYCHOLOGISTS IN THE CONDITIONS OF PANDEMIC

С 11.01.2021 по 13.01.2021 в центре «Психологических технологий и инноваций» кафедры общей и прикладной психологии КазНУ им. аль-Фараби проходил семинар в русле Международной зимней школы-2021, в процессе которого психологи разных стран (США, Болгарии, России и Казахстана) могли обменяться опытом работы в условиях пандемии.

Восприятие пандемии, реакция на мощный информационный поток, страхи, стрессы, связанные с разноликим информационным потоком, множеством нестандартных ограничений, самоизоляции, стимулировали проблему смысла жизни, осмысление собственного Я. В связи с этим замечательным было знакомство с авторскими биографическими методиками «Психологический возраст личности» и «Каузометрия» доктора психологических наук, профессора, директора Института каузометрии Life Look.Net(США) Кроника Александра Александровича.

Психологи могли апробировать эти методики на себе во время семинаров, поскольку данные методики имелись в электронном варианте, в интернете. Эти методики позволяют человеку целостно охватить свою жизнь через анализ событий прошлого и прогнозирования своего будущего и получение ответов на многие вопросы, возникающие в настоящем. Для углублённого самоанализа это замечательный инструментальный, позволяющий в условиях пандемии осознать многие стороны своей жизни, взаимосвязь всех

событий его жизни и пересмотреть своё восприятие мира и значимых для него других.

Актуальным в условиях пандемии было проведение консультаций в онлайн-режиме. Первоначально такой вариант был сложным не только для клиентов, но и психологов. Однако в Казахстане онлайн-консультации в условиях самоизоляции стали очень актуальными, а значимость профессии психолога повысилась. Страхи, стрессы, внутрисемейные конфликты, депрессии, тревожные мысли, бессонница, переживания за близких – эти острые проблемы не могли оставлять безучастными психологов нашей кафедры и центра. Консультации в онлайн-режиме стали частью нашей жизни. Они проходили в благотворительной форме. Особо отличились молодые психологи: С. К. Кудайбергенова, кандидат психологических наук, З. М. Садвакасова, кандидат педагогических наук, А. Р. Ризулла, доктор PhD, А. В. Лавров, магистрант и мн. др. В связи с этим психологи Казахстана с удовольствием слушали выступление доктора психологических наук, профессора Московского областного государственного университета Татьяны Ивановны Шульги по проблемам консультирования в онлайн-режиме в условиях России. Она отметила трудности в консультировании, связанные с реакцией на ситуацию пандемии, появлением дефицита эмоций, связанных с живым общением, возросшей ответственностью за организацию собственной линии об-

учения, взаимоотношения внутри структуры семьи и др. Большое внимание она уделила вопросам грамотной интервенции родителей, умению организовать режим дня и возможным вариантам заполненности досуга, значимость творчества, благодаря которому можно разрешать множество проблем. Татьяна Ивановна, много лет посвятившая работе с сиротами и с уязвимыми слоями населения, дала множество рекомендаций в работе с ними.

О работе детских учреждений в условиях пандемии в Болгарии ознакомила кандидат психологических наук, ассоциированный профессор, заведующий кафедрой «Психология развития и здоровья» Института исследования населения и человека Болгарской академии наук Мария Петрова Трифонова. Ориентируясь на значимость развития ребёнка в детском возрасте (времени, в котором фиксируется первичная картина мира, связанная с прототипами объектов, животных и субъектов, которые в дальнейшем могут определять особенности восприятия мира, а также с пластичностью функционирования мозговой деятельности), она раскрыла специфику работы с детьми от рождения до 5 лет, акцентировав внимание на стратегиях стимулирования потенциальных ресурсов ребёнка. Она познакомила аудиторию со скрининг-тестом, работающим по принципу «мозг – тело – действие», который позволяет выявить и прогнозировать проблемы детского развития, вовремя реагировать на дефицит развития в той или иной области жизни ребёнка, вовремя предупредить риск его распространения на другие сферы.

Психологи Казахстана соотносили услышанное о состоянии социальной среды развития в детских учреждениях Казахстана, что поставило много вопросов, связанных с дальнейшей работой в сфере детской психологии.

В условиях пандемии значимой была проблема со стереотипами мышления,

с негативными суждениями, с мыслями о неопределённом будущем, стрессогенность которых была достаточно высока. В связи с этим доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и прикладной психологии КазНУ имени аль-Фараби Забира Бекешовна Мадалиева рассказала, как работать с мыслями, как ориентировать их на позитив, какие техники по изменению мыслей существуют. Она проанализировала проблемы людей с фиксированным мышлением, с их негативами в отражении мира и ситуаций, с трудностями в адаптации в мире и предложила несколько техник, позволяющих изменить восприятие и мысли в русле когнитивно-бихевиорального направления.

Пандемия – это было время для углублённого познания себя, анализа своего близкого и дальнего окружения, особенностей общения с ними. В связи с этим доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии КазНУ имени аль-Фараби, директор центра «Психологических технологий и инноваций» Фатима Сагымбековна Ташимова предложила методику самоанализа «Я – мой мир». Данная методика основана на учении аль-Фараби о субъекте как микрокосме, в котором представлен весь макрокосм. Техника самоанализа позволяет выявить позитивные и негативные вклады представленных в субъекте интимных личностей и осмысления выбора Я, который является стержневой основой интеграции целостности субъекта, актуализирующего различные уровни сознательных и бессознательных пластов психического и телесных ресурсов. Работая с данной методикой клиенты, рассматривали отношения со значимыми людьми, вновь и вновь переживали различные позитивные и негативные ситуации взаимодействия с ними, анализируя с точки зрения сегодняшнего восприятия данные ситуации, формируя новое видение причин и последствий их, многие приходили к

пересмотру себя, поступков других и прощению. Актуальной была и техника по радикальному прощению, представленная докторантом кафедры общей и прикладной психологии КазНУ имени аль-Фараби Шарапат Амангельдиновной Султаналиевой. Многие слушатели расстраивались, пропуская через себя данную технику. Они не осознавали возможности её мгновенного влияния. И многие страдавшие от сложности прощения говорили о том, что они смогли простить и получили облегчение.

Как в условиях пандемии и самоизоляции всё-таки быть счастливыми, сделать свою жизнь наполненной больше позитивами, несмотря на сложившуюся ситуацию? Очень актуальными были техники работы с эмоциональным интеллектом, которые способствуют достижению переживания мгновений счастья, предложенные доктором PhD по специальности «Психология», заведующим кафедрой социальных наук университета Международного Бизнеса и Экономики Ризуллой Айданой Ризуллаевой. Она выпускница КазНУ им. аль-Фараби, которая (одна из первых в Казахстане) защитила диссертацию по влиянию мимики на психологическое благополучие в русле интербихевиоризма на экспериментальном уровне.

Проблемы семейных отношений – одна из острых проблем, актуализированной пандемией была рассмотрена в выступлении кандидата психологических наук, доцента кафедры общей и прикладной психологии КазНУ имени аль-Фараби Жанар Кудайбергеновой Рысбековой. Она предложила техники транзактного анализа, в частности треугольник Карпмана, и продемонстрировала как это работает на анализе фильмов, а также предложила несколько шагов выхода из него.

Самоизоляция позволила больше внимания уделить себе, своему телу, в преодолении стрессовых ситуаций и фрустрированности. В связи с этим техники танцевально-двигательной терапии как

телесно-смыслового ресурса, стимулирующего равновесие в системе и преодоление проблем на телесном уровне, были предложены Натальей Владимировной Польшанной, выпускником кафедры и членом центра Психотехнологий, магистром психологии, сертифицированным специалистом по танцевально-двигательной терапии, телесно-ориентированной терапии и метафорическим картам.

Не только танцы и музыка, но и элементарная работа с голосом, активизация природного голоса в сочетании с дыхательными техниками являются одними из эффективных техник в преодолении стресса, улучшении состояния души. Техники работы с голосовой терапией как одного из важных разделов телесно-ориентированной психотерапии были предложены докторантом университета «Туран» Айгерим Асхаровной Тастановой. Работа с возрождением природного голоса – это не только красота его природного звучания. Это снятие мышечных зажимов всего тела на основе стимулирования рече-двигательной мускулатуры. Апробация техник в онлайн-режиме произвела благоприятные изменения в эмоциональном состоянии участников семинара.

Кинотерапевтическая практика в консультировании была продемонстрирована магистрантом кафедры общей и прикладной психологии КазНУ им. аль-Фараби и членом центра Психотехнологий Антоном Валерьевичем Лавровым. Им были продемонстрированы задачи кинотерапии и процедура проведения анализа на основе фильмов.

Проблема устойчивого поведения в условиях пандемии и преодоления стрессовых ситуаций была продемонстрирована в выступлении кандидата педагогических наук, доцента кафедры общей и прикладной психологии КазНУ им. аль-Фараби Зухрой Маратовной Садвакасовой. Ею был представлен свод методик, согласно различным направлениям психологии, стимулирующих самоэффективность и

позволяющих более мягкий вариант преодоления сложных жизненных ситуаций.

Актуальными в условиях пандемии была проблема с работой с горем. В связи с этим большой интерес вызвало у слушателей выступление Ботагоз Жусупбековны Амировой, ведущего специалиста по чрезвычайным ситуациям, которая является психологом-спасателем с большим стажем работы. Она рассказала о состоянии проблемы переживания утраты в Казахстане, работе с родственниками в процессе опознания, продемонстрировала техники работы с потерпевшими на месте происшествия, раскрыла виды психологической помощи (информационную, социальную, при сопровождении, консультировании и терапии), а также раскрыла техники работы с горем на различных этапах переживания горя.

Арт-терапевтические техники были одними из актуальных технологий в процессе переживания пандемии в Казахстане. Магистр психологии, преподаватель кафедры общей и прикладной психологии КазНУ им. аль-Фараби Айгуль Амангельдиевна Лиясова рассказала об использовании техник арт-терапии в процессе сохранения психического здоровья.

Новые технологии подарили нам возможность непосредственного общения, полного эмоциональности и отсутствия дальности. Психологи разных стран поделились впечатлениями восприятия пандемии с вытекающими отсюда проблемами и переживаниями, а самое главное – это техники работы психологов во время пандемии, в условиях онлайн-ре-

жима. Участники и спикеры могли «вживём» пообщаться, поделиться впечатлениями, узнать многое о работе детских психологов Болгарии, о проблемах в работе с детьми из детских домов и приёмными родителями, а также с ипользуемыми приёмами вовлечения пенсионеров в работу с детьми («Дедушка на час», «Бабушка на час») в России. Психологи, работающие в данных сферах, имели возможность соотнести свои варианты работ с представителями других стран. Естественно, это был хороший выход за пределы возможного, чтобы соотнести опыт коллег с состоянием данных работ в Казахстане.

Школа была уроком единства теории и практики, сотрудничества психологов молодого и зрелого возрастов, психологов из ближнего и дальнего зарубежья. Восторгу познания и общения не было предела, а самое главное – это овладение техниками работы с людьми в русле разных направлений психологии.

Это одно из начинаний, которое, надемся, вольётся в постоянный опыт сотрудничества между разными странами, университетами, в праздник общения и совместных достижений. В мае 2021 г. предстоит Международная летняя психологическая школа, в которую мы приглашаем всех желающих практико-ориентированных психологов. Особо хочется пригласить преподавателей и сотрудников Московского государственного областного университета, с которыми мы давно поддерживаем научные связи.

Материал поступила в редакцию 29.01.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фатима С. Ташимова – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии, директор Центра психологических технологий и инноваций Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы
e-mail: fatimatashimova99@gmail.com

Айдана Р. Ризулла – доктор PhD по психологии, заведующий кафедрой социальных наук Университета международного бизнеса и экономики, г. Алматы;
e-mail: arizulla@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fatima S. Tashimova – Dr. Sci. (Psychology), Professor of the Department of General and Applied Psychology, Director of the Psychological Technologies and Innovations Center Kazakh National University, named after al-Faraby, Almaty
e-mail: fatimatashimova99@gmail.com

Aidana R. Rizzullah – Dr. Sci. (Psychology), Head of the Department of Social Studies University of International Business and Economy, Almaty
e-mail: arizulla@mail.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2021. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор Т. С. Павлова
Переводчики Е. В. Приказчикова, А. С. Барминова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,25, уч.-изд. л. 10,5.
Подписано в печать: 31.03.2021. Выход в свет: 06.04.2021. Заказ № 2021/03-09.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А

ISSN 2072-8514

9 772072 851064 >